

NARXOZ
UNIVERSITY

ISSN 2789-4398
e-ISSN 2789-4401

CENTRAL ASIAN ECONOMIC REVIEW

**CENTRAL ASIAN
ECONOMIC REVIEW
VOLUME 1 (154)**

2024

Central Asian Economic Review

Журнал Қазақстан Республикасының
Ақпарат және коммуникация
министрлігінде тіркелген

Күәлік № 16353-Ж
23.02.2017 ж.

NARXOZ
UNIVERSITY

№1 (154) 2024
1996 жылдан бастап
шыға бастады

Негізін қалаушы
«Нархоз Университеті» КеАҚ
ISSN 2789-4398
е-ISSN 2789-4401

«Нархоз Университеті» КеАҚ
Central Asian Economic Review ғылыми-редакциялық кеңесі

РЕДАКЦИЯЛЫҚ АЛҚА

Бас редактор

Святов С.А. — экономика ғылымдарының докторы, профессор, Нархоз Университеті

Бас редактордың орынбасары

Арыстанбаева С.С. — экономика ғылымдарының докторы, профессор, Нархоз Университеті

РЕДАКЦИЯ АЛҚА

Адамбекова А. А.	— экономика ғылымдарының докторы, профессор, әл-Фараби атындағы Қазақ Ұлттық Университеті
Байтенова Л. М.	— экономика ғылымдарының докторы, профессор, Ғұмарбек Дәукеев атындағы Алматы энергетика және байланыс университеті
Доскеева Г. Ж.	— экономика ғылымдарының докторы, профессор, Нархоз Университеті
Каптарбаева Ш. М.	— экономика ғылымдарының докторы, профессор, Нархоз Университеті
Сейтказиева А. М.	— экономика ғылымдарының докторы, профессор, Қазақстан-Британ техникалық университеті (ҚБТУ)
Симанавичене Ж.	— экономика ғылымдарының докторы, профессор, Munksgaard Romeris Университеті
Смагулова Ш. А.	— экономика ғылымдарының докторы, профессор, Халықаралық Бизнес Университеті
Умирзаков С. Ы.	— экономика ғылымдарының докторы, профессор, Нархоз Университеті
Абенова Е. А.	— педагогикалық ғылымдар кандидаты, қауымдастырылған профессор, Университет Нархоз
Акимов А.	— Ph.D., профессор, Griffith Business Scho
Алиханова Р. К.	— Ph.D., ассистент-профессор, Университет Нархоз
Аргынбаева Ж. Ж.	— PhD, Ғылыми зерттеу жұмысы бөлімінің бастығы, Нархоз Университеті
Баймагамбетова Л. К.	— экономика ғылымдарының кандидаты, профессор, Нархоз университеті
Браувайлер К.	— Ph.D., профессор, West Saxon University of Zwickau
Дюсембекова Ж. М.	— экономика ғылымдарының кандидаты, профессор, Нархоз Университеті
Елшибаев Р.	— экономика ғылымдарының кандидаты, профессор, Нархоз Университеті
Ералиева Я. А.	— Ph.D., профессор, Нархоз Университеті
Исабаев М. М.	— Ph.D., қауымдастырылған профессор, Нархоз Университеті
Ким Д.	— PhD, профессор, Университет Нархоз
Кожаммет С.	— Ph.D., профессор, Oxford Brookes Business School
Reazul Islam	— PhD, Albukhary International University (AIU), Kedah, Malaysia
Нургалиева А. М.	— Ph.D., қауымдастырылған профессор, Нархоз Университеті
Оскенбаев Е.	— қауымдастырылған профессор, Нархоз Университеті
Райымжанова А. Ж.	— PhD, ассоциированный профессор Университет Нархоз
Рузиева Э.	— экономика ғылымдарының кандидаты, профессор, Алматинский технологический университет
Сулеев Р. Н.	— PhD, қауымдастырылған профессор, Нархоз Университеті
Сарсенбаева А. Ж.	— «Издательство «Фортуна Полиграф» ЖШС бас директоры, журналдың жауапты редакторы
Турысбек А. Қ.	— Ғылыми зерттеу жұмысы бөлімінің аға координаторы, Нархоз Университеті, журналдың техникалық редакторы

Central Asian Economic Review

Журнал зарегистрирован в
Министерстве информации и
коммуникаций Республики Казахстан
Свидетельство № 16353-Ж
23.02.2017 г.

№1 (154) 2024

Издаётся с 1996 года

Учредитель
НАО «Университет Нархоз»
ISSN 2789-4398
e-ISSN 2789-4401

Редакционный совет
Central Asian Economic Review
НАО «Университет Нархоз»

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Главный редактор
Святов С. А. – доктор экономических наук, профессор, Университет Нархоз

Заместитель главного редактора
Арыстанбаева С. С. – доктор экономических наук, профессор, Университет Нархоз

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Адамбекова А. А. – доктор экономических наук, профессор, Казахстанский национальный университет им. Аль Фараби

Байтенова Л. М. – доктор экономических наук, профессор Алматинский энергетический университет

Доскеева Г. Ж. – доктор экономических наук, профессор, Университет Нархоз

Кантарбаева Ш. М. – доктор экономических наук, профессор, Университет Нархоз

Сейтказиева А. М. – доктор экономических наук, профессор, Казахстанско-Британский технический университет (КБТУ)

Симанавичене Ж. – доктор экономических наук, профессор, Университет Mykolas Romeris

Смагулова Ш. А. – доктор экономических наук, профессор Университет международного бизнеса им. К.А.Сагадиева

Умирзаков С. Ы. – доктор экономических наук, профессор, Университет Нархоз

Абенова Е. А. – кандидат педагогических наук, ассоциированный профессор, Университет Нархоз

Акимов А. – Ph.D., профессор, Griffith Business Scho

Алимханова Р. К. – Ph.D., ассистент-профессор, Университет Нархоз

Арғынбаева Ж. Ж. – PhD, начальник Отдела НИИР, Университет Нархоз

Баймагамбетова Л. К. – кандидат экономических наук, профессор, Университет Нархоз

Браувайлер К. – Ph.D., профессор, West Saxon University of Zwickau

Дюсембекова Ж. М. – кандидат экономических наук, профессор, Университет Нархоз

Елшибаев Р. – кандидат экономических наук, профессор, Университет Нархоз

Ералиева Я. А. – Ph.D., профессор, Университет Нархоз

Исабаев М. М. – Ph.D., ассоциированный профессор, Университет Нархоз

Ким Д. – PhD, профессор-исследователь, Университет Нархоз

Кожамет С. – Ph.D., профессор, Oxford Brookes Business School

Reazul Islam – PhD, Albukhary International University (AIU), Kedah, Malaysia

Нургалиева А. М. – Ph.D., ассоциированный профессор, Университет Нархоз

Оскенбаев Е. – ассоциированный профессор, Университет Нархоз

Райымжанова А. Ж. – PhD, ассоциированный профессор Университет Нархоз

Рузиева Э. – кандидат экономических наук, профессор, Алматинский технологический университет

Сулеев Р. Н. – PhD, ассоциированный профессор Университет Нархоз

Сарсенбаева А. Ж. – генеральный директор ТОО «Издательство «Фортуна Полиграф», ответственный редактор журнала;

Турсыбек А. Қ. – старший координатор Отдела НИИР, Университет Нархоз, технический редактор журнала

Central Asian Economic Review

This Journal is Registered in the Ministry
of Information and Communication of
The Republic of
Kazakhstan

Document №16353-Ж
23.02.2017 year

Volume 1 No. (154) 2024

*The journal has been published
since 1996*

The Founder
NP JSC «Narxoz University»

ISSN 2789-4398
e-ISSN 2789-4401

Editorial Board Central Asian Economic Review NP JSC «Narxoz University»

EDITORIAL BOARD

Chief Editor Svyatov S.A.	–	<i>Doctor of Economics, Professor, Narxoz University</i>
Deputy Chief Editor Arystanbayeva S. S.	–	<i>Doctor of Economics, Professor, Narxoz University</i>

EDITORIAL BOARD

Adambekova A. A.	–	<i>Doctor of Economics, Professor, Al-Farabi Kazakh National University</i>
Baytenova L. M.	–	<i>Doctor of Economics, Professor, Almaty University of Power Engineering and Telecommunications</i>
Doskeyeva G. Zh.	–	<i>Doctor of Economics, Professor, Narxoz University</i>
Kantarbayeva Sh. M.	–	<i>Doctor of Economics, Professor, Narxoz University</i>
Seytkaziyeva A. M.	–	<i>Doctor of Economics, Professor, Kazakh-British Technical University (KBTU)</i>
Simanavicienė Ž.	–	<i>Doctor of Economics, Professor, Mykolas Romeris University</i>
Smagulova Sh. A.	–	<i>Doctor of Economics, Professor, Kenzhegali Sagadiyev International University of Business</i>
Umirzakov S. Y.	–	<i>Doctor of Economics, Professor, Narxoz University</i>
Abenova E. A.	–	<i>Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Narxoz University</i>
Akimov A.	–	<i>Ph.D., Professor, Griffith Business School</i>
Alimkhanova R. K.	–	<i>Ph.D., Assistant Professor, Narxoz University</i>
Baimagambetova L. K.	–	<i>Candidate of Economics, Professor, Narxoz University</i>
Brauweiler C.	–	<i>Ph.D., Professor, West Saxon University of Zwickau</i>
Dyussebekova Zh. M.	–	<i>Candidate of Economics, Professor, Narxoz University</i>
Yelshibaev R.	–	<i>Candidate of Economics, Professor, Narxoz University</i>
Yeraliyeva Y. A.	–	<i>Ph.D., Professor, Narxoz University</i>
Issabayev M. M.	–	<i>Ph.D., Associate Professor, Narxoz University</i>
Kim D.	–	<i>PhD, Research Professor, Narxoz University</i>
Kozhakhmet S.	–	<i>Ph.D., Professor, Oxford Brookes Business School</i>
Reazul Islam	–	<i>PhD, Albukhary International University (AIU), Kedah, Malaysia</i>
Nurgaliyeva A. M.	–	<i>Ph.D., Associate Professor, Narxoz University</i>
Oskembayev Y.	–	<i>Associate Professor, Narxoz University</i>
Raiymzhanova A. Zh.	–	<i>PhD, Associate Professor, Narxoz University</i>
Ruzieva E.	–	<i>Candidate of Economics, Professor, Almaty Technological University</i>
Suleyev R. N.	–	<i>PhD, Associate Professor, Narxoz University</i>
Argynbayeva Zh. Zh.	–	<i>PhD, Head of the Research Department, Narxoz University</i>
Sarsenbayeva A. Zh.	–	<i>General Director of LLP "Fortuna Polygraph Publishing House," Editor of the journal;</i>
Turysbek A. K.	–	<i>Senior Coordinator of the Research Department, Narxoz University, Technical Editor of the journal</i>

МАЗМҰНЫ
СОДЕРЖАНИЕ

ҰЛТТЫҚ ЭКОНОМИКА: ДАМУ БАҒЫТТАРЫ
НАЦИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА: ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРОГРАММ РАЗВИТИЯ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОНОМИКИ	
М. К. Уандыкова, К. С. Алдажаров, Г. Н. Астаубаева.....	6
ЭКОНОМИКА СОВМЕСТНОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ В КАЗАХСТАНЕ: УСЛОВИЯ И ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ	
О. В. Куур, Е. В. Варавин, М. В. Козлова	22
ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КАЗАХСТАНА И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ЭНЕРГЕТИЧЕСКУЮ СТРАТЕГИЮ КИТАЯ	
Ду Бинхан, Ж. Жұман, А. Т. Макулова	44
ОРГАНИКАЛЫҚ АУЫЛ ШАРУАШЫЛЫҒЫН ДАМУДА ЖАСЫЛ МАРКЕТИНГТІҢ РӨЛІ	
Б. Б. Болатбек, Г. С. Сәтбаева, А. М. Дүйсебаева	55
ОСОБЕННОСТИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПЕРЕХОДА В РЕГИОНАХ КАЗАХСТАНА	
Ю. К. Шокаманов, У. М. Искаков, А. А. Демесинова	64
ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ЭКОЛОГИЯЛЫҚ ТУРИЗМНІҢ ҚАЗІРГІ ДАМУ ТЕНДЕНЦИЯЛАРЫ	
Э. С. Бөрібай, Д. Д. Есимова, Г. К. Сатыбалдиева.....	80
МЕМЛЕКЕТ ЖӘНЕ БИЗНЕС: БАСҚАРУ ТЕОРИЯСЫ МЕН ПРАКТИКАСЫ ГОСУДАРСТВО И БИЗНЕС: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА УПРАВЛЕНИЯ	
COMPARATIVE ANALYSIS OF CURRENT TRENDS IN STAFF MOTIVATION	
T. Fukai, A. D. Issakhan.....	92
СЫБАЙЛАС ЖЕМҚОРЛЫҚТЫҢ ЕЛДІҢ ЭКОНОМИКАЛЫҚ ҚЫЗМЕТІНЕ ӘСЕРІ	
А. Е. Айтжанова, Ж. З. Оралбаева, Г. К. Жанибекова.....	102
ИНВЕСТИЦИЯЛАР, ҚАРЖЫ ЖӘНЕ ЕСЕП ИНВЕСТИЦИИ, ФИНАНСЫ И УЧЕТ	
QUALITY PROBLEMS OF THE ENTERPRISE'S FINANCIAL STATEMENT AS A RESULT OF DISTORTION OF INDICATORS	
A. I. Kidirmaganbetova, O. Yu. Kogut, A. Z. Nurmagambetova.....	118
ОПТИМИЗАЦИЯ УЧЕТНЫХ ПРОЦЕДУР АВИАКОМПАНИЙ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ АНТИКРИЗИСНОГО УПРАВЛЕНИЯ	
Е. Е. Таниртаева, Г. К. Нурғалиева, Г. К. Муханова	129
ЭФФЕКТИВНОСТЬ МЕХАНИЗМОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ ИННОВАЦИОННОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН	
А. Д. Ибыжанова, Э. А. Рустенова, Н. С. Нуркашева	142
ВЛИЯНИЕ ИНВЕСТИЦИЙ НА КОНКУРЕНТНОСТЬ ОБРАБАТЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ (НА ПРИМЕРЕ КАРАГАНДИНСКОЙ ОБЛАСТИ)	
Е. П. Шин, Т. Т. Мусабаев, М. Т. Жоламанова	154

CONTENT

NATIONAL ECONOMY: DEVELOPMENT VECTORS

THEORY AND METHODOLOGY OF FORMATION OF STATE DEVELOPMENT PROGRAMS
IN CONDITIONS OF ECONOMY TRANSFORMATION

M. K. Uandykova, K. S. Aldazharov, G. N. Astaubayeva..... 6

SHARING ECONOMY IN KAZAKHSTAN: CONDITIONS AND FACTORS OF DEVELOPMENT

O. V. Kuur, Ye. V. Varavin, M. V. Kozlova 22

ENERGY POTENTIAL OF KAZAKHSTAN AND ITS IMPACT ON CHINA'S ENERGY STRATEGY

Du Bingham, J. Juman, A. Makulova 44

THE ROLE OF GREEN MARKETING STRATEGY IN THE SUSTAINABILITY OF ORGANIC
AGRICULTURE

B. B. Bolatbek, G. S. Satbayeva, A. M. Duisebayeva 55

FEATURES OF DEMOGRAPHIC TRANSITION IN KAZAKHSTAN REGIONS

Yu. K. Shokamanov, U. M. Iskakov, A. A. Demesinova 64

CURRENT DEVELOPMENT TRENDS ECOLOGICAL TOURISM IN KAZAKHSTAN

E. S. Boribay, D. D. Yessimova, G. K. Satybaldiyeva..... 80

STATE AND BUSINESS:
THEORY AND PRACTICE OF MANAGEMENT

COMPARATIVE ANALYSIS OF CURRENT TRENDS IN STAFF MOTIVATION

T. Fukai, A. D. Issakhan 92

THE IMPACT OF CORRUPTION ON THE ECONOMIC ACTIVITY OF THE COUNTRY

B. E. Aitzhanova, Zh. Z. Oralbayeva, G. K. Zhanibekova 102

INVESTMENT, FINANCE AND ACCOUNTING

QUALITY PROBLEMS OF THE ENTERPRISE'S FINANCIAL STATEMENT AS A RESULT
OF DISTORTION OF INDICATORS

A. I. Kidirmaganbetova, O. Yu. Kogut, A. Z. Nurmagambetova.....118

OPTIMIZATION OF AIRLINE ACCOUNTING PROCEDURES IN THE CONTEXT OF CRISIS
MANAGEMENT TRANSFORMATION

Y. Y. Tanirtayeva, G. K. Nurgalieva, G. K. Mukhanova 129

EFFICIENCY OF MECHANISMS OF STATE SUPPORT OF INNOVATIVE ENTREPRENEURSHIP
IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

A. D. Ibyzhanova, E. A. Rustenova, N. S. Nurkasheva 142

THE IMPACT OF INVESTMENTS ON THE COMPETITIVENESS OF THE MANUFACTURING
INDUSTRY (USING THE EXAMPLE OF THE KARAGANDA REGION)

Ye. P. Shin, T. T. Mussabayev, M. T. Zholamanova 154

МРНТИ 20.01.04

JEL Classification: O30; C80; D8

DOI: <https://doi.org/10.52821/2789-4401-2024-1-6-22>

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРОГРАММ РАЗВИТИЯ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОНОМИКИ

М. К. Уандыкова¹, К. С. Алдажаров¹, Г. Н. Астаубаева^{1*}

¹ Университет Нархоз, Алматы, Республика Казахстан

АННОТАЦИЯ

Целью исследования является анализ проблемных вопросов государственного планирования и управления. На основе анализа отечественного и мирового опыта проектного управления, обосновывается, что переход на технологии проектного управления в форме национальных приоритетов и национальных проектов не позволяет в должной степени достижения запланированных результатов. Для эффективного решения проблемы трансформации экономики в инновационную предложены общие подходы построения новой методологии формирования и реализации государственных программ развития со встроенной интеллектуальной системой поддержки принятия решений.

Методология. Используются контент-, ретроспективный, сравнительный анализы документов в сфере системы государственного планирования; подходы современной теории экономических систем, информационной экономики и ее прикладных решений для управления социально-экономическими системами, методы экономико-математического моделирования, принципы разработки систем поддержки принятия решений, программно-проектного управления.

Оригинальность / ценность исследования заключается в развитии/дополнении теории и методологии формирования системы управления государственными программами развития Республики Казахстан в условиях трансформации экономики в инновационную.

Результаты исследования. На основе анализа приводится аргументированный вывод о том, что в Казахстане не сложился системный взгляд на систему государственного планирования и управления; применяемый переход к методам проектного управления, представленным в виде национальных проектов, не приносит ожидаемых результатов, что может усложнить/не привести к достижению целей государственных программ развития и национальных проектов по развитию конкурентоспособной и инновационной экономики, основанной на политике ее диверсификации. Авторы вносят предложения по научно-обоснованному подходу к решению этой системной задачи в виде новой методологии формирования и реализации государственных программ развития со встроенной интеллектуальной системой поддержки принятия решений.

Ключевые слова: государственное планирование, проектное управление, национальные проекты, системный подход в управлении, интеллектуальные системы, модели управления.

Благодарности: В рамках грантового проекта Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан ИРН АР19678174 «Разработка теории и методологии формирования системы управления государственными программами развития Республики Казахстан в условиях трансформации экономики в инновационную».

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность представленной работы и ее результатов связана со сложившейся в настоящее время направленностью на трансформацию экономики в инновационную, необходимостью построения управления государственными программами развития (ГПР) с переходом «от затратной экономики к управлению по результатам» [1]. Рассмотрение проблемных вопросов в области формирования и реализации государственных программ развития (ФирГПР) Республики Казахстан «в условиях перехода к новой модели экономического

роста» [2] предполагает технологии цифровых решений на основе современных инструментов управления на базе интеллектуальных систем поддержки принятия решений (ИСППР). Применение ИСППР возможна только в случае проведения формализации целей и критериев управления, что предполагает иную – новую парадигму и модель инновационного развития в инновационной экономике.

Обзор литературы. Реструктуризация моделей благосостояния своих стран через процесс трансформации экономик – это то, что в современный период развития характеризует страны мира, независимо от социальных и политических различий, независимо от уровня развития экономик. При этом способы достижения социальных целей также имеют общую тенденцию – базируются на таком инструменте управления развитием как стратегические и программные документы, где главная ключевая роль отводится государству. Можно отметить, что страны с более 80 % населения мира имеют и развиваются согласно программам развития.

Применяемый в отечественной экономике программно-целевой подход управления в планировании и финансировании ГПР, не позволяет в должной мере достичь поставленных целей, и требует поиска более эффективных инструментов решения задач ФиРГПР.

В мировой практике программный подход в управлении основывается на принципах программно-целевого бюджетирования. В постсоветских же странах, по сложившемуся мнению экспертов [3-6], подобные подходы до сих пор не имеют достаточной эффективности, и во многом, в силу имеющих место перекосов в системе государственного управления. В ряде исследований отмечается, что порядок разработки и реализации целевых программ предполагает включение ожидаемых конечных результатов в обоснование программных мероприятий, однако часто это требование выполняется лишь формально. Результаты многих программ формулируются так, что они плохо поддаются точной количественной оценке, что затрудняет определение степени достижения целей программ. Плановые значения показателей в таких случаях не позволяют адекватно судить об успехах программ. Существующая система учета, отчетности и контроля исполнения бюджета в основном оценивает правомерность расходования средств, а не их результативность. Кроме того, отсутствует эффективная система измерения социально-экономических результатов бюджетного финансирования [3].

О наличии проблем в ФиРГПР говорится в докладах Счетного комитета по исполнению республиканского бюджета (с 2022 года – Высшая аудиторская палата) за последние годы в Парламенте страны. В частности, экспресс-анализ реализации государственных программ, проводимый Счетным комитетом по итогам исполнения бюджета за последние годы, выявлены высокие риски недостижения общенациональных целей. Кроме того, отмечено, что координаторы госпрограмм не проводят статистическое наблюдение по большинству индикаторов и показателей [6].

Казахстан с 2020 года перешел к новой системе государственного планирования, государственные программы развития реформированы в национальные проекты, перейдя тем самым к технологиям проектного управления. Все это связано с расширением в мировой практике эффективного планирования и управления сложными социально-экономическими системами на базе технологии проектного управления, в основу которого положена методология американского института управления проектами – PMI (Project Management Institute). Управление проектами представляет собой профессиональную творческую деятельность, использующую современные научные знания, навыки, методы и технологии для достижения эффективных результатов посредством успешного выполнения проектов, направленных на целенаправленные изменения [7].

В своих трудах исследователь А. Ю. Кулак описывает признанную в мировой практике важность проектного управления: «Управление проектами – это в настоящее время признанная во всем мире профессиональная дисциплина. Методология и средства управления проектами широко используются во всех сферах целенаправленной и проектно-ориентированной деятельности» [8].

Государственная программа представляет собой инструмент планирования результатов деятельности, с сопоставлением плановых и фактически полученных показателей, для всех уровней и структур экономики. Кроме того, государственная программа определяет реализацию стратегии развития

страны. Асель Ибадуллаева (редакция Liter.kz) в своей статье также рассматривает вопросы госпрограмм, проектов и стратегий, отмечает, что большинство ГПР, следуя общим правилам, многолетние, подчеркивая «программы и проекты направлены на достижение одной цели, в нашем случае – стратегии «Казахстан-2050» [9].

Е. А. Вечкинзова дала оценку реализации государственных программ развития в Республики Казахстан [10-11]. По ее методике оценены 10 государственных программ. Оценка эффективности реализации была проведена с использованием отчетов администраторов программ, материалов проверок Счетного комитета Республики Казахстан, информации канцелярии Министерства Республики Казахстан, результатов анкетного опроса и статистических данных по сферам экономики.

В. И. Клисторин, С. В. Седипкова проводили анализ государственных программ России [12]. Анализ связи между расходами и показателями государственных программ показал, что между расходами по государственной программе «Здравоохранение» и продолжительностью жизни населения корреляция обратная [13].

Вместе с тем, концепт проектного планирования и управления имеет свои специфичные особенности. Проектное управление применяется во многих областях/направлениях экономики, если не сказать «всех». Однако, проектный подход является методом эффективного, системного управления *на микроуровне экономики*, имея в виду проекты развития предприятий, фирм, организаций.

Объясняется это тем, что в передовых экономиках, и прежде всего в американской экономике, основу развития формирует именно *инновационное развитие малых и средних предприятий*, что в принципе и породило технологии PMI.

В этой связи, на наш взгляд, концепт проектного планирования *практически сложно применим на макро- и мезоуровнях экономики*, однако имеет немалый потенциал для применения в государственных органах. Его применение в государственном планировании на макро-, мезоуровне должно иметь соответствующую теоретико-методологическую базу.

Основные положения исследования преследуют поиск ответов на следующие вопросы: почему именно рассматриваются государственные программы развития и переход к системному их исследованию; почему важно рассмотрение вопросов их формирования и реализации и переход к математизации/формализации целевых показателей программ; и, наконец, почему требуется аналитическое сопровождение этих процессов и переход к платформенной ее реализации.

В Казахстане, несмотря на принятый курс к трансформации экономики в инновационную и задания в стратегиях развития индикаторов, совпадающих с индикаторами глобального инновационного индекса, направленность разрабатываемых программ на повышение благосостояния населения не реализуется на деле (Рисунок 1), к тому же недостаточно развит формализованный аппарат, позволяющий оценить задаваемую траекторию роста.

Без подробного описания недостатков существующего состояния подходов к формированию и реализации ГПР, акцентируем лишь внимание на динамику индекса экономической сложности (ЕСИ) развитых стран и стран СНГ (Рисунок 2). Как известно, индекс ЕСИ является мерой знаний в обществе, выраженная в продуктах, которые она производит. Экономическая сложность страны рассчитывается на основе разнообразия экспорта, который производит страна.

Динамика показывает, что добиться высокой конкурентоспособности экономики на мировом рынке, а, следовательно, и трансформации экономики в инновационную, при огромных бюджетных затратах на реализацию ГПР и Национальных проектов пока не удастся. Так, можно смело говорить, что формируемые и реализуемые программы развития на современном этапе не дают требуемой результативности программ, поскольку наблюдается либо отрицательная динамика, либо незначительные изменения за более чем 25-летний период наблюдения. Страна находится ближе/в зоне сырьевой экономики.

Предлагаемый в работе подход базируется на следующих предположениях:

1) эффективная трансформация экономики в инновационную требует рассматривать *не просто инновационный сектор экономики, как это принято в настоящее время в рамках существующей технико-технологической парадигмы, а все сектора экономики во взаимном влиянии.*

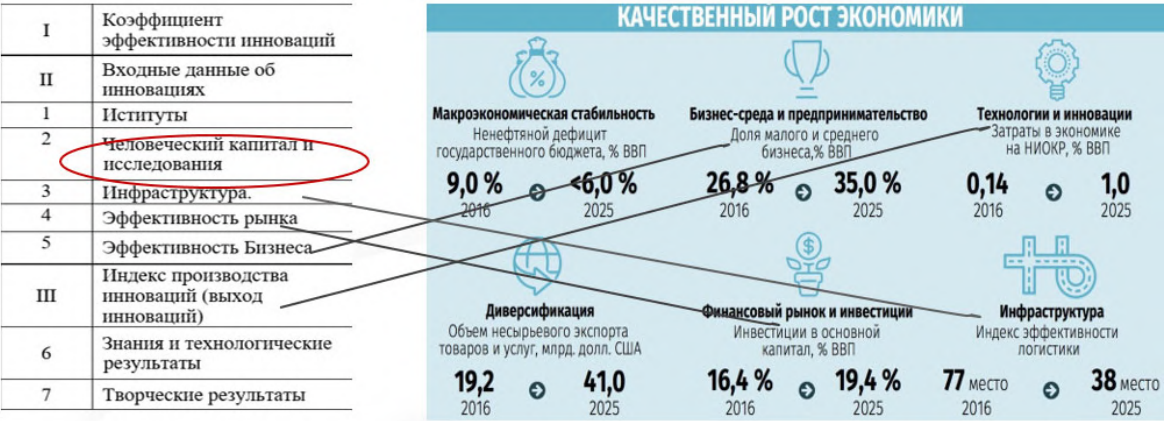

Рисунок 1 – Индикаторы ГИИ и Стратегии 2025 Республики Казахстан – трансформация экономики в инновационную

Примечание – составлено авторами по материалам [14], по данным исследований индекса ГИИ международных организаций: Международная бизнес-школа INSEAD, Корнелльского университета (Cornell University) и World Intellectual Property Organization

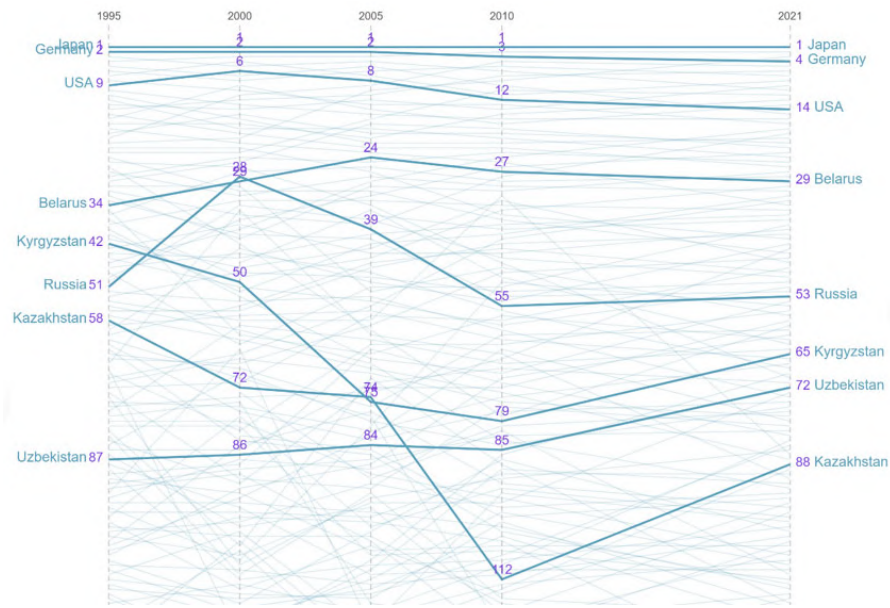

Рисунок 2 – Сравнительная динамика индекса экономической сложности развитых стран и стран СНГ

Примечание – подготовлена авторами на материалах [15]

2) в существующей в настоящее время модели инновационного развития (ИР) – модели тройной спирали (Генри Ицковица и Лойета Лейдесдорфа) [16], рассматривается взаимосвязь власть-бизнес-университеты, без учета социальной составляющей, а управление взаимодействием между составляющими модели предусматривает процессный подход, при этом математический аппарат для описания их взаимодействия недостаточно развитый.

3) применение современной теории экономических систем [17] к управлению инновационной экономикой, позволяет учесть отсутствующие в трехспиральной модели социум и экономику, перейти к четырехспиральной модели инновационного развития и рассмотрению всей совокупности государственных программ/национальных проектов в их системной взаимосвязи от микро-, мезо- и до макроуровня;

4) при этом базовыми компонентами управления в составе экономического пространства страны, а значит и государственных программ развития, становятся базовые подсистемы процесса управления - объектные, средовые, процессные и проектные, т.е. в основе управления находятся проекты, что и позволит применить программно-проектный подход управления к государственным программам развития (ГПР) и аппарат формализации целей и критериев управления в ГПР.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Трансформация экономики в инновационную это, с одной стороны, важный и необходимый шаг в 21 веке, что требует переориентации экономики на современный уровень поставив в центре повышение благосостояние населения на основе инновационной экономики, обеспечивающей долгосрочный устойчивый рост. И в этот процесс вовлекаются все уровни экономики и субъекты: государство, экономика и общество. С другой стороны, этот процесс, реализуемый на основе государственного управления, посредством государственных/стратегических программ развития (ГПР), эффективное формирование и реализация которых является одной из функций и задач государства, что требует соответствующую теоретическую и методологическую базу как к пониманию категории инновационной экономики, то есть самой парадигмы, так и моделей инновационного развития.

Проблемы существуют как с подходами к формированию государственных программ развития (ГПР), так и в оценке/мониторинге эффективности полученных промежуточных и итоговых результатов таких программ, и возможности корректировки действий/мероприятий/проектов (при необходимости), с которыми приходится сталкиваться как при промежуточной, так и итоговой оценке их реализации. Необходимо отметить, недостаточную развитость формализованного аппарата, позволяющего оценить задаваемую траекторию роста.

Контент-анализ государственных программ, позволил сделать вывод о том, что ФиРГПР проводится на основе программно-целевого управления (далее – ПЦУ), а переход к национальным проектам (НП), их формирование и мониторинг их реализации, далеки от положений, задаваемых институтом управления проектами (PMI), в частности, от свода правил управления проектами стандарта ANSI PMI PMBOK (Project Management Body of Knowledge). В виде результатов ГПР и НП рассматриваются качественные показатели-индикаторы, но не конкретный результат, который не сопоставим с показателями о фактическом состоянии социально-экономических индикаторов. К тому же имеет место низкая адаптивность программ на фоне стремительно изменяющихся внешних условий, «забывчивость» систем управления – постепенная потеря связи с целевыми установками, что ведет к неэффективному, не отслеживаемому использованию бюджетных средств, т.е. отсутствию прозрачности распределения бюджетных средств и их использования.

Более конкретно и детально проблемы можем рассмотреть на примере Нацпроекта цифровизации, науке и инновациям, который, повторимся, был призван заменить соответствующую Госпрограммы индустриально-инновационного развития на период до 2025 г. (Таблица 2).

Дополнительно к этому, можно сослаться на мнение специалистов ПРООН о том, что «препятствием на пути реализации цифровых инициатив является дублирование функций в различных государственных организациях. Каждая государственная организация автоматизирует свою деятельность отдельно, вместо того чтобы использовать процессы автоматизации, уже разработанные другой государственной организацией» [17, с.11].

Таблица 2 – Оценка степени обоснованности отдельных аспектов Нацпроекта цифровизации, науки и инноваций

Некоторые позиции Нацпроекта	Оценка степени обоснованности
Общенациональный приоритет 5. Новая модель государственного управления «Задача 1. Интегрированный подход к эффективности государственного управления Задача 2. Формирование сервисной и «человекоцентричной» модели государственного управления Задача 3. Открытое правительство Задача 4. Повышение ориентированности на результат и интересы граждан» [18]	В качестве обоснования предполагается переход «от сложности процесса выполнения действий к управлению результатами и качественными изменениями на основе интегрированного подхода к эффективности государственного управления и замера реальных запросов общества и бизнеса» [18]. Вместе с тем, нам представляется, что задача 1 носит системный характер и относится к задаче Правительства и Нацбанка.
Общенациональный приоритет 8. Построение диверсифицированной и инновационной экономики «Задача 1. Обеспечение здоровой конкурентной среды Задача 2. Реформирование агропромышленного сектора для адаптации к новым условиям Задача 3. Развитие инфраструктуры и цифровизация базовых отраслей экономики Задача 4. Диверсификация экономики за счет технологического развития Задача 5. Внедрение элементов искусственного интеллекта и повсеместное использование технологии Big Data Задача 6. Развитие венчурного финансирования Задача 7. Конкурентный и эффективный финансовый рынок» [18]	Практически все задачи, за исключением задачи 3 и, возможно, задачи 5, принятые к реализации в рамках Нацпроекта, трудно отнести к компетенциям Министерства цифрового развития, инноваций и аэрокосмической промышленности Республики Казахстан. В частности, задача 4, которая в течение почти двух десятилетий являлась главной в реализации ряда государственных программ диверсификации экономики на индустриально-инновационной основе, теперь «сброшена» на МЦРИАП. При этом необходимо отдавать отчет тому, что функционал этого Министерства плотно завязан на задачах цифровизации, что является лишь одним из множества факторов, определяющих процессы диверсификации и формирования инновационной экономики с высоким уровнем конкурентных преимуществ. Аналогично по задаче 2, связанной с реформированием АПК. Есть нацпроект «Развитие АПК на 2021–2025 гг.», реализуемый под эгидой Министерства сельского хозяйства Республики Казахстан, и в рамках которого и должны рассматриваться вопросы реформирования. Также, по нашему мнению, задача 6, связанная с развитием венчурного финансирования, как и задача 7 по развитию финансового рынка, находятся в компетенции Нацбанка, Минфина и МЦФА. Основная проблема, видится не в масштабности задач, а скорее в попытках «натянуть» огромный комплекс задач, лежащих в поле деятельности многих ведомств, на одно министерство.
Стратегические направления: - «направление VII. Укрепление кадрового потенциала науки – в центре внимания ученых (конечная цель – увеличение численности ученых и исследователей в 1,5 раза); - направление VIII. Повышение конкурентоспособности научной экосистемы (конечная цель – повышение качества научно-исследовательских институтов); - направление IX. Повышение вклада науки в развитие страны «наука-производство-бизнес» (конечная цель – рост вклада науки в развитие страны); - направление X. Совершенствование администрирования науки (конечная цель – совершенствование законодательства и дебюрократизация науки)» [18]	По нашему мнению, стратегические направления явно выходят за рамки функционала МЦРИАП. Здесь имеет место большая зона дублирования функций Министерства высшего образования и науки как правопреемницы МОН Республики Казахстан. И не столько потому, что МВОН реализует Нацпроект «Качественное образование» на 2021–2025 гг., но сколько потому, что именно это ведомство ответственно за подъем и развитие науки в форме прежней, добротной связи академической, отраслевой и вузовской ветвей науки.
Раздел 5. Распределение ответственности и полномочий	Аналогичное замечание можно привести и по приложению к Нацпроекту, в котором реально приведены конкретные ответственные лица министерств и ведомств, являющихся соисполнителями МЦРИАП. И это может вносить диссонанс в режим ответственности за выполнение задач в условиях кадрово-управленческого нестабильности высшего менеджмента в госорганах.
Примечание – составлена авторами по материалам [18]	

Примечание: в период подготовки настоящего исследования/статьи данное постановление от 2 октября 2021 года по Национальному проекту утратило силу (Постановление утрачивает силу постановлением Правительства Республики Казахстан от 22.09.2023 № 828 (вводится в действие с 01.01.2024)).

Такие постановления на утрату некоторых государственных программ/проектов также имеют не очень желательную тенденцию.

Расходование бюджетных средств, надо полагать, в данном случае, производились с 2 октября 2021 года, с выходом первого постановления. Отчетов/информации по реализации переформатированных в национальные проекты ГПР, которые выполнялись до этого времени не менее 2-3 лет из пяти и израсходованным бюджетным средствам на них, в открытых источниках также не найдено. В решении всех этих проблем, включая указанные в таблице 1, на наш взгляд, видится, прежде всего, задача профильных министерств, ответственных за ГПР и их реализацию.

Системные принципы стратегии эффективного госуправления. Понятно, что в основе многих проблем в процессах формирования и реализации госпрограмм (нацпроектов) лежит несовершенство методической базы.

В частности, в пункте 16 главы 3 Методики по разработке нацпроектов, утвержденной совместным приказом МНЭ и АСПиР в августе 2021 года, постулируется недопущение: «дублирования направлений, задач и показателей результатов с документами СГП; размытости в формулировках направлений, задач и показателей результатов, а также мероприятий плана-графика реализации проекта; занижения плановых значений показателей результатов относительно значений соответствующих показателей вышестоящих документов» [19]. Как следует из вышесказанного, все эти принципы практически не исполняются.

С другой стороны, есть вопросы и к Методике прогнозирования основных показателей социально-экономического развития страны и регионов на пятилетний период, принятой к исполнению МНЭ с 1 января 2022 года.

Анализ этого документа показывает, что прогнозные оценки на макроуровне строятся на простом свODE информации, поставляемой снизу, с мезо- и микроуровней экономики. В тоже время есть определенная доля сомнений в том, что на этих уровнях прогнозная информация формируется на базе научно-методических обоснований. В частности, именно на этих управленческих уровнях находятся немалым числом предприятия квазигосударственного сектора, предприятий с участием иностранного капитала, по которым значительно ограничена отчетность о результатах деятельности.

Думается, настало время обратить самое пристальное внимание на основные существующие проблемы, тормозящие инновационное развитие в Казахстане.

И прежде всего – на отсутствие взвешенного системного стратегического взгляда на цели и задачи инновационного развития, что и определяет основные проблемы: требуется новый концептуальный подход при описании проблемного поля инновационного развития национальной экономики (ИРЭ), что, в свою очередь, требует выстраивания общей цепочки самой концепции ИР, в которую входят сам понятийный аппарат, парадигма, модели ИР и в конечном итоге, математизация или моделирование целей, критериев и формирование программ развития и мониторинга, и корректировки при реализации.

Ретроспективный анализ научной, учебно-методической литературы, включая словари показал, что при рассмотрении понятийного аппарата – категории инновации, развитие и инновационное развитие, исходят от их эндогенности, т.е. априори учитывая внутренние условия [20-21]. А существующая технико-технологическая парадигма инновационного развития в настоящее время не является определяющей и не достаточна для эффективного управления инновационными процессами, так как рассматривает отдельно инновационный сектор экономики, выделяя его среди других частей в теоретическом и практическом плане.

Также, необходимо отметить, что межстрановые сравнения, используют показатели развития по паритету покупательной способности, что определяет изолированность рассмотрения друг от друга микро- и макроэкономических показателей. Об этом свидетельствуют и данные по ВДС, К примеру,

Казахстан, при высоких темпах роста, имеет низкий показатель ВДС, а ВНД на душу населения чуть выше 8 тысяч долларов США, в то время как у развитых стран это значение находится в районе 40 тысяч и выше. Этот вывод важен для стран с экспортно-сырьевой экономикой, когда в конечном итоге возникает двойственность в оценке ресурсов таких стран

Эффективная трансформация экономики в инновационную требует рассматривать не просто инновационный сектор экономики, как это принято в настоящее время в рамках существующей технико-технологической парадигмы, а все сектора экономики во взаимном влиянии.

Анализ трактовок понятий/категорий «инновация, инновационный процесс, национальная инновационная система, управление», рассмотренные в работе [22], показал важность учета сущностных характеристик понятийного аппарата и, как следствие, их взаимосвязь с мировыми процессами трансформации [22].

Также из исследования работ авторов [20; 23-30] следует вывод о том, что имеются расхождения, либо отсутствие единого взгляда к названным категориям инновационной теории.

Взяв за основу результаты проведенных в работе [20] исследований одного из авторов настоящей работы, авторы настоящей работы распространили этот вывод к инновационному развитию национальной экономики (ИРЭ), трансформацию к которой мы проходим. То есть, *инновационное развитие экономики* «есть увеличение темпов роста экономики за счет инноваций» [20]. Такое понимание ИЭ согласует развитие и на экзогенном уровне, когда требуется смещение акцента на человеческий капитал и его материальное благополучие, т.е. рассмотрению нового подхода к модели роста в систематической инновационной парадигме и инновационном мышлении [20; 31-35].

С этих позиций экономика нами рассматривается в виде трех определяющих укладов-секторов: реальный, финансовый и социально-политический с соответствующими направлениями инноваций. Валютно-финансовые и социально-политические инновации не менее значимы. Они обеспечивают технологические инновации. Предложенная трехкомпонентная парадигма ИР, в отличие от существующей технико-технологической парадигмы, дает возможность и необходимость оценить по каждому направлению вектора ИР его вклад и по своему вектору и получить комплексную оценку с расчетом траектории роста. Учет продуктивности ресурсов позволяет это сделать [20] (Рисунок 3).

Рисунок 3 – Логическая структура трехкомпонентной парадигмы ИР

Примечание – составлено авторами по материалам [36]

Страна перешла к новой системе государственного планирования, государственные программы развития переформатированы в национальные проекты, которые будут финансироваться на основе перехода «от "управления бюджетом" к "управлению результатами"». Все это требует совершенно иного подхода формирования и управления реализацией как государственных программ, так и национальных проектов в рамках, представленных выше парадигмы и модели ИР. Эффективность управления ими, а, следовательно, достижение результативности, может и должна быть достигнута внедрением новых моделей и инструментов принятия управленческих решений (рисунок 4).

На рисунке 4 на основе четырехспиральной модели инновационного развития, представлена модель экономической системы страны при трансформации в инновационную. На этой логико-структурной схеме рассматриваются все предлагаемые вектора инновационного развития, а не только инновационный сектор (технико-экономическая модель). Предлагаемая парадигма ИР позволяет учитывать в модели комплексную взаимосвязь и согласовывать изменения в трех направлениях, что позволит выбирать оптимальные решения с учетом четырех компонент управления «власть-экономика-бизнес-социум». Взаимодействие между ними осуществляется и отдельно в каждой составляющей подсистеме управления компонента (вертикально внутри своей спирали) и горизонтально между компонентами/спиралями. Важно выявить направление роста-развития такой системы в рамках спиралей. Здесь необходимо определить показатели по трем группам инноваций – координаты, определяющие направление роста; на микроуровне будет другой подход, увязанный с более верхним уровнем – применение интегральных (комплексных) оценок.

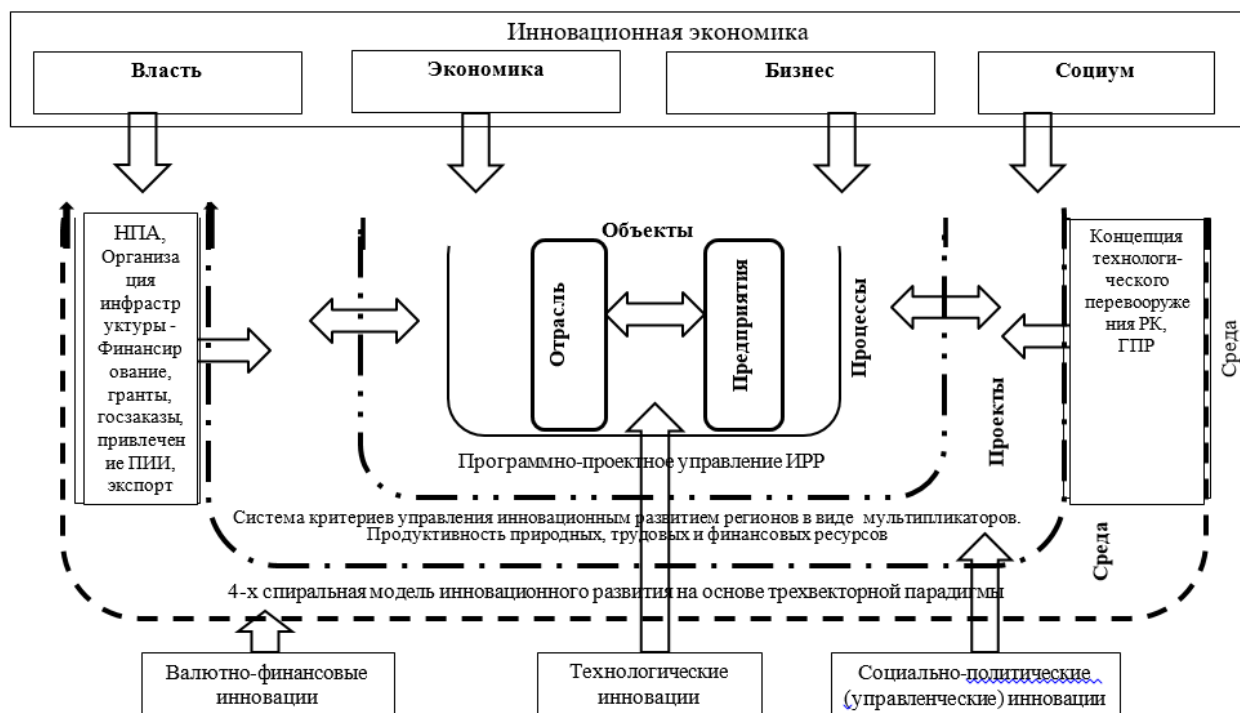

Рисунок 4 – Структурная схема социально-экономической системы с четырьмя компонентами управления - модель инновационного развития при трансформации в инновационную

Примечание – разработано авторами по материалам [20]

Современный подход на основе программно-целевого управления ввиду функциональной ограниченности, должен быть дополнен аналитическими системами, позволяющими осуществлять предварительный прогноз результатов принимаемых решений. Таким инструментом может явиться разработка

и платформенная реализация технологического и аналитического сопровождения формирования и реализации системы государственных (стратегических и целевых) программ на основе интеллектуальной системы поддержки принятия решений.

Тогда новая логико-структурная схема построения и управления государственными программами развития для трансформации экономики в инновационную с переходом к программно-проектному управлению на основе СППР включает (на рисунке 5 отмечено бледно-зеленым цветом):

1. Дополнение существующего программно-целевого управления ФиРГПР программно-проектным на основе предлагаемой методологии такого перехода (парадигмы и модели ИР).
2. Возможности формализации целей и критериев управления ГПР на основе комплексной оценки развития и модели ИР при переходе к программно-проектному управлению.
3. Саму методологию построения структурно-функциональной модели СППР при ФиРГПР.

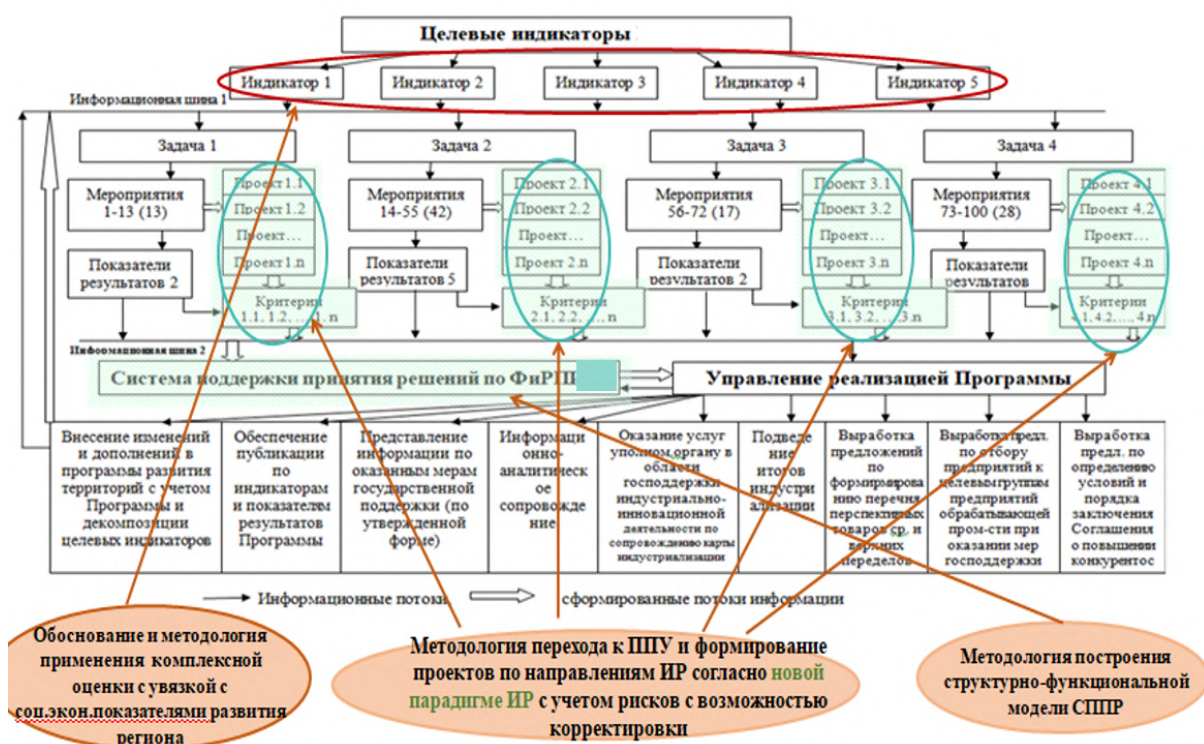

Рисунок 5 – Логико-структурная схема построения ГПР при трансформации экономики в инновационную с переходом к программно-проектному управлению с интеллектуальной платформой СППР

Примечание – составлено по материалам [36; 20]

ВЫВОДЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ

1. Анализ применения программного подхода за все годы независимого развития Казахстана показал, что до сих пор не сложился системный взгляд на весь программный подход как единый процесс интеграции усилий управления, науки и производства, не сформирована научно-обоснованная база прогнозирования показателей социально-экономического развития страны, развития отраслей и регионов.

В результате с недостаточной степенью достоверности просчитываются прогнозные значения целевых индикаторов как программ, так и нацпроектов, к тому же достижение индикаторов не всегда согласуется с показателем эффективности программ в целом.

2. Переход на концепт национального проектирования был осуществлен без достаточного учета опыта развитых стран, с обосновательной базой в виде технологий проектного управления, которые в мировой экономике с успехом применяются на микроуровне системы государственного управления.

В результате, по оценкам ВАП и отечественных экспертов, реализация практически всех нацпроектов находится на недостаточном уровне;

3. В свете сказанного авторами исследования предлагается методология перехода к программно-проектному управлению, которая позволяет:

- Увязать в формализованном виде все составляющие ГПР по целям, критериям, задачам, ресурсам и другим показателям, входящим в подсистему управления;
- Предоставляет возможность согласованного по всем направлениям инновационного развития страны с возможностью расчета траектории роста на основе мультипликаторов по каждому направлению трехнаправленного вектора ИР.

В отличие от существующей, предлагаемая методология: базируется на основных положениях современной теории экономических систем, новой парадигме и новой модели инновационного развития (ИР); формирование и реализация ГПР осуществляется на основе: программно-проектного управления, при котором идет не только описание деятельности по получению результата, что характеризует используемый в настоящее время процессный подход при программно-целевом управлении, но и ставятся математические задачи по определению критериев управления при заданных ресурсных ограничениях и определение конкретных держателей проектов. Формирование проектов осуществляется на основе комплексной оценки ГПР по направлениям ИР.

На основе предлагаемой в работе трехвекторной парадигмы инновационного развития в формализованном виде представляются инструменты взаимосвязи результатов программ с повышением благосостояния населения через систему мультипликаторов. В предлагаемой модели ИР охватываются все уровни социально-экономической системы страны, а реализация СППР на основе построения аналитических инструментов для формирования и реализации программ позволит обеспечить своевременный мониторинг, корректировку программ, учет рисков невыполнения и прозрачность расходования бюджетных средств.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Послание Главы государства К-Ж. Токаева народу Казахстана «Экономический курс Справедливого Казахстана» от 1 сентября 2023 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Республики Казахстан [web-сайт]. – 2023. – URL: <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-ekonomicheskii-kurs-spravedlivogo-kazahstana-18588> (Дата обращения: 02.10.2023).
2. Социально-экономические условия перехода к новой модели экономического роста: Монография / рук. авт. кол. Д.Е. Сорокин; ред. Н.Ю. Акапкина, Л.В. Никифорова. – М.: Инфра-М, 2023. – 298 с.
3. Шакина Е. Многоуровневая оценка целевых программ как метод управления расходами региональных и муниципальных бюджетов – Москва: Высшая школа экономики, 2008. – 157 с.
4. Кусаинов, Х. Апрельские тезисы для любого времени года // Экономика и статистика. – 2001. – № 2. – С. 13-16.
5. Алехова А. Зачем отчитываться о прошлом, когда впереди будущее? – Ашимбаев [Электронный ресурс] // 365 Info [web-сайт]. – URL: <https://365info.kz/2021/10/zachem-otchityvatsya-o-proshlom-kogda-vpered-budushhee-ashimbaev> (Дата обращения: 02.10.2023).
6. Краткое заключение к отчету Правительства Республики Казахстан об исполнении республиканского бюджета за 2022 год. Счетный комитет по контролю за исполнением республиканского бюджета, г. Нур-Султан, май 2020. – 26 с.
7. Говорков, А. С. О некоторых проблемах управления проектами // Молодой ученый. – 2009. – № 3(3). – С. 45-47.

8. Кулак, А. Ю. Развитие и становление методологий управления проектами в Республике Беларусь и за рубежом. Сравнительный анализ / А. Ю. Кулак, Ю. А. Хоронжевский // Вестник Брестского государственного технического университета. Серия: Экономика. – 2020. – № 3. – С. 53-56. – DOI: <https://doi.org/10.36773/1818-1212-2020-121-3-53-56>.
9. Ибадуллаева А. Госпрограммы, проекты и стратегии: чем отличаются официальные документы Казахстана [Электронный ресурс] // Новостной сайт Liter.kz [web-сайт]. – 2023. – URL: <https://liter.kz/gosprogrammy-proekty-i-strategii-chem-otlichaiutsia-ofitsial-ye-dokumenty-kazakhstan-1673346904/> (Дата обращения: 02.10.2023).
10. Вечкинзова Е. А. Оценка реализации государственных программ развития в Республике Казахстан // Известия УрГЭУ. – 2008. – № 1(20). – С. 105-111.
11. Вечкинзова Е. А., Петренко Е. С., Раимбекова Г. А., Гелашвили Н. Н. Исследование развития информационной среды Республики Казахстан // Вопросы инновационной экономики. – 2019. – № 4(9). – С. 1263-1278.
12. Клисторин В. И., Седипкова С. В. Анализ методик оценки государственных программ субъектов РФ // Мир экономики и управления. – 2021. – № 4(21). – С. 159-174. – DOI: 10.25205/2542-0429-2021-21-4-159-174.
13. Карпенко Е. М., Карпенко В. М., Голуб В. Н. Исследование влияния на продолжительность жизни населения различных социально-экономических факторов // Экономический вестник университета. Сборник научных трудов ученых и аспирантов. – 2016. – №30/1. – С. 57-63.
14. Стратегический план 2025 [Электронный ресурс] // Официальный информационный ресурс Премьер-Министра Республики Казахстан [web-сайт]. – 2021. – URL: <https://primeminister.kz/ru/documents/gosprograms/stratplan-2025> (Дата обращения: 01.09.2023).
15. Country & Product Complexity Rankings [Электронный ресурс] // The atlas of economic complexity [web-сайт]. – 2023. – URL: <https://atlas.cid.harvard.edu/rankings> (Дата обращения: 01.09.2023).
16. Ицковиц Г. Модель тройной спирали // Инновации. – 2011. – № 4. – С. 5-10.
17. Клейнер Г. Б. Государство – регион – отрасль – предприятие: каркас системной устойчивости экономики России // Экономика региона. – 2015. – № 2. – С. 50–58.
18. Об утверждении национального проекта "Технологический рывок за счет цифровизации, науки и инноваций". Постановление Правительства Республики Казахстан от 12 октября 2021 года № 727. Национальный проект "Технологический рывок за счет цифровизации, науки и инноваций" [Электронный ресурс] // Әділет [web-сайт]. – 2021. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2100000727> (Дата обращения: 02.11.2023).
19. О некоторых вопросах национальных проектов. Совместный приказ Министра национальной экономики Республики Казахстан от 11 августа 2021 года № 79 и Председателя Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан от 12 августа 2021 года [Электронный ресурс] // Әділет [web-сайт]. – 2021. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2100023968> (Дата обращения: 02.11.2023).
20. Уандыкова М. Системное моделирование процессов формирования и реализации программ инновационного развития регионов: специальность 08.00.13; 08.00.05: диссертация на соискание ученой доктора экономических наук / Уандыкова Мафура; ФГБОУ ВО Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации. – Москва, 2021. – 369 с.
21. Lima Jr O., Fernandes G., Tereso A. Benefits of adopting innovation and sustainability practices in project management within the SME context // Sustainability. – 2023. – № 15(18). – Article 13411. – DOI: 10.3390/su151813411.
22. Клейнер Г. Б., Щепетова С. Е., Лапина М. А. Системные механизмы координации в инновационной экономике / под общей редакцией Г.Б. Клейнера. – Москва: Кнорус, 2019. – 270 с.
23. McGregor J. A., Pouw N. Towards an economics of well-being // Cambridge Journal of Economics. – 2017. – № 41(4). – P. 1123-1142. – DOI: 10.1093/cje/bew044.

24. Su, Y.-S., Chen J. Introduction to regional innovation systems in East Asia // *Technological Forecasting and Social Change*. – 2015. – № 100. – P. 80-82.
25. Costanza R., Kubiszewski I., Giovannini E. Development: Time to leave GDP behind // *Nature News*. – 2014. – № 7483(505). – P. 283-285. – DOI: 10.1038/505283a.
26. Martin B. R. Twenty challenges for innovation studies // *Science and Public Policy*. – 2016. – № 43(3). – P. 432-450. – DOI: doi.org/10.1093/scipol/scv077.
27. Lisin A., Shvandar K., Meynkhard A., Uandykova M., Litvishko O., Tabachkova X. Digital trading applications and bank performance: evidence from Russia // *Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity*. – 2021. – № 7(3). – Article 194. – DOI: doi.org/10.3390/joitmc7030194.
28. Acs Z. J., Audretsch D. B., Lehmann E. E., Licht G. National systems of innovation // *The Journal of Technology Transfer*. – 2017. – № 42(5). – P. 997-1008. – DOI: 10.1007/s10961-016-9481-8.
29. Christensen M., Raynor M., McDonald R. What is disruptive innovation? [Электронный ресурс] // *Harvard Business Review* [web-сайт]. – 2015. – URL: <https://hbr.org/2015/12/what-is-disruptive-innovation> (Дата обращения: 28.09.2023).
30. Swann G. M. P. *Common Innovation: How We Create the Wealth of Nations*. – Northampton: Edward Elgar Publishing, 2014. – 272 p.
31. Li-Hua R. *Competitiveness of Chinese firms: West meets East*. – London: Palgrave Macmillan, 2014. – 180 p.
32. Chen J., Yin X., Mei L. Holistic Innovation: An Emerging Innovation Paradigm // *International Journal of Innovation Studies*. – 2018. – № 2. – P. 1-13.
33. Bergman E. M., Feser E. J. *Industrial and Regional Clusters: Concepts and Comparative Applications* – Morganton: West Virginia University, 2020. – 93 p.
34. Kapsali M. Systems Thinking in Innovation Project Management: A Match That Works // *International Journal of Project Management*. – 2011. – № 29(4). – P. 396-407. – DOI: 10.1016/j.ijproman.2011.01.003.
35. Cowan R., Zinovyeva N. University effects on regional innovation // *Research Policy*. – 2013. – № 3(42). – P. 788-800. – DOI: 10.1016/j.respol.2012.10.001.
36. Уандыкова М. К. Модели и методы реализации программы инновационного развития региона // *Бизнес. Образование. Право*. – 2019. – № 1(50). – С. 131-137.

REFERENCES

1. Tokayev, K.-J. (2023, September 1). *Ekonomicheskiy kurs Spravedlivogo Kazahstana*. Official website of the President of the Republic of Kazakhstan. Retrieved October 2, 2023, from <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-ekonomicheskiy-kurs-spravedlivogo-kazahstana-18588> (In Russian).
2. Sorokin, D. E. (Ed.), Akapkina, N. Y., & Nikiforova, L. V. (Eds.). (2023). *Social'no-ekonomicheskie usloviya perekhoda k novoy modeli ekonomicheskogo rosta* (Monograph). Moscow: Infra-M. (In Russian).
3. Shakina, E. (2008). *Mnogourovnevaya ocenka celevyh programm kak metod upravleniya raskhodami regional'nyh i municipal'nyh byudzhetrov*. Moscow: Vysshaya shkola ekonomiki. (In Russian).
4. Kusainov, H. (2001). *April'skie teziy dlya lyubogo vremeni goda*. *Ekonomika i statistika*, (2), 13-16. (In Russian).
5. Alekhova, A. (2021, October). *Zachem otchityvat'sya o proshlom, kogda vperedi budushchee?* – Ashimbaev. 365 Info. Retrieved October 2, 2023, from <https://365info.kz/2021/10/zachem-otchityvatsya-o-proshlom-kogda-vperedi-budushchee-ashimbaev> (In Russian).
6. Schetnyj komitet po kontrolyu za ispolneniem respublikanskogo byudzheta. (2020, May). *Kratkoe zaklyuchenie k otchetu Pravitel'stva Respubliki Kazahstan ob ispolnenii respublikanskogo byudzheta za 2022 god* (26 p.). (In Russian).
7. Govorkov, A. S. (2009). *O nekotoryh problemah upravleniya proektami*. *Molodoj uchenyj*, 3(3), 45-47. (In Russian).

8. Kulak, A. Y., & Horonzhevskij, Y. A. (2020). Razvitie i stanovlenie metodologij upravleniya proektami v Respublike Belarus' i za rubezhom. Sravnitel'nyj analiz. Vestnik Brestskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Ekonomika, (3), 53-56. <https://doi.org/10.36773/1818-1212-2020-121-3-53-56> (In Russian).
9. Ibadullaeva, A. (2023). Gosprogrammy, proekty i strategii: chem otlichayutsya oficial'nye dokumenty Kazakhstana. Liter.kz. Retrieved October 2, 2023, from <https://liter.kz/gosprogrammy-proekty-i-strategii-chem-otlichaiutsia-ofitsialnye-dokumenty-kazakhstana-1673346904/> (In Russian)
10. Vechkinzova, E. A. (2008). Ocenka realizacii gosudarstvennyh programm razvitiya v Respublike Kazahstan. Izvestiya UrGEU, 1(20), 105-111 (In Russian).
11. Vechkinzova, E. A., Petrenko, E. S., Raimbekova, G. A., & Gelashvili, N. N. (2019). Issledovanie razvitiya informacionnoj sredy Respubliki Kazahstan. Voprosy innovacionnoj ekonomiki, 4(9), 1263-1278 (In Russian).
12. Klistorin, V. I., & Sedipkova, S. V. (2021). Analiz metodik ocenki gosudarstvennyh programm sub"ektov RF. Mir ekonomiki i upravleniya, 4(21), 159-174. <https://doi.org/10.25205/2542-0429-2021-21-4-159-174> (In Russian).
13. Karpenko, E. M., Karpenko, V. M., & Golub, V. N. (2016). Issledovanie vliyaniya na prodolzhitel'nost' zhizni naseleniya razlichnyh social'no-ekonomicheskikh faktorov. Ekonomicheskij vestnik universiteta. Sbornik nauchnyh trudov uchenykh i aspirantov, (30/1), 57-63 (In Russian).
14. Official informational resource of the Prime Minister of the Republic of Kazakhstan. (2021). Strategicheskij plan 2025 [Electronic resource]. Retrieved September 1, 2023, from <https://primeminister.kz/ru/documents/gosprograms/stratplan-2025> (In Russian).
15. The Atlas of Economic Complexity. (2023). Country & Product Complexity Rankings. Retrieved September 1, 2023, from <https://atlas.cid.harvard.edu/rankings>.
16. Ickovic, G. (2011). Model' trojnoj spirali. Innovacii, 4, 5-10 (In Russian).
17. Klejner, G. B. (2015). Gosudarstvo – region – otrasl' – predpriyatie: karkas sistemnoj ustojchivosti ekonomiki Rossii. Ekonomika regiona, 2, 50-58 (In Russian).
18. National project "Tekhnologicheskij ryvok za schet cifrovizacii, nauki i innovacij". (2021). Ob utverzhdenii nacional'nogo proekta "Tekhnologicheskij ryvok za schet cifrovizacii, nauki i innovacij". Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Kazahstan ot 12 oktyabrya 2021 goda № 727. Adilet. Retrieved November 2, 2023, from <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2100000727> (In Russian).
19. Ministry of National Economy of the Republic of Kazakhstan & Agency for Strategic Planning and Reforms of the Republic of Kazakhstan. (2021). O nekotoryh voprosah nacional'nyh proektov. Sovmestnyj prikaz Ministra nacional'noj ekonomiki Respubliki Kazahstan ot 11 avgusta 2021 goda № 79 i Predsedatelya Agentstva po strategicheskemu planirovaniyu i reformam Respubliki Kazahstan ot 12 avgusta 2021 goda. Adilet. Retrieved November 2, 2023, from <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2100023968> (In Russian).
20. Uandykova, M. (2021). Sistemnoe modelirovanie processov formirovaniya i realizacii programm innovacionnogo razvitiya regionov: dissertaciya na soiskanie uchenoj doktora ekonomicheskikh nauk (Specialty 08.00.13; 08.00.05). Moscow: FGOBU VO Finansovyj universitet pri Pravitel'stve Rossijskoj Federacii. (In Russian).
21. Lima Jr, O., Fernandes, G., & Tereso, A. (2023). Benefits of adopting innovation and sustainability practices in project management within the SME context. Sustainability, 15(18), Article 13411. <https://doi.org/10.3390/su151813411>.
22. Klejner, G. B., Shchepetova, S. E., & Lapina, M. A. (2019). Sistemnye mekhanizmy koordinacii v innovacionnoj ekonomike (G. B. Klejner, Ed.). Moscow: Knorus (In Russian).
23. McGregor, J. A., & Pouw, N. (2017). Towards an economics of well-being. Cambridge Journal of Economics, 41(4), 1123-1142. <https://doi.org/10.1093/cje/bew044>.
24. Su, Y.-S., & Chen, J. (2015). Introduction to regional innovation systems in East Asia. Technological Forecasting and Social Change, 100, 80-82.

25. Costanza, R., Kubiszewski, I., & Giovannini, E. (2014). Development: Time to leave GDP behind. *Nature News*, 7483(505), 283-285. <https://doi.org/10.1038/505283a>.
26. Martin, B. R. (2016). Twenty challenges for innovation studies. *Science and Public Policy*, 43(3), 432-450. <https://doi.org/10.1093/scipol/scv077>.
27. Lisin, A., Shvandar, K., Meynkhard, A., Uandykova, M., Litvishko, O., & Tabachkova, X. (2021). Digital trading applications and bank performance: evidence from Russia. *Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity*, 7(3), Article 194. <https://doi.org/10.3390/joitmc7030194>.
28. Acs, Z. J., Audretsch, D. B., Lehmann, E. E., & Licht, G. (2017). National systems of innovation. *The Journal of Technology Transfer*, 42(5), 997-1008. <https://doi.org/10.1007/s10961-016-9481-8>.
29. Christensen, M., Raynor, M., & McDonald, R. (2015, December). What is disruptive innovation? [Electronic resource]. *Harvard Business Review*. Retrieved September 28, 2023, from <https://hbr.org/2015/12/what-is-disruptive-innovation>.
30. Swann, G. M. P. (2014). *Common Innovation: How We Create the Wealth of Nations*. Northampton: Edward Elgar Publishing.
31. Li-Hua, R. (2014). *Competitiveness of Chinese firms: West meets East*. London: Palgrave Macmillan.
32. Chen, J., Yin, X., & Mei, L. (2018). Holistic Innovation: An Emerging Innovation Paradigm. *International Journal of Innovation Studies*, 2, 1-13.
33. Bergman, E. M., & Feser, E. J. (2020). *Industrial and Regional Clusters: Concepts and Comparative Applications*. Morganton: West Virginia University.
34. Kapsali, M. (2011). Systems Thinking in Innovation Project Management: A Match That Works. *International Journal of Project Management*, 29(4), 396-407. <https://doi.org/10.1016/j.ijproman.2011.01.003>.
35. Cowan, R., & Zinovyeva, N. (2013). University effects on regional innovation. *Research Policy*, 42(3), 788-800. <https://doi.org/10.1016/j.respol.2012.10.001>.
36. Uandykova, M. K. (2019). Modeli i metody realizacii programmy innovacionnogo razvitiya regiona. *Biznes. Obrazovanie. Pravo*, 1(50), 131-137 (In Russian).

THEORY AND METHODOLOGY OF FORMATION OF STATE DEVELOPMENT PROGRAMS IN CONDITIONS OF ECONOMY TRANSFORMATION

M. K. Uandykova¹, K. S. Aldazharov¹, G. N. Astaubaeva^{1*}

¹Narxoz University, Almaty, Republic of Kazakhstan

ABSTRACT

The purpose of this study is to analyze problematic issues of state planning and management. Based on an analysis of domestic and world experience in project management, it is substantiated that the transition to project management technologies in the form of national priorities and national projects does not allow adequate achievement of planned results. To effectively solve the problem of transforming the economy into an innovative one, general approaches to constructing a new methodology for the formation and implementation of state development programs with a built-in intelligent decision support system are proposed.

Methodology. Content, retrospective, comparative analyzes of documents in the field of the state planning system were used; approaches of modern theory of economic systems, information economics and its applied solutions for managing socio-economic systems, methods of economic and mathematical modeling, principles of developing decision support systems, program and project management.

The originality /value of the research lies in the development/addition of the theory and methodology of forming a management system for state development programs of the Republic of Kazakhstan in the conditions of transformation of the economy into an innovative one.

Findings. Research results. Based on the analysis, a reasoned conclusion is given that Kazakhstan has not developed a systematic view of the system of state planning and management; the applied transition to project management methods, presented in the form of national projects, does not bring the expected results, which may complicate/fail to achieve the goals of state development programs and national projects for the development of a competitive and innovative economy based on the policy of its diversification. The authors make proposals for a scientifically based approach to solving this systemic problem in the form of a new methodology for the formation and implementation of state development programs with a built-in intelligent decision support system.

Keywords: state planning, project management, national projects, systematic approach to management, intelligent systems, management models.

Acknowledgements: This research has been funded by the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (IRN AP19678174 on the topic «Development the theory and methodology for formation development programs of the RK during the transformation the economy into an innovative»).

ЭКОНОМИКАЛЫҚ ТРАНСФОРМАЦИЯ ЖАҒДАЙЫНДА МЕМЛЕКЕТТІК ДАМУ БАҒДАРЛАМАЛАРЫН ҚАЛЫПТАСТЫРУДЫҢ ТЕОРИЯСЫ МЕН ӘДІСТЕМЕСІ

М. К. Уандыкова¹, К. С. Алдажаров¹, Г. Н. Астаубаева^{1*}

¹Нархоз университеті, Алматы, Қазақстан Республикасы

АНДАТПА

Зерттеудің мақсаты – мемлекеттік жоспарлау мен басқарудың проблемалық мәселелерін талдау. Жобаларды басқарудың отандық және әлемдік тәжірибесін талдау негізінде ұлттық басымдықтар мен ұлттық жобалар түріндегі жобаларды басқару технологияларына көшу жоспарланған нәтижелерге барабар қол жеткізуге мүмкіндік бермейтіні дәлелденді. Экономиканы инновациялыққа айналдыру міндетін тиімді шешу үшін шешімдерді қолдаудың кіріктірілген зияткерлік жүйесі бар мемлекеттік даму бағдарламаларын қалыптастыру мен іске асырудың жаңа әдіснамасын құрудың жалпы тәсілдері ұсынылды.

Әдістемесі. Мемлекеттік жоспарлау жүйесі саласындағы құжаттардың мазмұндық, ретроспективті, салыстырмалы талдаулары қолданылды; экономикалық жүйелердің қазіргі теориясының тәсілдері, ақпараттық экономика және оның әлеуметтік-экономикалық жүйелерді басқарудың қолданбалы шешімдері, экономикалық және математикалық модельдеу әдістері, шешімдерді қабылдауды қамтамасыз ету жүйелерін әзірлеу принциптері, бағдарламалар мен жобаларды басқару.

Зерттеудің бірегейлігі/құндылығы экономиканы инновациялыққа айналдыру жағдайында Қазақстан Республикасының мемлекеттік даму бағдарламаларын басқару жүйесін қалыптастырудың теориясы мен әдістемесін әзірлеуде/толықтыруда.

Зерттеу нәтижелері. Талдау негізінде Қазақстанда мемлекеттік жоспарлау мен басқару жүйесіне жүйелі көзқарас қалыптаспағаны туралы дәлелді қорытынды беріледі; Ұлттық жобалар түрінде ұсынылған жобаларды басқару әдістеріне қолданбалы көшу күтілетін нәтижелерді әкелмейді, бұл мемлекеттік даму бағдарламаларының және бәсекеге қабілетті және инновациялық экономиканы дамытудың ұлттық жобаларының мақсаттарына қол жеткізуді қиындатуы/алмауы мүмкін. оны әртараптандыру са-ясаты. Авторлар шешім қабылдауды қолдаудың кіріктірілген интеллектуалды жүйесі бар мемлекеттік даму бағдарламаларын қалыптастыру мен іске асырудың жаңа әдістемесі түрінде осы жүйелі мәселені шешудің ғылыми негізделген тәсілі бойынша ұсыныстар жасайды.

Түйін сөздер: мемлекеттік жоспарлау, жобалық менеджмент, ұлттық жобалар, басқаруға жүйелі көзқарас, интеллектуалды жүйелер, басқару модельдері.

Алғыс: Зерттеу Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігі Ғылым комитетінің ЖТН AP19678174 «Экономиканы инновациялық экономикаға айналдыру жағдайында Қазақстан Республикасының мемлекеттік даму бағдарламаларын басқару жүйесін қалыптастыру теориясы мен әдіснамасын әзірлеу» гранттық жобасы шеңберінде дайындалды және қаржыландырылды.

ОБ АВТОРАХ

Уандыкова Мафура Кусмановна – доктор экономических наук, доцент, профессор, Университет Нархоз, Алматы, Республика Казахстан, e-mail: mafura.uandykova@narхоз.kz, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5229-335X>.

Алдажаров Канагат Смакович – старший научный сотрудник (с.н.с.), кандидат экономических наук., ассистент профессора, Университет Нархоз, Алматы, Республика Казахстан, e-mail: kanagat.aldazharov@narхоз.kz.

Астаубаева Гульнар Нурбапаевна – кандидат экономических наук, ассистент профессора, Университет Нархоз, Алматы, Республика Казахстан, e-mail: gulnar.astaubaeva@narхоз.kz, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0286-3518>*

МРНТИ 06.52.13; 06.71.33; 06.54.51

JEL Classification: D6; D11; D12; D63; L86; P46; O11

DOI: <https://doi.org/10.52821/2789-4401-2024-1-22-43>

ЭКОНОМИКА СОВМЕСТНОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ В КАЗАХСТАНЕ: УСЛОВИЯ И ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ

О. В. Куур¹, Е. В. Варавин^{1*}, М. В. Козлова¹

¹Восточно-Казахстанский технический университет имени Д. Серикбаева,
Усть-Каменогорск, Республика Казахстан

АННОТАЦИЯ

Цель исследования. Выявить условия и факторы развития экономики совместного потребления в Казахстане, основываясь на анализе современных тенденций развития республики в социально-экономической, демографической и информационно-технологической сферах.

Методология исследования базируется на использовании общенаучных методов, включая общелогические (анализ, синтез, аналогия) и теоретические (гипотетический, абстрагирование, обобщение) методы. В основу исследования была положена гипотеза о том, что развитие экономики совместного потребления в республике следует в русле общемировых тенденций и подчиняется тем же закономерностям развития, которые имеют место в развитых в экономическом отношении странах.

Оригинальность / ценность исследования. Работа впервые фокусируется на анализе условий развития экономики совместного потребления в Республике Казахстан, увязывая их с тенденциями изменения демографических, социально-экономических и информационно-технологических показателей. Это способствует объективной оценке готовности страны к развитию шеринговой экономики. Особое внимание уделено технологической составляющей, включая анализ индекса сетевой готовности (NRI), что позволило выявить и оценить технологические вызовы внедрения информационно-коммуникационных технологий в контексте развития экономики совместного потребления.

Результаты исследования. В статье представлены результаты анализа динамики показателей, характеризующих предпосылки для расширения экономики совместного потребления в Казахстане. Авторы выделяют такие показатели, как численность населения, ожидаемая продолжительность жизни, уровень урбанизации, объем ВВП на душу населения и индекс сетевой готовности (NRI). Анализ также охватывает уровень стратификации общества по доходам. Анализу подвергся и уровень стратификации общества по признаку объема и характера доходов населения Казахстана. Выводы указывают

на наличие условий для ускоренного развития экономики совместного потребления в Казахстане, но отмечаются слабые позиции в технологическом обеспечении цифровизации, что требует устранения выявленных недостатков.

Ключевые слова: экономика совместного потребления, шеринговая экономика, инклюзивная экономика, цели устойчивого развития, цифровизация экономики, коэффициент сетевой готовности NRI.

Благодарности: Исследование подготовлено и профинансировано в рамках грантового проекта Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан AP19676547 – «Внедрение принципов экономики совместного потребления в экономическую систему Казахстана для реализации национальной концепции устойчивого развития».

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность работы. На протяжении последних нескольких десятков лет в обществе все активнее проявляются тенденции развития, основанные на социально-экономических отношениях нового типа. С позиций политэкономической теории можно говорить о новом витке экономического развития, базисом которого является конгломерат частной и совместной форм собственности. Соответствующая новому типу социально-экономических отношений модель, основанная на принципах «...кооперативизма, сотрудничества, инклюзивности, социальной поддержки, экологичности в рамках рециркуляционной экономики, сопряжения использования ресурсов» [1], получила название экономики совместного потребления.

Шеринговая экономика (альтернативное название экономики совместного потребления) в качестве отдельной сферы экономической деятельности стала формироваться в период финансово-экономического кризиса 2008-2009 годов как попытка найти альтернативу устоявшимся отношениям частной собственности на средства производства и одновременно как ответ на вызовы современного развития общества, обуславливающие необходимость перехода к устойчивому развитию. В составе семнадцати целей устойчивого развития, провозглашенных ООН, под номером 12 стоит цель, имеющая непосредственное отношение к экономике совместного потребления, состоящая в том, чтобы обеспечить переход к рациональным моделям потребления и производства [2]. В подтверждение значимости данной цели на сайте ООН приводятся весьма весомые аргументы, среди которых [2]:

- ненадлежащее потребление производимого продовольствия, треть которого ежегодно сгнивает в мусорных баках потребителей или оказывается испорченной в процессе транспортировки;
- невозможность обеспечить ресурсами уже в ближайшие 20-25 лет население планеты, численность которого, как прогнозируется, достигнет 9,6 млрд. человек к 2050 году.

В докладе департамента макроэкономической политики Евразийского экономического союза «Устойчивое развитие и инклюзивный рост» подчеркивается, что условием устойчивости экономического роста является обеспечение экономической инклюзивности [3]. При этом в докладе дается определение инклюзивного роста как экономического роста, сопровождаемого созданием благоприятных условий для повышения качества жизни и обеспечения равенства возможностей всех групп населения страны» [3]. Экономика совместного потребления как раз и создает такие условия.

Однако развитие самой экономики совместного потребления зависит от ряда факторов и условий, спектр которых простирается от общеэкономических до демографических и социально-психологических. Именно изучение факторов и условий успешного развития и продвижения ЭСП в мире представляло наибольший интерес для авторов данной статьи, поскольку *цель данного исследования* состояла в том, чтобы на основе изучения мировых тенденций развития шеринг-экономики и ее особенностей сформулировать и конкретизировать условия и факторы развития экономики совместного потребления в Республике Казахстан.

Обзор литературы и основные положения исследования. Вопросам определения факторов, ускоряющих переход к экономике, основанной на принципах совместного потребления, посвящено

достаточно большое количество публикаций. В частности, в статье «Актуальные вопросы развития экономики шеринга» А. В. Черновым и В. А. Черновой выделены такие факторы роста ЭСП, как: «мода на экологичное поведение и усиление принятия индивидами ответственности за свои действия перед будущими поколениями», усиление социального неравенства, рост населения планеты, развитие технологий, доступность интернета и мобильной связи [4].

По верному замечанию авторов статьи «Тенденции влияния экономики совместного потребления и джоб-шеринга на социальные процессы и рынок труда» О. Л. Чулановой и О. В. Шитт стремительное развитие шеринг-экономики обусловлено рядом факторов: возможностью прямого взаимодействия между собой отдельных людей и организаций в силу развития информационных технологий и доступности мобильных технологий, увеличением плотности населения городов и «...ежегодно увеличивающимся неравенством доходов» [5, с.10].

Разрыв между доходами разных категорий лиц в ряде стран называет одной из движущих сил шеринга Изюмова О.Н. в своей статье «Проблемы повышения деловой активности субъектов малого и среднего бизнеса в условиях нестабильности экономической ситуации: региональный аспект» [6]. Аналогичная точка зрения высказывается и в работе «Совместное потребление как тренд современной экономики» [7, с.197], при этом ее авторы упоминают и такие факторы, как увеличивающаяся плотность населения городов, волатильность стоимости природных ресурсов, постоянное увеличение числа активных пользователей Интернета и социальных сетей во всех возрастных категориях населения.

С точки зрения Е. Ф. Авдокушина и Е. Г. Кузнецовой немаловажное значение для развития ЭСП имеет такой фактор, как формирование у нового поколения миллениумов (родившихся после 2004 года) новой системы ценностей, когда главное заключается не в безудержном владении материальными благами и их накоплении, а в более экологически ответственном совместном использовании имущества, когда «...главное – это не собственность, а доступ к ней» [1, с.10].

Не случайно в своей статье «Развитие экономики совместного потребления» Ж. Н. Тропина одним из значимых факторов, поддерживающих феномен совместного потребления, называет «...формирующуюся в мире тенденцию к экологии потребления» Автор видит в качестве фактора роста объемов экономики совместного потребления (и вместе с этим улучшения экологии) дальнейшее расширение использования цифровых технологий, что позволит «повысить эффективность использования производимых товаров и услуг и позитивно скажется на структуре доходов и расходов населения» [8].

Несколько под иным углом рассматривает условия развития ЭСП Тагаров Б.Ж. [9], выделяя в качестве таковых относительно низкий уровень транзакционных издержек и одобрение со стороны государства в дополнение к таким условиям, как общие интересы пользователей, наличие неиспользуемых ресурсов, высокий уровень доверия и критическая масса пользователей. Можно лишь отчасти согласиться с мнением автора по поводу того, что все эти признаки нужно рассматривать как условия, необходимые для устойчивой работы модели совместного потребления. На наш взгляд, здесь перечислены скорее характерные особенности, черты, присущие ЭСП. Исключение, пожалуй, составляет условие поддержки ЭСП государством. В этой же работе перечень факторов, «положительно влияющих на создание условий для развития экономики совместного потребления», сведен всего лишь до двух: низкий уровень дохода (по сравнению с развитыми странами), что вызывает потребность в экономии средств и дополнительном заработке, и большая интернет-аудитория. Несомненно, этот перечень нельзя признать исчерпывающим. Не учтенными, на наш взгляд, остались такие факторы, как выход экономики на новый информационно-технологический уровень, положительные демографические сдвиги в обществе, формирование у населения «экологического» менталитета.

Наиболее полный, обоснованный и систематизированный набор факторов становления экономики совместного потребления, по нашему мнению, предложен в диссертационном исследовании Т. Б. Абсалямова [10]. Первоочередным с его точки зрения является технологический фактор, сопровождающийся стремительным распространением информационных технологий. Именно с появлением онлайн-платформ автор связывает повышение эффективности реализации потребительского потенциала

«недоиспользуемых товаров или объектов собственности». Вторым по значимости фактором Т. Б. Абсалямов считает негативные изменения в экономике, сопровождающиеся снижением совокупного дохода на душу населения и, вместе с тем, падением его покупательной способности, что, в свою очередь, приводит к росту социального неравенства. Несомненно, все эти факторы способствуют более активному вовлечению населения в новый тип социально-экономических отношений, составляющих основу ЭСП. Заслуживает внимания и оценка автором роли в развитии ЭСП демографического фактора, а также фактора изменения потребительских предпочтений в пользу экологичного, сберегающего ресурсы потребления. Вместе с тем, автор, по существу, отождествляет факторы и предпосылки развития ЭСП, представляя факторы в виде набора определенных предпосылок. При этом некоторые предпосылки дублируют друг друга (с позиции количественной оценки их влияния на развитие ЭСП и возникновения эффекта мультиколлинеарности). Например, экологический фактор представлен у Т. Б. Абсалямова тремя предпосылками: экологический кризис, рост отходов и неблагоприятные климатические изменения. Хотя каждый из этих факторов, несомненно, заслуживает отдельного рассмотрения в контексте экологической повестки. Или, экономический фактор в работе того же автора предполагается оценивать с помощью показателей роста социального неравенства и снижения доли среднего класса.

Не лишним будет отметить, что мнения ведущих зарубежных и отечественных специалистов о перспективах развития шеринг-экономики практически не отличаются, все они сходятся на том, что у экономики совместного потребления весьма оптимистичные перспективы, однако существуют различия в оценке значимости этого вида экономики для решения глобальных проблем развития общества.

Если воспользоваться терминологией, предложенной исследователями ВШЭ для обозначения этапов эволюции шеринга, то среди современных форм шеринга наибольшей популярностью пользуются *Torrentsharing* (онлайн шеринг фильмов, музыки и любых файлов) и *Ubersharing* (объединение онлайн и офлайн: шеринг домов, офисов и транспорта) [11].

Попытки представить ситуацию с развитием шеринга, как приближающуюся к этапу размытия социальных статусов и ценностных ориентиров в обществе, получившему название *Conscioussharing*, по нашему мнению, являются преждевременными, поскольку этот процесс наблюдается в весьма ограниченной прослойке социума, не имеющей отношения к основной массе населения, не располагающего средствами, достаточными для того, чтобы воспользоваться статусными благами цивилизации даже на предлагаемых более выгодных условиях совместного потребления. Однако обнадеживает тот факт, что все больший процент населения либо уже использует шеринг сервисы, либо готовы делиться своими активами на условиях аренды или дарения, либо и то и другое одновременно [12].

Нельзя не отметить, что у ЭСП есть не только апологеты, но и критики. Весьма скептически настроен по отношению к шеринг-экономике автор книг «Никто не заставляет вас делать покупки в Wal-Mart» и «What's Yours Is Mine» (2019) Том Сли. В своей статье «The secret libertarianism of Uber & Airbnb» он пишет о наблюдающейся тенденции отхода от совместного использования «...к дальнейшей дерегулированной и нестабильной занятости», считая это результатом вмешательства в эту сферу крупных компаний и венчурного капитала с их идеологией коммерческой выгоды и нежеланием страховать сопутствующие шеринг-услугам риски [13].

Обзор перечисленных выше и ряда других научных публикаций по вопросам ЭСП, авторами которых являются N. John [14], О. Н. Пряжникова [15], Д. В. Валько [16], Е. Н. Стрижакова, Д. В. Стрижаков [17], позволило авторам настоящей статьи не только выделить наиболее значимые факторы и условия роста экономики совместного потребления, но и одновременно обозначить ее проблемные моменты, о чем пойдет речь в основной части исследования. Авторы статьи также ставили перед собой задачу восполнить явно ощущаемый недостаток информации по вопросам количественной оценки и анализа показателей, если не прямо, то косвенно определяющих условия и факторы развития ЭСП в Республике Казахстан. Представляется, что такого рода информация будет весьма полезна для казахстанских участников шеринг-движения, находящегося на стадии своего становления и только набирающего обороты в республике.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Методы исследования. Методологической основой проведенного авторами статьи исследования стали общенаучные методы, в том числе общелогические.

Теоретические методы были использованы авторами в основном при проведении литературного обзора, касавшегося рассмотрения концептуальных основ экономики совместного потребления, причин и условий ее возникновения, определения факторов, способствующих ее ускоренному развитию, а также ее роли в развитии мировой экономики. Теоретическому осмыслению была подвергнута взаимосвязь ЭСП с целями устойчивого развития.

Общелогические методы использовались на стадии реализации цели исследования, состоявшей в том, чтобы изучить мировые тенденции развития экономики совместного потребления, ее особенности и характерные черты и на этой основе оценить наличие объективных условий и предпосылок для дальнейшего успешного развития шеринг-экономики в Республике Казахстан.

Поступательное последовательное движение Казахстана по пути устойчивого развития, базирующегося на принципах ESG, дало авторам статьи основание при проведении исследования взять за основу гипотезу о том, что формирование ЭСП в республике следует в русле общемировых тенденций и подчиняется тем же закономерностям, что и развитие шеринг-экономики в США, странах Евросоюза и ЕАЭС. Это позволило расширить информационное поле для оценки достаточности условий развития ЭСП в Республике Казахстан.

В статье выполнен анализ динамики показателей, характеризующих наличие предпосылок для ускоренного роста сектора совместного потребления в экономике Казахстана. При выборе показателей для анализа авторы руководствовались логикой и содержанием самого процесса совместного потребления и опирались на мнение экспертного сообщества по данному вопросу. В результате, по данным Бюро национальной статистики и ИАС «Талдау» были проанализированы такие демографические показатели, как рост численности населения, темпы ожидаемой продолжительности жизни, удельный вес городского населения. Анализ подверглись и показатели ВВП на душу населения и средней зарплаты одного работника, как характеризующие уровень благосостояния населения Республики Казахстан.

Кроме того, в ходе исследования была оценена степень цифровизации в республике, как «важнейшего институционального условия совместного потребления» [18]. Критерием оценки при этом послужил индекс сетевой готовности NRI.

Отдельное внимание было уделено вопросам оценки уровня стратификации общества в зависимости от объема доходов.

В ходе исследования наряду с данными Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан и Информационно-аналитической системы «Талдау» была использована аналитическая информация с официальных сайтов United Nations, Национального банка Казахстана, международной консалтинговой компании PwC, Ассоциации электронных коммуникаций (РАЭК), а также информация, содержащаяся в статьях и обзорах, опубликованных на сайтах сетевых журналов и иных информационно-аналитических платформах.

Результаты и обсуждения. По мнению экспертов международной аудит-консалтинговой корпорации PwC (PricewaterhouseCoopers), которая входит в «большую четвёрку «аудиторских компаний мира, можно с уверенностью утверждать, что компании совместной экономики связаны с «...одной из наиболее важных мировых тенденций и историй успеха последних лет и, со всей уверенностью, будущих лет, и – хотя и противоречивы – они принесут глубокие изменения в нашу бизнес-среду» [19].

По прогнозам PwC в 2025 году шеринг-экономика и сектора с традиционной операционной моделью сравняются по объемам продаж, которые достигнут 335 млрд. долларов, тогда как в 2013 году соотношение между ними по данному показателю было 1 к 16 [19]. Это свидетельствует об ожидании прорывных темпов роста этой сферы экономики.

В подавляющем большинстве исследований последних лет, касающихся перспектив развития ЭСП, делаются ссылки именно на этот прогноз. Тогда как в более позднем отчете, опубликованном ВСС

Research, «Shared Economy: WeWork, Uber, Airbnb and Lyft» [20] приводятся данные о том, что уровень объема продаж, спрогнозированный PwC на 2025 год, был превышен уже в 2019 году и составил 373,7 млрд. долларов. Глобальная рыночная стоимость экономики совместного потребления по прогнозу BCC Research составит 1,5 трлн долларов к 2024 году при среднегодовом темпе роста в 31,9 %. Этот пример свидетельствует о том, что даже по самым смелым, казалось бы, прогнозам потенциал шеринг-экономики оказался недооцененным.

Если говорить о Европе, то здесь прогнозируются более высокие темпы развития шеринг-экономики в ближайшие несколько лет – 35 % ежегодно [21]. При этом наряду с традиционными отраслями (аренда автомобилей, велотранспорта, жилья и т.п.) в совместное использование будут все активнее вовлекаться новые сферы деятельности, такие как возобновляемая энергетика, телематика, розничная торговля и др.

Более высокие темпы роста шеринг-рынка по сравнению с общемировым наблюдались в последние годы в России [22]. Исследования, организованные российским экспертным офисом ТИАР-Центр и кластером РАЭК, показали 50 %-ый прирост рынка шеринг услуг в 2019 году и 39 %-ый прирост в 2020 году. В результате объем транзакций шеринг-сервисов в России в 2020 году достиг 1,07 трлн руб. Некоторое снижение темпов прироста было обусловлено эпидемией COVID-19 и связанными с ней ограничениями. Продажа личных вещей, подработка на биржах фриланса и каршеринг – вот три лидирующих отрасли, на долю которых приходится 97,5 % от общего объема продаж в сфере ЭСП [22].

В Казахстане на сегодняшний день имеется дефицит независимой достоверной статистики о развитии ЭСП. Об уровне развития ЭСП приходится судить по не столь многочисленным разрозненным сведениям, содержащимся в основном в публикациях в СМИ.

Ниже мы постарались сформулировать основные плюсы и минусы ЭСП, основываясь на мнении самих участников шеринг-операций и авторов многочисленных публикаций по вопросам шеринг-экономики [1; 5; 12; 16 и др.].

К достоинствам ЭСП, по нашему мнению, следует отнести то, что она:

- способствует инклюзивному развитию, в центре которого стоит человек, с его личными потребностями и интересами, гармонизированными с интересами других людей в сфере культуры, образования, здравоохранения, науки, трудоустройства, социального обеспечения, творчества;

- опираясь на достижения НТП и инновационные технологии, в том числе в сфере ИКТ, стимулирует экономическую и технологическую трансформацию, создавая запрос на более совершенные (с точки зрения совместимости и удобства пользования) информационные продукты и интернет-сервисы, а также на более высокотехнологичные средства производства (например, транспортные средства) и предметы потребления;

- способствует снижению стоимости оказания услуг за счет уменьшения транзакционных издержек [16] и избавления от большого количества посредников;

- обеспечивает быстрое масштабирование совместного потребления как в разрезе отраслей, так и в региональном аспекте, что подтверждается упомянутыми выше прогнозами развития шеринг-экономики, сделанными международной аудит-консалтинговой корпорацией PwC, компанией BCC Research и рядом других экспертных организаций мирового уровня [19; 20; 21; 22]. Прогнозируется, например, что в первой мире экономике Китая в ближайшей перспективе (уже к 2025 году) сектор ЭСП достигнет 20 % ВВП [23];

- дает возможность быстрого вовлечения населения в процесс совместного потребления за счет использования цифровых технологий и средств мобильного общения;

- облегчает доступ к эксклюзивным услугам (например, полету на частном самолете) и брендовым товарам на условиях аренды;

- способствует расширению разнообразия потребляемых товаров и услуг, росту эффективности потребления. Доказательством данного тезиса служит большое количество получивших распространение в мировой практике видов шеринга: краудфандинг, карпулинг, каршеринг, байкшеринг,

скутершеринг, parking space rental, коворкинг, интернет-биржа труда (фриланс), джоб-шеринг, хедрентинг (headrenting), community innovation (crowdcreation), Miutcank.hu, food shering, глэмпинг, коворкинг-офисы (coworking offices) обмен жильем (home exchange), услуги общественного туризма (community tourism services), домашний шеринг (home shering), wireless community networks, общественные солнечные проекты, решение для хранения электроэнергии (electricity storage solution), виртуальные электростанции (virtual power plants), ветряные электростанции (wind farms) и другие виды;

- имеет своим результатом трансформацию бросовых продуктов и активов в общественно полезные, тем самым уменьшая отходы и вместе с тем ослабляя негативное воздействие потребления на окружающую среду;

- базируется на прорывных инновационных моделях умного ведения бизнеса, позволяющих сетевое взаимодействие сочетать с анализом данных;

- обладает чертами благотворительности, корпоративной социальной ответственности;

- дает работникам больше свободы и гибкости, снимает входные барьеры, способствует созданию новых рабочих мест [12];

- **культивирует честность и прозрачность в отношениях с потребителями, делая ставку на экспертные обзоры и рейтинги каждой платформы.**

Экологичность, выгодность и практичность – так в трех словах сформулированы достоинства шеринг-экономики выпускающим редактором казахстанского интернет-издания о бизнесе, стартапах и IT-технологиях ER10 Media [24].

Что касается проблемных сторон шеринг-экономики, то весьма лаконично и точно их сформулировал в своем диссертационном исследовании Т. Б. Абсалямов. К недостаткам ЭСП он отнес нерешенные проблемы, связанные с отсутствием гарантий личной безопасности участников, монополизацией отдельных отраслей и сфер деятельности, недобросовестной конкуренцией, неурегулированностью отношений с налоговыми органами, сомнительностью социальных гарантий, отсутствием цифрового равенства и недостаточной цифровой грамотностью населения [10].

Проведенный обзор публикаций по вопросам ЭСП позволяет выделить следующие условия роста экономики совместного потребления:

- *во-первых*, рост популяции населения. Организация Объединенных Наций прогнозирует рост численность населения в мире к 2030 году до 8,5 млрд человек, к 2050 году до 9,7 млрд человек и к 2080 году – до 10,4 млрд человек [25]. Основанием для такого предположения могут служить результаты проведенных в некоторых странах опросов, показывающих процентное участие населения этих стран в ЭСП. Так, в Великобритании около 8 % взрослого населения, по крайней мере, один раз получили доход от участия в ЭСП, при этом 5 % занятых в ЭСП сообщили о получении всех своих доходов от шеринг-деятельности, 24 % – более половины доходов и 48 % – менее половины [15]. Аналогичные исследования были проведены по инициативе Европейской комиссии по коммуникациям и опубликованы Евробарометром. Оказалось, что показатель доли участников ЭСП в Европе превышает 23 % и растет примерно на 3 процентных пункта в год [26]. Показателем в этом отношении и опыт Китая, свидетельствующий о высокой емкости рынка ЭСП с точки зрения потребности в привлечении трудовых ресурсов. По данным [23] только за один 2019 год в ЭСП Китая было вовлечено 800 млн. человек, при этом было создано 6,230 млн. новых рабочих мест;

- *во-вторых*, переход к экономике совместного потребления провоцируется усилением тенденции расслоения общества на людей сверхбогатых и людей малообеспеченных. Шеринг-экономика нивелирует процесс усиления социального неравенства, предоставляя одним членам общества возможность делиться принадлежащим им имуществом и даже отчуждать его в пользу других индивидов, а другим, не располагающим необходимыми материальными средствами, получать доступ ко многим ранее недоступным для них товарам не иначе как на условиях временного или совместного потребления [4]. Тенденции расслоения в обществе прослеживаются во всех странах, в том числе развитых. Именно усиление разрыва между доходами станет одной из важных движущих сил шеринга в ближайшей

перспективе. На это утверждение преподавателя Гарвардского университета Стивена Штрауса содержится ссылка в статье [28].

- *в-третьих*, выход экономики на новый технологический уровень, подкрепляемый высоким уровнем цифровой экономики. Стремительное развитие цифровых технологий создает условия для эффективной реализации бизнес-моделей, лежащих в основе экономики совместного потребления, увеличивая скорость и оптимизируя схему взаимодействия участников бизнес-процесса, что приводит к снижению сопутствующих ему издержек [4].

В отчете «Shared Economy: WeWork, Uber, Airbnb and Lyft», опубликованном BCC Research в 2020 году, сделан прогноз о том, что к 2027 году объем рынка финтех-технологий в масштабе всего мира сможет достичь \$776,2 млрд. долларов при среднегодовом темпе роста 16,9 % за 5 лет, предшествующих прогнозируемому 2027 году [20];

- *в-четвертых*, приверженность экологически ориентированной части общества целям устойчивого развития и принципам ESG, осознание индивидами ответственности за результаты своей деятельности перед будущими поколениями и переход, в связи с этим, от идеологии сверхпотребления, к идеологии шеринг-потребления. По данным проведенного учеными НИУ ВШЭ в 2020 году эмпирического исследования с помощью статистической методики — объясняющего факторного анализа (*exploratory factor analysis*), направленного на выявление факторов, влияющих на отношение потребителей к ЭСП (*примеч.* в онлайн-анкетировании приняли участие более 3400 пользователей сервисов совместного потребления) было установлено, что экологически и социально значимым ценностям привержены представители поколений Y (возрастная категория 26-35 лет) и Z (18-25 лет). Для них главное, наряду со снижением финансовых затрат, — это «...забота об окружающей среде (например, при совместном использовании автомобиля), потребность сберечь природу (арендуя, мы покупаем меньше вещей)» [27];

- Как складываются перечисленные выше предпосылки в Казахстане? И можно ли делать какие-либо прогнозы о перспективах развития шеринг-экономики в республике?

Первое условие. Прежде всего, отметим те положительные тенденции, которые имеют место в области демографии.

В ноябре 2023 года на брифинге в службе центральных коммуникаций были озвучены прогнозы Бюро национальной статистики АСПиР РК по росту населения Казахстана в ближайшие 4 года. К 2027 году рост составит 1 млн. человек [29]. По оперативным данным Бюро национальной статистики численность населения Казахстана достигла отметки в 20 млн. человек в ноябре 2023 года. За период с начала 2000 года по начало 2023 года население увеличилось на 32,65 % [30].

На рисунке 1 представлена динамика ряда демографических показателей за последние 10 лет, в том числе темпов роста численности населения республики и ожидаемой продолжительности его жизни, а также удельного веса городского населения как показателя, характеризующего процесс урбанизации в Казахстане.

Из графика явно видно, что темпы роста как по показателю численности населения, так и по ожидаемой продолжительности жизни были на протяжении всего анализируемого периода достаточно стабильными, их прирост от периода к периоду находился преимущественно в диапазоне от 0,5 до 1,5 процентных пунктов. Заметное исключение составили только «всплески» роста численности в 2021 и 2022 годах, и некоторое снижение темпов роста ожидаемой продолжительности жизни в 2020 и 2021 годах, что, очевидно, было связано с последствиями эпидемии COVID-19, а также с нестабильностью финансовой и геополитической обстановки в мире. Столь устойчивые темпы роста, сложившиеся в предшествующие годы, позволили ООН сделать достаточно взвешенный прогноз о том, что к 2050 году численность населения в Казахстане достигнет 25 млн. человек. Это конечно же создаст мощный импульс для ускоренного развития экономики совместного потребления в Казахстане. Хотя следует признать, что как таковой рост населения еще не гарантирует желания людей перейти на совместное потребление, и служит, скорее, косвенным фактором развития ЭСП.

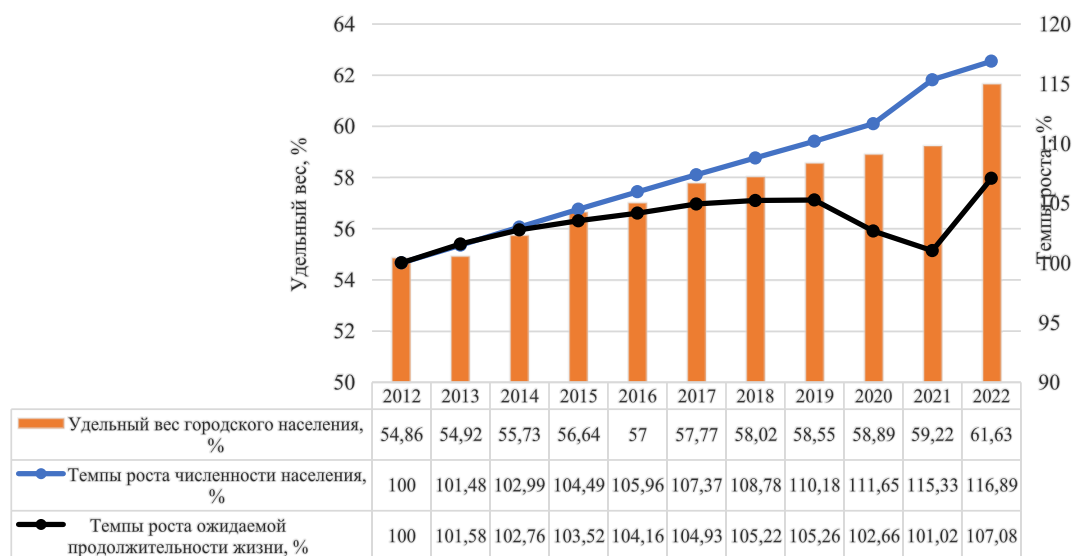

Рисунок 1 – Динамика демографических показателей Республики Казахстан с 2012 по 2022 год
Примечание – составлено авторами на основе источника [31]

В составе населения Казахстана неуклонно растет удельный вес численности городского населения (рисунок 1). По данным Бюро национальной статистики доля городского населения увеличилась за период с 2012 по 2022 г. с 54,86 % до 61,63 %, то есть на 6,77 процентных пунктов. Для сравнения скажем, что по данным United Nations Population Division [32] средний показатель процента городского населения в странах Европы в 2022 году составил 72,88 %.

Все эти демографические изменения в Казахстане неуклонно сопровождаются увеличением ВВП на душу населения (рисунок 2), причем положительная динамика в явном виде прослеживается при измерении данного показателя в тенге, тогда как уровень показателя ВВП на душу населения в долларах США имел минимальное значение за последние 10 лет в 2016 году (7714,8 долл. США) и постепенно увеличивался в последующие 6 лет, достигнув в 2022 году значения 11476,6 долл. США, что все еще ниже уровня 2014 года.

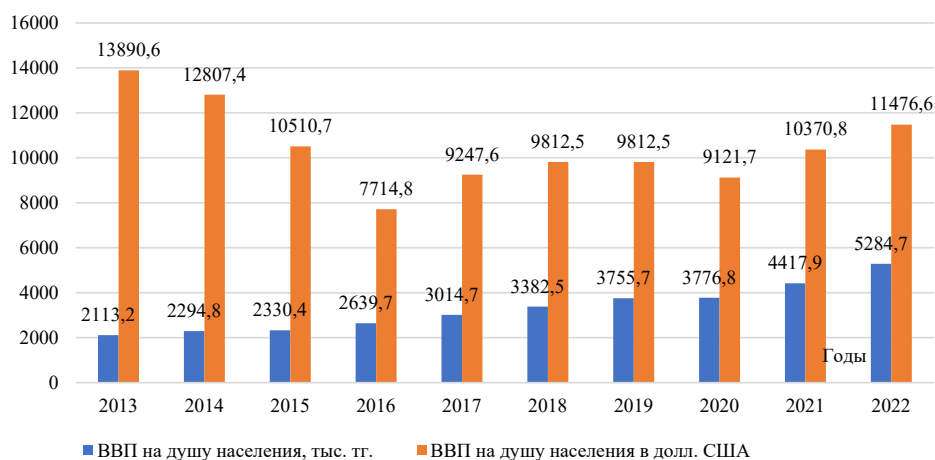

Рисунок 2 – Динамика ВВП на душу населения в тыс. тенге и в долларах США за период с 2013 по 2022 год

Примечание – составлено авторами на основе источника [31]

Рост ВВП на душу населения не мог не сказаться положительно на уровне заработной платы одного работника (рисунок 3) и ожидаемой продолжительности жизни населения республики, в чем мы могли убедиться ранее (рисунок 1). Темпы роста среднемесячной зарплаты даже превышали темпы прироста ВВП на душу населения как при измерении в тенге, так и при измерении в долларах США.

Сравнение показателей, измеряемых в долларах США, по нашему мнению, является более корректным, поскольку в большей степени отражает тенденции изменения реальной (с учетом инфляции), а не номинальной заработной платы.

За последние 5 лет среднемесячная зарплата в тенге возросла на 90,5 %, в долларах – на 42,6 %, ВВП – на 67,85 % и 56,2 % соответственно.

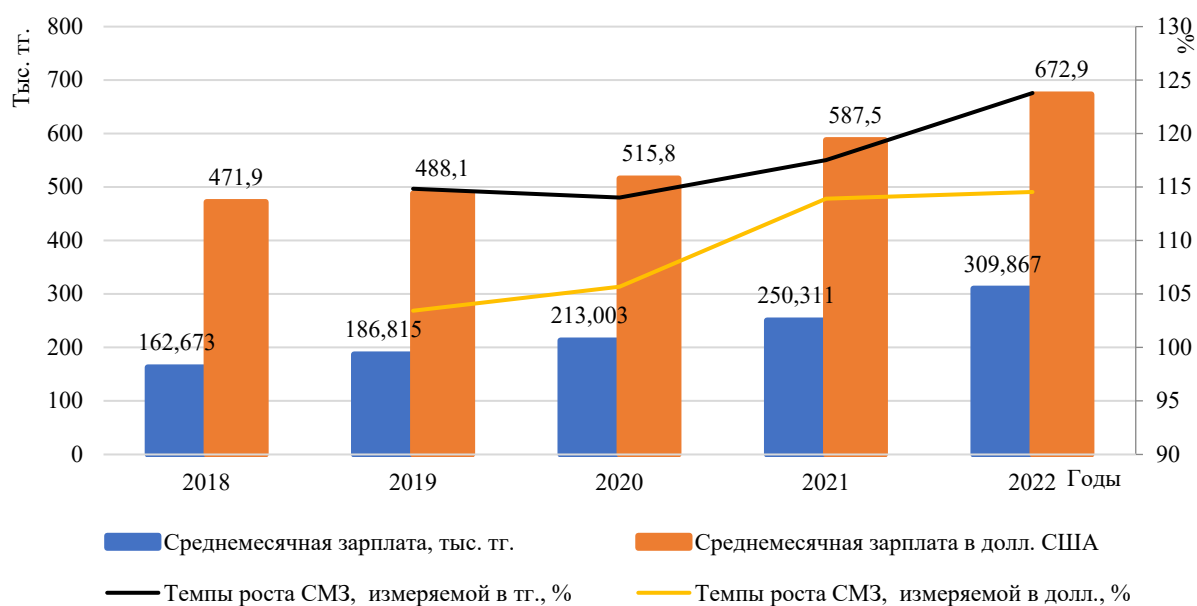

Рисунок 3 – Динамика среднемесячной зарплаты одного работника в Казахстане
Примечание – составлено авторами на основе источников [30; 31; 33]

Ожидаемая продолжительность жизни при рождении населения Республики Казахстан за этот же период возросла на 1,29 года (с 73,15 лет в 2018 году до 74,44 лет в 2022 году). Но эти положительные тенденции имеют и обратную сторону, увеличение продолжительности жизни сопровождается естественным старением населения и возникающими, в связи с этим, проблемами увеличения затрат на содержание той части населения, которая находится в нетрудоспособном возрасте. Кроме того, как показал последующий анализ, рост среднемесячной зарплаты, хотя и номинальной, не смог сократить разрыв между доходами бедных и богатых слоев населения республики.

Все рассмотренные тенденции в области демографии и экономики взаимосвязаны между собой и взаимно обуславливают друг друга. Так, урбанизация и внутренняя миграция населения, как правило, приводят к росту занятости последнего, хотя нужно понимать, что речь в данном случае идет не просто о занятости на действующих предприятиях, но и о росте количества самозанятых, включая независимых работников и ИП. По данным Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан [30] уровень безработицы (по методологии МОТ) в III квартале 2023 года по сравнению с аналогичным периодом 2022 года снизился с 4,9 % до 4,7 %. Понятно, что люди стремятся переехать в те города, где они смогут улучшить свои жилищные условия и найти работу с более высокой оплатой труда. В последние годы наблюдается тенденция **массового переезда жителей сел в города**. Так, за 2023 год из сел уехали более 81 тысячи жителей. Прирост городского населения страны за счет миграции превысил 91 тыс. человек. За 12 лет из сел

в города переехало более 2,7 млн. казахстанцев. **И это далеко не случайно.** Согласно данным Бюро национальной статистики АСПИР РК за январь-июнь 2023 года [30] среднемесячная номинальная зарплата одного работника в городской местности по Казахстану составляла 368,3 тыс. тенге, что на 20,8 % выше, чем в сельской местности. Мигрировав в город, бывшие жители села имеют потенциальную возможность улучшить свое материальное положение. Это, в свою очередь, не может не сказываться положительно на росте народонаселения. Хотя это далеко не единственный фактор, определяющий этот рост. Еще одним результатом миграции населения в города является расширение масштабов и качества доступа населения к интернет-услугам, а значит в перспективе и к услугам совместного потребления.

Но одновременно с этим демографические скачки, тем более сопровождаемые промышленным ростом, имеют и обратную сторону, они зачастую оказывают негативное воздействие на окружающую среду. Так, увеличение потребления материальных благ населением всегда связано с ростом отходов потребления. Рост промышленного производства сопровождается выбросами вредных веществ в атмосферу, загрязнением воды и почвы. Среда обитания человека из дружественной постепенно трансформируется во враждебную ему.

Смягчить эти противоречия безусловно поможет дальнейшее развитие шеринг-экономики, то есть экономики, основанной на сокращении потребления любого вида ресурсов: материальных, финансовых, людских за счет их совместного потребления.

Технологии шеринга существенно упрощают отношения между продавцом товара (или владельцем какой-то вещи) и потребителем, поскольку исключают из этих отношений услуги посредников. Тем самым появляется возможность обеспечить существенную экономию на транзакционных издержках. Это делает шеринг весьма конкурентоспособным по отношению к традиционным моделям экономики.

Неуклонный рост численности населения республики, увеличение продолжительности жизни и сопровождающее его старение населения, дальнейшая урбанизация, хотя и не достигли уровня европейских стран, но уже сейчас дают основание видеть в этом явные предпосылки для развития экономики совместного потребления в Казахстане.

Второе условие. Как нами было отмечено ранее, провоцирующим фактором роста шеринг-экономики является расслоение общества на бедных и богатых. Для оценки уровня неравенства доходов в мировой практике широко используется коэффициент Джини, интервал изменения которого находится в пределах от 0 до 1. Нулевое значение означает полное равенство доходов у всех членов общества, единичное значение соответствует ситуации, когда весь доход сосредоточен у одного человека. По данным поисковой системы Undata [34], работающей со статистическими данными ООН, Казахстан занимает средние позиции по данному показателю, имея коэффициент Джини на уровне 27,8 % в 2018 г. (за последующие годы данные отсутствуют). Для сравнения: в Бразилия этот показатель составляет 53,9 % (2018 г.) и 52,9 % (2021 г.), в США – 41,4 % (2018) и 39,8 % (2021), в Китае – 38,5 % (2018) и 37,1 % (2020), в России – 37,5 % (2018) и 36 % (2020), во Франции – 32,4 % (2018) и 30,7 % (2020), тогда как в Финляндии – 27,3 % (2018) и 27,1 % (2020), в Японии – 24,9 %, Беларуси 25,2 % (2018) и 24,4 % (2020) [34].

Данные Бюро национальной статистики АСПР Республики Казахстан свидетельствуют о достаточно существенном, но не критическом, расхождении доходов наиболее и наименее обеспеченного населения в Республике Казахстан. На рисунке 4 показаны в динамике такие показатели, как: соотношение доходов 10 % наиболее и наименее обеспеченных, доля населения, имеющего доходы ниже прожиточного минимума, глубина бедности и острота бедности.

Как видно в Республике Казахстан доходы 10 % наиболее обеспеченных граждан в 2022 году превышали доходы 10 % наименее обеспеченных граждан в 5,71 раза, что ненамного ниже, чем в предшествующие 4 года. Так что разрыв в доходах поддерживается на стабильно высоком уровне.

Объективности ради отметим, что в России это соотношение находилось в последнее десятилетие в интервале от 15 до 13,2 раз (по итогам I квартала 2023 года – по официальным данным Росстата). Не менее существенным является этот разрыв в США, Турции, Израиле и ряде других стран. Можно

сделать вывод о том, что за последние годы в Казахстане, впрочем, как и во многих других странах, заметных положительных изменений в стратификации населения по доходам не произошло. Хотя здесь не лишним будет сделать оговорку, что данные статистики не всегда объективно отражают истинное положение вещей.

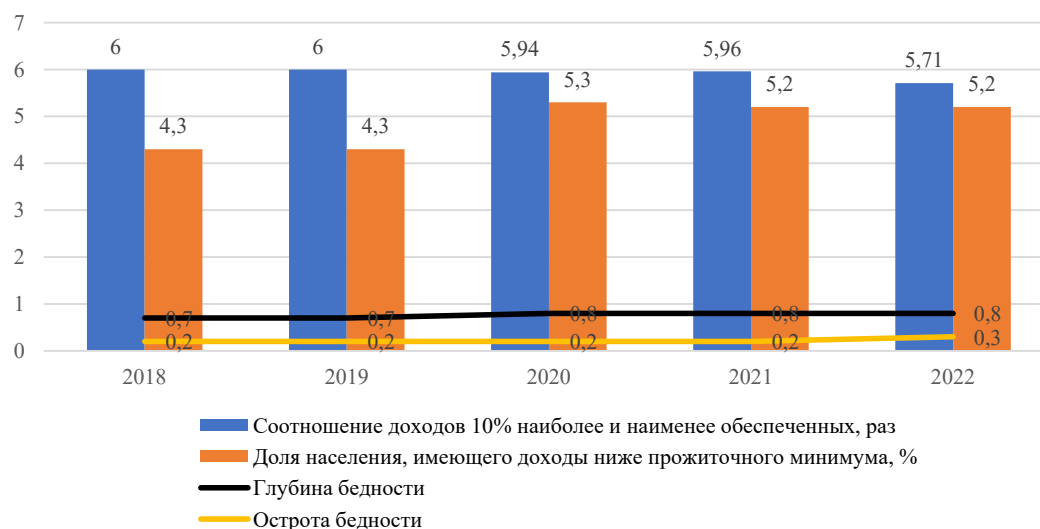

Рисунок 4 – Динамика показателей, характеризующих уровень жизни населения в Казахстане за период с 2018 по 2022 год

Примечание – составлено авторами на основе источника [35]

Не случайно Президент Республики Казахстан К. Токаев, выступая с речью в Республиканском общественном штабе в октябре 2022 года, поставил задачу демонополизации казахстанской экономики, поскольку именно олигополии, по его мнению, «...породили огромное социальное неравенство и системные проблемы в экономике» [36].

Казахстан в настоящее время взял курс на предоставление всем слоям населения равных возможностей и повышение на этой основе благосостояния населения, тем самым подтвердив свою приверженность принципам инклюзивного развития экономики.

Третье условие. Как уже было отмечено выше, одной из важных предпосылок развития ЭСП является развитие информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). В международной практике уровень такого развития принято оценивать с помощью соответствующего индекса – ICT Development Index (IDI). IDI – это комплексный показатель, интегрирующий в себе характеристики доступа к ИКТ (ICT Access), масштабов и навыков использования ИКТ населением (ICT Use и ICT Skills).

На протяжении 2015, 2016, 2017 годов по уровню ICT Development Index Казахстан занимал 52 место [37]. Государственной программой «Цифровой Казахстан», утвержденной Постановлением Правительства Республики Казахстан от 12 декабря 2017 года № 827 было предусмотрено, что страна в рейтинге по индексу ICT Development Index достигнет 30-го места в 2022 году, 25 места в 2025 году и 15-го места к 2050 году [38].

Отследить уровень показателя ICT Development Index в динамике за 2018-2022 гг. не представляется возможным. Это связано с тем, что в конце 2018 года действующая под эгидой ООН международная организация МСЭ (Международный союз электросвязи, англ. *International Telecommunication Union, ITU*), определяющая мировые стандарты и рекомендации в области ИКТ, приняла решение отложить публикацию пересмотренного индекса IDI из-за проблем с достоверностью и качеством его формирования. Напомним, что пересмотру подвергся комплекс показателей, участвующих в формировании данного индекса. Не возобновилась публикация индекса IDI и в последующие годы.

В сложившихся обстоятельствах представляется целесообразным оценивать уровень цифровизации в Республике Казахстан с помощью индекса сетевой готовности – Network Readiness Index. По уровню данного показателя Казахстан находится стабильно на 52-58 местах. На графике (Рисунок 5) представлена динамика данного индекса за последние 8 лет с 2015 по 2022 годы.

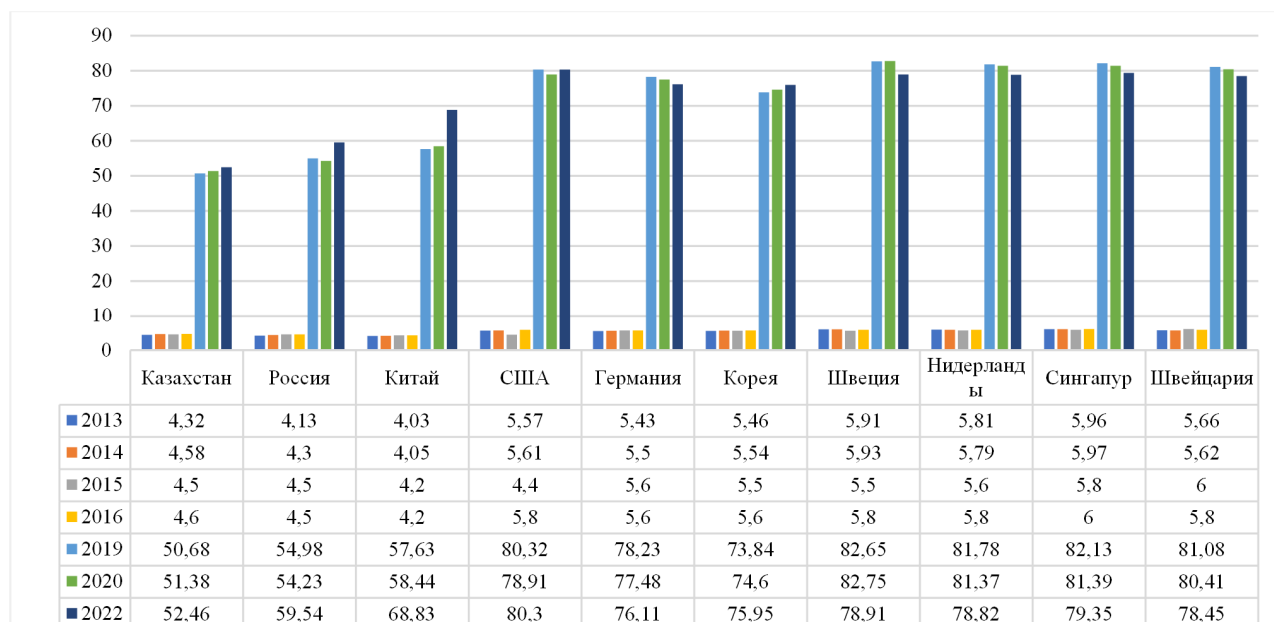

Рисунок 5 – Динамика Network Readiness Index за период с 2013 по 2022 год

Примечание – составлено авторами на основе источников [39; 40; 41; 42; 43; 44]

По графику видно, что наблюдается постепенный рост значений индекса NRI в Казахстане. При этом график как бы разбит по периодам: одна его часть охватывает период с 2013 по 2016 г., вторая – с 2019 по 2022 г. Это связано со сменой методики исчисления NRI и перерывом в его определении в 2017 г. и 2018 г.

За период с 2019 по 2022 год темпы прироста индекса составили 3,5 %. Но этого оказалось недостаточным, чтобы Казахстан усилил свои позиции в рейтинге по данному индексу. Напротив, если в 2013 году он находился на 43-ем месте, то в 2022 году – на 58-ом (Рисунок 6).

Для сравнения на рисунке 6 рассмотрено изменение рейтингов России и Китая, имевших худшие по сравнению с Казахстаном стартовые позиции. Россия переместилась с 54 места в 2013 году на 40 место в 2022 году, т.е. на 14 позиций вверх, Китай – с 58-го на 23-е место, т.е. на рекордных 35 мест. Это явилось результатом роста индекса NRI более высокими темпами, чем в Казахстане: за период с 2019 по 2022 год в России темп прироста составил 8,3 %, в Китае – 19,43 %, в Казахстане – 3,5 %.

На рисунке 6 также представлены сведения о динамике NRI в странах, входивших в первую пятерку в последние годы. По данным на конец 2022 года к ним, в частности, относились: США (1 место), Сингапур (2), Швеция (3), Нидерланды (4), Швейцария (5). Логичным будет предположить, что именно в этих странах, где высок уровень развития ИКТ и цифровизации, накоплен наибольший опыт развития ЭСП. Именно эти страны, в связи с этим, представляют наибольший интерес для изучения их опыта с целью его имплементации в практику Казахстана.

Индекс NRI многосоставной, в его формировании участвуют более 60 показателей, сгруппированных по разделам: технологический компонент, компонент «Люди», компонент управления, компонент воздействия на окружающую среду.

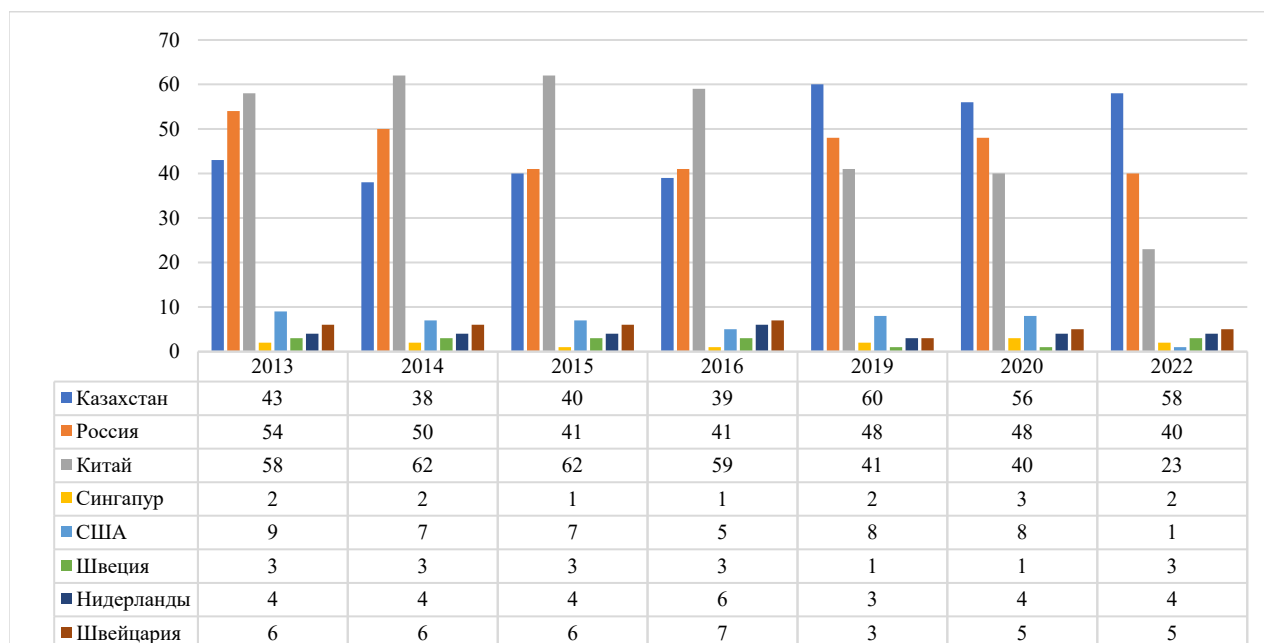

Рисунок 6 – Динамика мест стран в рейтинге NRI
Примечание – составлено авторами на основе источника [39; 40; 41; 42; 43; 44]

Низкий рейтинг Казахстана по данному индексу обусловлен, в первую очередь, слабыми позициями страны по технологическому компоненту. Анализ рейтинга республики NRI за 2023 год по данным Portulans Institute (Вашингтон) [44] в разрезе формирующих этот индекс отдельных показателей позволяет выявить наиболее уязвимые позиции Казахстана в достижении приемлемого уровня сетевой готовности. К ним, в частности, относятся:

- недостаточный охват населения мобильной сетью (начиная с уровня 3G) – 76 место в рейтинге NRI;
- высокие цены на телефоны – 81 место;
- малочисленность научных публикаций в области искусственного интеллекта – 80 место;
- навыки использования ИКТ в системе образования – 103 место;
- слабое внедрение новейших технологий – 85 место;
- недостаточный объем инвестиций в новейшие технологии – 75 место;
- недостаточная плотность роботов;
- недостаточные расходы на компьютерное программное обеспечение и НИОКР – 122 место;
- экспорт услуг ИКТ – 111 место;
- слабая нормативно-правовая база в области ИКТ – 129 место;
- защита конфиденциальности в соответствии с законом – 121 место;
- ожидаемая продолжительность здоровой жизни при рождении – 75 место;
- недостаточный вклад в достижение ряда ЦУР – 88 место (ЦУР 4: Качественное образование – 61 место; ЦУР 5: Экономические возможности женщин – 99 место; ЦУР 7: Доступная и чистая энергия – 114 место) и ряд других факторов. Эта часть рейтинга однозначно свидетельствует о выполнении далеко не в полном объеме заявленного нами ранее **четвертого условия** успешного развития ЭСП в Республике Казахстан, заключающегося в приверженности экологически ориентированной части общества целям устойчивого развития и принципам ESG, осознание индивидами ответственности за результаты своей деятельности перед будущими поколениями.

Результаты детального анализа рейтинга NRI и выявленные, в связи с этим, проблемы Казахстана в области реализации Программы «Цифровой Казахстан» станут предметом рассмотрения в последующих публикациях авторов данной статьи. Но уже сейчас на стадии предварительного обсуждения становится понятным, что главным фактором, сдерживающим развитие экономики совместного потребления в Казахстане, является технологическая составляющая процесса цифровой трансформации экономики. По мере того, как будут сниматься перечисленные выше проблемы, будет укрепляться и база для развития шеринг-экономики в республике с последующей интенсификацией и ускорением данного процесса. Это, несомненно, будет способствовать решению стоящих перед Казахстаном социальных, экологических и экономических задач на пути его устойчивого развития.

ПОЛУЧЕННЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ (ВЫВОДЫ)

Подведем некоторые итоги по результатам проведенного исследования по оценке наличия в Республике Казахстан необходимых условий и факторов для дальнейшего развития экономики совместного потребления.

В ходе исследования на основе критического осмысления большого количества научных публикаций были обозначены основные условия ускоренного развития шеринг-экономики, к числу которых относятся: рост популяции населения, выход экономики на новый технологический уровень, подкрепляемый высоким уровнем цифровизации, приверженность общества целям устойчивого развития и принципам ESG, усиление тенденции социальной стратификации общества по индикатору уровня доходов. Авторы статьи поставили перед собой задачу исследовать как складываются перечисленные выше предпосылки в Казахстане? Для ответа на этот вопрос был проведен трендовый анализ показателей, прямо или опосредованно характеризующих степень готовности экономики Казахстана к ускоренному росту сектора совместного потребления. В качестве информационной базы выступили показатели демографической статистики, такие как численность населения Казахстана, ожидаемая продолжительность жизни, удельный вес городского населения. Анализу подверглись и показатели, характеризующие уровень благосостояния населения Республики Казахстан, такие как ВВП на душу населения и средняя зарплата одного работника. В анализе были использованы официальные данные Бюро национальной статистики и ИАС «Талдау» АСПР Республики Казахстан. Для оценки уровня неравенства доходов, являющегося фактором, провоцирующим развитие ЭСП, был привлечен широко применяемый в мировой практике коэффициент Джини. Этот показатель в Казахстане по данным поисковой системы UNdata, созданной Статистическим отделом ООН [26], составляет 27,8 %, т.е. находится на среднем уровне. Вместе с тем, было установлено, что в Казахстане доходы 10 % наиболее обеспеченных граждан в 2022 году превышали доходы 10 % наименее обеспеченных граждан в 5,71 раза, что является проявлением имеющего место в республике социального неравенства. При этом разрыв в доходах поддерживается на стабильно высоком уровне на протяжении последних 5 лет.

В качестве фактора, обеспечивающего ускоренное развитие ЭСП, был исследован процесс цифровизации в республике. Критерием оценки при этом был выбран индекс сетевой готовности NRI. Было выявлено, что проблемным моментом цифровизации стало технологическое отставание Казахстана в этой сфере от экономически развитых стран. На основании этого был сделан вывод о том, что определяющим фактором, сдерживающим развитие экономики совместного потребления в Казахстане, является недостаточное технологическое обеспечение процесса цифровой трансформации экономики, выражающееся в недостаточном охвате населения мобильной связью, недостаточным инвестированием и внедрением новейших технологий и т.п. Представляется, что решение этих проблем придаст новый импульс развитию шеринг-экономики в республике, создаст основу для интенсификации и ускорения данного процесса. А это, в свою очередь, будет способствовать решению стоящих перед республикой задач по реализации целей устойчивого развития на принципах инклюзивности, социальной солидарности и экологичности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Авдокушин Е. Ф., Кузнецова Е. Г. Экономика совместного потребления: сущность и некоторые тенденции развития // Экономический журнал. – 2019. – № 1. – С. 6-17.
2. Цели в области устойчивого развития [Электронный ресурс] // Сайт ООН [web-портал]. – 2023. – URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-consumption-production/> (Дата обращения: 10.11.2023).
3. Устойчивое развитие и инклюзивный рост [Электронный ресурс] // Сайт Евразийской экономической комиссии [web-портал]. – 2023. – URL: https://eec.eaeunion.org/comission/departement/dep_makroes_pol/sustainable_and_inclusive.php (Дата обращения: 10.11.2023).
4. Чернов А.В., Чернова В.А. Актуальные вопросы развития экономики шеринга // Инновации и инвестиции. – 2020. – № 12. – С. 40-45.
5. Чуланова О. Л., Шитт О. В. Тенденции влияния экономики совместного потребления и джоб-шеринга на социальные процессы и рынок труда // Журнал социологических исследований. – 2022. – № 1 (7). – С. 6-16.
6. Изюмова О. Н. Проблемы повышения деловой активности субъектов малого и среднего бизнеса в условиях нестабильности экономической ситуации: региональный аспект // Проблемы экономики и менеджмента. – 2015. – № 11(51). – С. 41-43.
7. Писарева Л. Ю., Ким А. А. Совместное потребление как тренд современной экономики. – Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. – 2021. – № 3(55). – С. 189-200.
8. Тропина Ж. Н. Развитие экономики совместного потребления. – Вестник ИАЭУ, 2019. – № 24. – Статья 16.
9. Тагаров Б. Ж. Специфика экономики совместного потребления и условия ее развития // Всероссийский экономический журнал ЭКО. – 2019. – № 7(541). – С. 140-155. – DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-7-140-155.
10. Абсалямов Т. Б. Экономика совместного потребления в рамках концепции устойчивого развития // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук. – Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2021. – 27 с.
11. Гладкая Н. Будущее за глаголом «делись» [Электронный ресурс] // Новый бизнес [web-портал]. – 2020. – URL: <https://nb-forum.ru/useful/budushee-za-glagolom-delis> (Дата обращения: 01.12.2023).
12. Тенденции экономики совместного потребления в мире в 2023 г.: статистика и будущее sharing economy [Электронный ресурс] // Бизнес-журнал В-MAG [web-портал]. – 2023. – URL: <https://b-mag.ru/tendencii-jekonomiki-sovmestnogo-potreblenija-v-mire-v-2023-g-statistika-i-budushhee-sharing-economy/> (Дата обращения: 10.12.2023).
13. Slee T. The secret libertarianism of Uber & Airbnb [Электронный ресурс] // SALON [web-портал]. – 2023. – URL: https://www.salon.com/2014/01/28/the_big_business_behind_the_sharing_economy_partner/ (Дата обращения: 11.10.2023).
14. John N. The social logics of sharing [Электронный ресурс] // Communication Review. – 2013. – № 16. – P. 113-131. – DOI: 10.1080/10714421.2013.80711917.
15. Пряжникова О. Н. Экономика совместного потребления в ЕС: основные проблемы развития (Обзор) // Экономические и социальные проблемы России. – 2020. – № 4. – С. 121-131. – DOI: 10.31249/espr/2020.04.08.
16. Валько Д. В. Развитие экономики совместного использования и ее влияние на экономический рост // Журнал экономической теории. – 2021. – № 1(18). – С. 56-68. – DOI: 10.31063/2073-6517/2021.18-1.4.
17. Стрижакова Е. Н., Стрижаков Д. В. От экономического роста к устойчивому развитию: этапы трансформации концепции // Вестник Сургутского государственного университета. – 2021. – № 2. – С. 58-67. – DOI: 10.34822/2312-3419-2021-2-58-67.

18. Шехов И. А. Экономика совместного потребления в условиях цифровизации // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2023. – № 4(142). – С. 192-196.
19. PWC. Sharing or paring? Growth of the sharing economy. / edited by A. Osztovits, B. Nagy, A. Kőszegi, B. Damjanovics. – 2020. – 32 p.
20. Shared Economy: WeWork, Uber, Airbnb and Lyft [Электронный ресурс] // BCC Research [web-портал]. – 2022. – URL: (Дата обращения: 10.11.2023).
21. Экономика шеринга [Электронный ресурс] // Kaspersky [web-портал]. -2023. – URL: <http://kaspersky.vedomosti.ru/zhizn/economy> (Дата обращения: 25.10.2023).
22. Экономика совместного пользования (ЭСП) в России 2020. Испытание на прочность [Электронный ресурс] // Ассоциация электронных коммуникаций (РАЭК) [web-портал]. – 2020. – URL: <https://raec.ru/activity/analytics/9845/> (Дата обращения 25.10.2023).
23. Li T. How the Sharing Economy Will Shape National Digital Transformation // Huawei eBlog. – 2020. – URL: e.huawei.com/ru/eblog/industries/insights/2020/the-sharing-economy-digitaltransformation (Дата обращения 25.11.2023).
24. Sharing is caring: как развивается осознанное потребление в Казахстане [Электронный ресурс] // Bluescreen [web-портал]. – 2023. – URL: <https://bluescreen.kz/sharing-is-caring-kak-razvivaietsia-osoznannoie-potrieblenie-v-kazakhstanie/> (Дата обращения 25.10.2023).
25. В ООН рассказали, когда население Земли достигнет 8 млрд человек [Электронный ресурс] // РБК [web-портал]. – 2022. – URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/62cc7b4d9a794762a83e17bc?> (Дата обращения 25.10.2023).
26. European commission. The use of collaborative platforms: Report. Eurobarometer. – 2018. – 118 p.
27. Салтанова С. В. Миллениалов назвали главными двигателями шеринг-экономики [Электронный ресурс] // НИУ ВШЭ [web-портал]. – 2020. – URL: <https://iq.hse.ru/news/374752505.html> (Дата обращения: 24.11.2023).
28. Адактилос А. Д., Чаус М. С., Молдован А.А. Шеринговая экономика // Economics.– 2023. – № 1(52). – С. 95-100.
29. Мусабеева Ж. Когда население Казахстана достигнет 21 млн. человек, рассказали статистики [Электронный ресурс] // Internet portal NUR [web-портал]. – 2023. – URL: <https://www.nur.kz/society/2046169-kogda-naselenie-kazahstana-dostignet-21-mln-chelovek-rasskazali-statistiki/> (Дата обращения 26.11.2023).
30. Статистика [Электронный ресурс] // Бюро национальной статистики агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан [web-портал]. – 2023. – URL: <https://stat.gov.kz/ru/> (Дата обращения 10.12.2023).
31. Разделы статистики [Электронный ресурс] // Талдау. Информационно-аналитическая система Бюро Национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан [web-портал]. – 2023. – URL: <https://stat.gov.kz/ru/industries/social-statistics/demography/> (Дата обращения 26.11.2023).
32. United Nations Population Division [Электронный ресурс] // Сайт TheGlobalEconomy.com [web-портал]. – 2023. – URL: https://ru.theglobaleconomy.com/rankings/Percent_urban_population/Europe/ (Дата обращения 26.11.2023).
33. Официальные курсы валют в среднем за период [Электронный ресурс] // Национальный банк Казахстана [web-портал]. – 2023. – URL: <https://www.nationalbank.kz/ru/news/oficialnye-kursy> (дата обращения 26.11.2023).
34. UNdata. A world of information [Электронный ресурс] // United Nations Statistics Division [web-портал]. – n.d. – URL: <https://data.un.org/> (Дата обращения 26.11.2023).
35. Уровень жизни населения в Казахстане 2018-2022. Статистический сборник. – Астана, 2023. – 125 с.

36. Токаев: Олигополии в Казахстане породили огромное социальное неравенство [Электронный ресурс] // NUR.kz [web-портал]. – 2022. – URL: <https://www.nur.kz/politics/kazakhstan/1994371-tokaev-oligopolii-v-kazahstane-porodili-ogromnoe-sotsialnoe-neravenstvo/> (Дата обращения 26.11.2023).
37. Захаров И. Рейтинг стран по уровню развития информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) [Электронный ресурс] // BASETOP [web-портал]. – 2019. – URL: <https://basetop.ru/rejting-stran-po-urovnyu-informatsionnyih-tehnologiy-2/> (Дата обращения 26.11.2023).
38. Об утверждении Государственной программы «Цифровой Казахстан» Постановление Правительства Республики Казахстан от 12 декабря 2017 года № 827 [Электронный ресурс] // GOV.KZ [web-портал]. – 2017. – URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/kostanai-sarykol-audany-akimat/documents/details/201926?lang=ru> (дата обращения 25.10.2023).
39. Dutta S., Bilbao-Osorio B. The global information technology report 2014 –rewards and risks of big data // INSEAD and World Economic Forum. – 2014. – P. 35-93.
40. Dutta S., Geiger T., Lanvin B. The global information technology report 2015 // World economic forum. – 2015. – T. 1. – №. 1. – P. 80-85.
41. Baller S., Di Battista A., Dutta S., Lanvin B. The networked readiness index 2016 // The global information technology report. Chapter 1.1. – 2016. – P. 3-31.
42. Dutta S., Lanvin B. The network readiness index 2019. – Washington: Portulans Institute, 2019. – 308 p.
43. Dutta S., Lanvin B. The network readiness index 2020: Accelerating digital transformation in a post-COVID global economy. – Portulans Institute, WITSA: Washington, DC, USA, 2020. – 317 p.
44. Dutta S., Lanvin B. Trust in a Network Society: A crisis of the digital age? Network Readiness Index 2023. – Portulans Institute, 2023. – 283 p.

REFERENCES

1. Avdokushin, E. F., & Kuznecova, E. G. (2019). *Ekonomika sovместnogo potrebleniya: sushchnost' i nekotorye tendencii razvitiya*. *Ekonomicheskij zhurnal*, (1), 6-17.
2. United Nations. (2023). *Celi v oblasti ustojchivogo razvitiya*. UN Official website. Retrieved November 10, 2023, from <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-consumption-production/>.
3. Eurasian Economic Commission. (2023). *Ustojchivoe razvitie i inklyuzivnyj rost*. Official website of the Eurasian Economic Commission. Retrieved November 10, 2023, from https://eec.eaeunion.org/comission/departament/dep_makroec_pol/sustainable_and_inclusive.php.
4. Chernov, A. V., & Chernova, V. A. (2020). Aktual'nye voprosy razvitiya ekonomiki sheringa. *Innovacii i investicii*, (12), 40-45.
5. Chulanova, O. L., & Shitt, O. V. (2022). Tendencii vliyaniya ekonomiki sovместnogo potrebleniya i dzhob-sheringa na social'nye processy i rynek truda. *Zhurnal sociologicheskikh issledovaniy*, 1(7), 6-16.
6. Izyumova, O. N. (2015). Problemy povysheniya delovoj aktivnosti sub"ektov malogo i srednego biznesa v usloviyah nestabil'nosti ekonomicheskoy situacii: regional'nyj aspekt. *Problemy ekonomiki i menedzhmenta*, 11(51), 41-43.
7. Pisareva, L. Yu., & Kim, A. A. (2021). Sovместnoe potreblenie kak trend sovremennoj ekonomiki. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i upravlenie*, 3(55), 189-200.
8. Tropina, Zh. N. (2019). Razvitie ekonomiki sovместnogo potrebleniya. *Vestnik IAEU*, (24), Article 16.
9. Tagarov, B. Zh. (2019). Specifika ekonomiki sovместnogo potrebleniya i usloviya ee razvitiya. *Vserossijskij ekonomicheskij zhurnal EKO*, 7(541), 140-155. <https://doi.org/10.30680/ESO0131-7652-2019-7-140-155>
10. Absalyamov, T. B. (2021). *Ekonomika sovместnogo potrebleniya v ramkah koncepcii ustojchivogo razvitiya. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata ekonomicheskikh nauk*. Kazan': Kazanskij (Privolzhskij) federal'nyj universitet. 27 p.
11. Gladkaya, N. (2020). Budushchee za glagolom «delis'». *Novyj biznes*. Retrieved December 1, 2023, from <https://nb-forum.ru/useful/budushee-za-glagolom-delis/> (In Russian).

12. Tendencii ekonomiki sovmestnogo potrebleniya v mire v 2023 g.: statistika i budushchee sharing economy. (2023). *Biznes-zhurnal B-MAG*. Retrieved December 10, 2023, from <https://b-mag.ru/tendencii-jekonomiki-sovmestnogo-potrebleniya-v-mire-v-2023-g-statistika-i-budushhee-sharing-economy/> (In Russian).
13. Slee, T. (2023). The secret libertarianism of Uber & Airbnb. *SALON*. Retrieved October 11, 2023, from https://www.salon.com/2014/01/28/the_big_business_behind_the_sharing_economy_partner/.
14. John, N. (2013). The social logics of sharing. *Communication Review*, 16, 113-131. <https://doi.org/10.1080/10714421.2013.807119>
15. Pryazhnikova, O. N. (2020). *Ekonomika sovmestnogo potrebleniya v ES: osnovnye problemy razvitiya (Obzor)*. *Ekonomicheskie i social'nye problemy Rossii*, 4, 121-131. <https://doi.org/10.31249/espr/2020.04.08>
16. Val'ko, D. V. (2021). Razvitie ekonomiki sovmestnogo ispol'zovaniya i ee vliyanie na ekonomicheskij rost. *Zhurnal ekonomicheskoy teorii*, 1(18), 56-68. <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2021.18-1.4>
17. Strizhakova, E. N., & Strizhakov, D. V. (2021). Ot ekonomicheskogo rosta k ustojchivomu razvitiyu: etapy transformacii koncepcii. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo universiteta*, (2), 58-67. <https://doi.org/10.34822/2312-3419-2021-2-58-67>
18. Shekhov, I. A. (2023). *Ekonomika sovmestnogo potrebleniya v usloviyah cifrovizacii*. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*, 4(142), 192-196.
19. Osztoivits, A., Nagy, B., Kőszegi, A., & Damjanovics, B. (Eds.) (2020). *Sharing or paring? Growth of the sharing economy*. PWC, 32 p.
20. Shared Economy: WeWork, Uber, Airbnb and Lyft. (2022). BCC Research. Retrieved November 10, 2023, from <https://www.bccresearch.com/market-research/finance/shared-economy-wework-uber-airbandb-lyft-market.html>.
21. *Ekonomika sheringa*. (2023). Kaspersky. Retrieved October 25, 2023, from <http://kaspersky.vedomosti.ru/zhizn/economy> (In Russian).
22. *Ekonomika sovmestnogo pol'zovaniya (ESP) v Rossii 2020. Ispytanie na prochnost'*. (2020). *Associaciya elektronnyh kommunikacij (RAEK)*. Retrieved October 25, 2023, from <https://raec.ru/activity/analytics/9845/> (In Russian).
23. Li, T. (2020). *How the Sharing Economy Will Shape National Digital Transformation*. Huawei eBlog. Retrieved November 25, 2023, from e.huawei.com/ru/eblog/industries/insights/2020/the-sharing-economy-digitaltransformation.
24. *Sharing is caring: kak razvivaetsya osoznannoe potreblenie v Kazahstane*. (2023). Bluescreen. Retrieved October 25, 2023, from <https://bluescreen.kz/sharing-is-caring-kak-razvivaetsia-osoznannoe-potriebleniie-v-kazahstanie/> (In Russian).
25. *V OON rasskazali, kogda naselenie Zemli dostignet 8 mlrd chelovek*. (2022). RBK. Retrieved October 25, 2023, from <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/62cc7b4d9a794762a83e17bc?> (In Russian).
26. European Commission. (2018). *The use of collaborative platforms: Report*. Eurobarometer, 118 p.
27. Saltanova, S. V. (2020). *Millenialov nazvali glavnymi dvigatelyami shering-ekonomiki*. NIU VSHE. Retrieved November 24, 2023, from <https://iq.hse.ru/news/374752505.html> (In Russian).
28. Adaktilos, A. D., Chaus, M. S., & Moldovan, A. A. (2023). *Sheringovaya ekonomika*. *Economics*, 1(52), 95-100.
29. Musabaeva, Zh. (2023). *Kogda naselenie Kazahstana dostignet 21 mln. chelovek, rasskazali statistiki*. Internet portal NUR. Retrieved November 26, 2023, from <https://www.nur.kz/society/2046169-kogda-naselenie-kazahstana-dostignet-21-mln-chelovek-rasskazali-statistiki/> (In Russian).
30. Statistics. (2023). *Bureau of National Statistics Agency for Strategic Planning and Reforms of the Republic of Kazakhstan*. Retrieved October 10, 2023, from <https://stat.gov.kz/ru/> (In Russian).
31. Statistics Sections (2023). *Bureau of National Statistics Agency for Strategic Planning and Reforms of the Republic of Kazakhstan*. Tal dau. Retrieved November 26, 2023, from <https://stat.gov.kz/ru/industries/social-statistics/demography/> (Data obrashcheniya: 26.11.2023).

32. United Nations Population Division. (2023). A world of information. UNdata. Retrieved November 26, 2023, from <https://data.un.org/>.
33. Oficial'nye kursy valyut v srednem za period. (2023). Website of the National bank of Kazakhstan. Retrieved November 26, 2023, from <https://www.nationalbank.kz/ru/news/oficialnye-kursy> (In Russian)
34. Uroven' zhizni naseleniya v Kazahstane 2018-2022. Statisticheskij sbornik. Bureau of National Statistics Agency for Strategic Planning and Reforms of the Republic of Kazakhstan. Astana, 2023. 125 p.
35. Tokaev: Oligopolii v Kazahstane porodili ogromnoe social'noe neravenstvo. (2022). NUR.kz. Retrieved November 26, 2023, from <https://www.nur.kz/politics/kazakhstan/1994371-tokaev-oligopolii-v-kazahstane-porodili-ogromnoe-sotsialnoe-neravenstvo/> (In Russian).
36. Zaharov, I. (2019). Rejting stran po urovnyu razvitiya informacionno-kommunikacionnyh tekhnologij (IKT). BASETOP. Retrieved November 26, 2023, from <https://basetop.ru/rejting-stran-po-urovnyu-informatsionnyih-tehnologiy-2/> (In Russian).
37. Ob utverzhdenii Gosudarstvennoj programmy «Cifrovoj Kazahstan» Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Kazahstan ot 12 dekabrya 2017 goda № 827. (2017). Government of Kazakhstan. GOV.KZ. Retrieved October 25, 2023, from <https://www.gov.kz/memleket/entities/kostanai-sarykol-audany-akimat/documents/details/201926?lang=ru> (In Russian).
38. Dutta, S., & Bilbao-Osorio, B. (2014). The global information technology report 2014 – rewards and risks of big data. INSEAD and World Economic Forum, 35-93.
39. Dutta, S., Geiger, T., & Lanvin, B. (2015). The global information technology report 2015. World economic forum, 1(1), 80-85.
40. Baller, S., Di Battista, A., Dutta, S., & Lanvin, B. (2016). The networked readiness index 2016. The global information technology report. Chapter 1.1., 3-31.
41. Dutta, S., & Lanvin, B. (2019). The network readiness index 2019. Washington: Portulans Institute. 308 p.
42. Dutta, S., & Lanvin, B. (2020). The network readiness index 2020: Accelerating digital transformation in a post-COVID global economy. Washington, DC, USA: Portulans Institute, WITSA. 317 p.
43. Dutta, S., & Lanvin, B. (2023). Trust in a Network Society: A crisis of the digital age? Network Readiness Index 2023. Portulans Institute. 283 p.

SHARING ECONOMY IN KAZAKHSTAN: CONDITIONS AND FACTORS OF DEVELOPMENT

O. V. Kuur¹, Ye. V. Varavin^{1*}, M. V. Kozlova¹

¹D. Serikbayev East Kazakhstan Technical University,
Ust-Kamenogorsk, Republic of Kazakhstan

ABSTRACT

Purpose of the research is to identify the conditions and factors of the development of the economy of shared consumption in Kazakhstan, based on the analysis of current trends in the development of the republic in the socio-economic, demographic and information technology spheres.

The methodology is based on the use of general scientific methods, including general logical (analysis, synthesis, analogy) and theoretical (hypothetical, abstraction, generalization) methods. The study was based on the hypothesis that the development of the economy of shared consumption in the republic follows in line with global trends and is subject to the same patterns of development that take place in economically developed countries.

Originality / value of the research. For the first time, the work focuses on the analysis of conditions for the development of the economy of shared consumption in the Republic of Kazakhstan, linking them with trends in a wide range of demographic, socio-economic and information technology indicators. This contributes to

a more objective assessment of the country's readiness for the development of the sharing economy. Special attention was paid to the technological component, including the analysis of the NRI network readiness index. This made it possible to identify and evaluate the technological challenges for the introduction of information and communication technologies facing Kazakhstan in the context of the development of the economy of shared consumption.

Findings. The article presents the results of an analysis of the dynamics of indicators characterizing the prerequisites for expanding the sharing economy in Kazakhstan. The authors highlight indicators such as population size, life expectancy, level of urbanization, GDP per capita and network readiness index (NRI). The analysis also covers the level of stratification of society by income. The level of stratification of society based on the volume and nature of income of the population of Kazakhstan was also analyzed. The findings indicate the existence of conditions for the accelerated development of the sharing economy in Kazakhstan, but there are weak positions in the technological support of digitalization, which requires eliminating the identified deficiencies.

Keywords: sharing economy, sharing economy, inclusive economy, sustainable development goals, digitalization of the economy, NRI network readiness coefficient

Acknowledgements: This research has been funded by the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (Grant No. AP19676547 – Introduction of the sharing economy principles in the economic system of Kazakhstan for the implementation of the national concept of sustainable development).

ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ БІРЛЕСКЕН ТҰТЫНУ ЭКОНОМИКАСЫ: ДАМУ ШАРТТАРЫ МЕН ФАКТОРЛАРЫ АҢДАТПА

О. В. Куур¹, Е. В. Варавин^{1*}, М. В. Козлова¹

¹Д. Серікбаев атындағы Шығыс Қазақстан техникалық университеті,
Өскемен, Қазақстан Республикасы

АҢДАТПА

Зерттеу мақсаты. Республиканың әлеуметтік-экономикалық, демографиялық және ақпараттық-технологиялық салалардағы қазіргі даму тенденцияларын талдау негізінде Қазақстанда бірлесіп тұтыну экономикасын дамытудың шарттары мен факторларын анықтау.

Әдіснамасы. Зерттеу әдістемесі жалпы ғылыми әдістерді, соның ішінде жалпы ғылыми әдістерді қолдануға негізделген (талдау, синтез, аналогия) және теориялық (гипотетикалық, абстракция, жалпылау) әдістері. Зерттеу республикада бірлескен тұтыну экономикасының дамуы жалпы әлемдік тенденцияларға сәйкес келеді және экономикалық дамыған елдерде орын алатын даму заңдылықтарына бағынады деген гипотезаға негізделген.

Зерттеудің бірегейлігі /құндылығы. Жұмыс алғаш рет Қазақстан Республикасында бірлескен тұтыну экономикасының даму жағдайларын талдауға, оларды демографиялық, әлеуметтік-экономикалық және ақпараттық-технологиялық көрсеткіштердің кең спектрінің өзгеру тенденцияларымен байланыстыруға бағытталған. Бұл елдің шерингтік экономиканы дамытуға дайындық дәрежесін объективті бағалауға ықпал етеді. Бұл ретте NRI желілік дайындық индексі талдауды қоса алғанда, технологиялық құрамдас бөлікке ерекше назар аударылды. Бұл бірлескен тұтыну экономикасын дамыту контекстінде Қазақстан алдында тұрған ақпараттық-коммуникациялық технологияларды енгізу бойынша технологиялық сын-тегеуріндерді бөліп көрсетуге және бағалауға мүмкіндік берді.

Зерттеу нәтижелері. Мақалада Қазақстандағы ортақ экономиканы кеңейтудің алғышарттарын сипаттайтын көрсеткіштер динамикасын талдау нәтижелері берілген. Авторлар халықтың саны, күтілетін өмір сүру ұзақтығы, урбанизация деңгейі, жан басына шаққандағы ЖІӨ және желіге дайындық индексі (NRI) сияқты көрсеткіштерді атап көрсетеді. Талдау қоғамның табыстары бойынша стратификация деңгейін де қамтиды. Сондай-ақ Қазақстан халқының табысының көлемі мен сипаты бойынша қоғамның стратификация деңгейі де талданды. Қорытынды Қазақстанда ортақ экономиканы жедел дамыту үшін жағдайлардың бар екенін көрсетеді, бірақ цифрландыруды технологиялық қамтамасыз етуде әлсіз позициялар бар, бұл анықталған кемшіліктерді жоюды талап етеді.

Түйін сөздер: бірлескен тұтыну экономикасы, шерингтік экономика, инклюзивті экономика, тұрақты даму мақсаттары, экономиканы цифрландыру, NRI желілік дайындық коэффициенті.

Алғыс: Зерттеу Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігі Ғылым комитетінің AP19676547 – «Тұрақты дамудың ұлттық тұжырымдамасын іске асыру үшін Қазақстанның экономикалық жүйесіне бірлескен тұтыну экономикасы қағидаттарын енгізу» гранттық жобасы шеңберінде дайындалды және қаржыландырылды.

ОБ АВТОРАХ

Куур Ольга Вячеславовна – кандидат экономических наук, доцент, Восточно-Казахстанский технический университет имени Д. Серикбаева, Усть-Каменогорск, Республика Казахстан, e-mail: ovk_pal@mail.ru, ORCID: 0000-0002-1663-1902

Варавин Евгений Владимирович – кандидат экономических наук, ассоциированный профессор, Восточно-Казахстанский технический университет имени Д. Серикбаева, Усть-Каменогорск, Республика Казахстан, e-mail: vev1974@mail.ru, ORCID: 0000-0002-7257-9213*

Козлова Марина Васильевна – кандидат экономических наук, ассоциированный профессор, Восточно-Казахстанский технический университет имени Д. Серикбаева, Усть-Каменогорск, Республика Казахстан, e-mail: Mara_koz@mail.ru, ORCID: 0000-0002-3381-4997.

МРНТИ 06.51.51

JEL Classification: F0

DOI: <https://doi.org/10.52821/2789-4401-2024-1-44-54>

ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КАЗАХСТАНА И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ЭНЕРГЕТИЧЕСКУЮ СТРАТЕГИЮ КИТАЯ

Ду Бинхан¹, Ж. Жұман¹, А. Т. Макулова^{2*}

¹Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алматы, Республика Казахстан

²Университет Нархоз, Алматы, Республика Казахстан

АННОТАЦИЯ

Цель исследования – анализ развития углеводородных и возобновляемых источников энергии в Казахстане и определение потенциала развития энергетики в Казахстане. Понять стратегии Казахстана и Китая по развитию энергетической политики и на основе сравнения определить направление будущего сотрудничества между двумя странами.

Методология – в научной работе использованы методы теоретического и сравнительного анализа. Использование теоретического анализа для изучения теоретической основы энергетической политики с целью более глубокого понимания ее актуальности и следствий. Метод сравнительного анализа помогает нам глубже понять сходства и различия в экологической инициативе «Зеленого моста» и «Зеленый шелковый путь», также узнать сложностей предмета исследования.

Оригинальность / ценность исследования – в рамках инициативы «Один пояс и один путь» энергетическое сотрудничество является очень важным элементом, и активное развитие устойчивого энергетического сотрудничества между Казахстаном и Китаем имеет позитивное значение и рекомендации для реализации энергетического перехода в обеих странах.

Результаты исследования – исследование нефтегазовой отрасли и развития возобновляемой энергетики в Казахстане показал, что в Казахстане существует большой потенциал для развития и политической поддержки как традиционной, так и возобновляемой энергетики. Для устойчивого энергетического сотрудничества требуется интеграция экологических инициатив обеих стран, установление открытых каналов информации и разработка энергетических проектов.

Ключевые слова: энергетическая политика, зеленый мост, развитие экономики, Казахстан, Китай.

ВВЕДЕНИЕ

Энергетические ресурсы играют важную роль в экономическом росте и развитии экономики. Потому что энергия используется в качестве сырья при производстве, распределении и потреблении почти всех товаров и услуг. В свою очередь, ускоряющийся экономический рост требует больше энергии в качестве движущей силы производства товаров и услуг.

Казахстан, расположенный в Центральной Азии, известен своими богатыми природными ресурсами, включая нефть, газ, уран и уголь. Казахстан демонстрирует устойчивый экономический рост с помощью развития энергетической промышленности. В 2022 году доля нефтегазового сектора и смежных отраслей в ВВП Казахстана составила 19.5 %, а экспорт нефти обеспечил основную часть экспортной выручки и стал одним из главных источников налоговых поступлений в бюджет.

Несмотря на доминирование нефтегазового сектора в Казахстане, правительство смогло сформировать свою политику в области возобновляемых источников энергии, принять соответствующие законы и нормативные акты и создать институциональную базу, демонстрируя явную попытку привести страну в соответствие с промышленно развитыми экономиками мира.

К возобновляемым источникам энергии относятся солнечная энергия, гидроэлектрическая энергия, энергия ветра, энергия биомассы, энергия волн, энергия приливов и отливов, энергия разности температур океана и геотермальная энергия. Они могут перерабатываться в природе без участия человека. По данным Министерства энергетики Республики Казахстан возобновляемые источники энергии в Казахстане оцениваются большой потенциал разработки [1].

В 2013 году Правительство Республики Казахстан, реагируя на переход мировой энергетики к экологически чистым и возобновляемым источникам, поставило задачу, согласно которой к 2050 году половина внутреннего электроснабжения Казахстана должна обеспечиваться за счет возобновляемых источников энергии, что также предполагает снижение выбросов CO₂ при производстве электроэнергии на 15 % к 2030 году и на 40 % к 2050 году [2].

Несмотря на значительный импорт Китая нефти и газа, споры об энергетической безопасности страны продолжаются. Большая часть этого обсуждения была сосредоточена на энергетической стратегии и необходимости использования энергетической структуры для укрепления международного энергетического сотрудничества.

Поэтому в процессе изучения китайского «Зеленого шелкового пути» и казахстанского «Зеленого моста» следует проанализировать ресурсы политики Казахстана и использовать их для активного углубления двустороннего сотрудничества в области ископаемых и возобновляемых источников энергии.

Обзор литературы. Изучению развития энергетической промышленности Казахстана посвящены работы многих ученых. Как эффективнее использовать энергию – одна из важнейших технологических точек мира в нынешнем столетии. Ученые Республики Казахстан Е. М. Упушев и Б. Б. Болатбек в своих исследованиях высказали предположение, что внедрение инновационных технологий и оборудования из развитых стран для развития отечественного энергетического комплекса может повысить темпы экономического развития [3]. Современное состояние и тенденции развития нефтегазовой отрасли, а также перспективы развития возобновляемых источников энергии в Казахстане рассмотрены в работах [4-5]. В трудах казахстанских ученых-экономистов проанализированы перспективы и риски развития возобновляемых источников энергии в Казахстане [6-7].

В работах китайских и иностранных ученых рассмотрены энергетические стратегии Китая и характеристики экологической инициативы «зеленого шелкового пути» [8-9].

Анализ энергетической политики Казахстана основан на политике по концепции перехода к зеленой экономике и поддержке использования возобновляемых источников энергии, которые опубликованы Правительством Республики Казахстана [10-12].

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

В 2022 году на долю нефти приходилось более 50 % внутреннего производства энергии в Казахстане, второе место по объему производства энергии занимал уголь (28 %), третье – природный газ (17 %).

В течение последних двух десятилетий общий объем производства энергии в Казахстане оставался стабильным, а общий профицит в 2,3 раза превышал объем поставок энергии, необходимый для удовлетворения внутренних потребностей. Таким образом, Казахстан является крупным нетто-экспортером ископаемого топлива, особенно нефти. Динамика производства основных источников энергии приведена в рисунке 1.

В общем объеме конечного потребления энергии наибольшая доля приходится на нефть – 31 %, уголь – 22 % и природный газ – около 15 %. Самой крупной группой по объему годового потребления является бытовое потребление – 33 % от общего конечного потребления энергии, за ним следует промышленное производство – 32 %. На долю транспортного сектора приходится 18 %, а остальная часть (16 %) приходится на сферу услуг и другие сектора.

Таблица 1 – Производство электроэнергии на типах топлива в Казахстане (тераватт – часы)

Типы топлива	2020	2021	2022
Нефть	0.1	0.1	0.1
Природный газ	27.3	32.9	23.7
Уголь	69.4	69.3	76.8
Гидроэнергетика	9.7	9.1	9.2
Другие возобновляемые энергии	2.3	3.0	4.2
Всего	108.6	114.4	114
Примечание – составлено авторами на основе источника [14]			

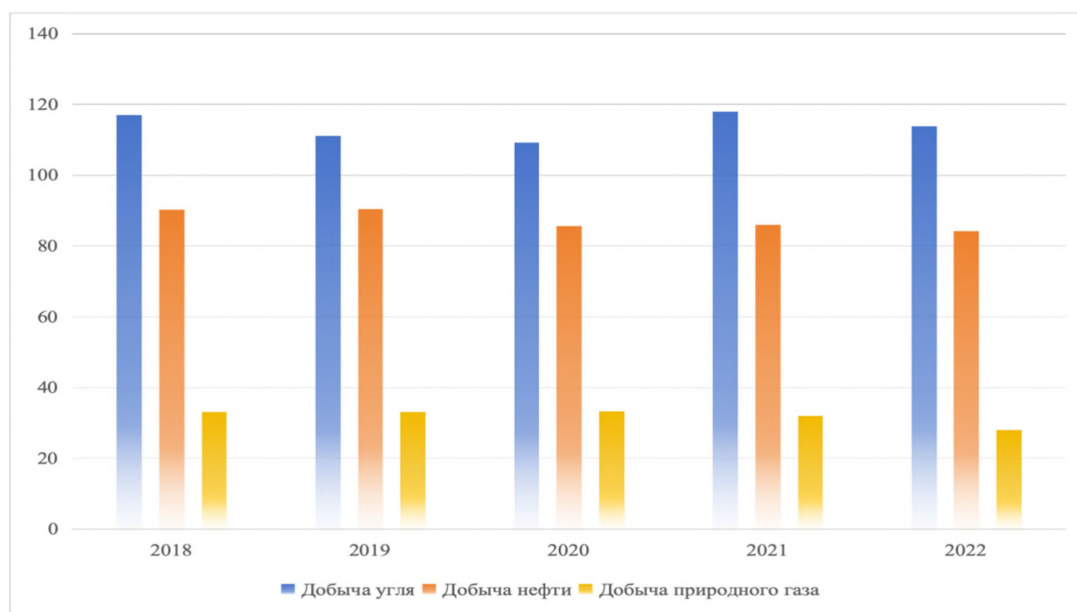

Рисунок 1 – Общее производство ископаемых энергоносителей в Казахстане (2018–2022 г.)

Примечание – составлено авторами на основе источника [13]

Суммарная установленная мощность всех электростанций Казахстана составляет 20 тысяч МВт. В 2021 году объём потребления электроэнергии достиг 113,9 млрд кВт-час. Из данных таблицы 2 видим, что в 2022 году Казахстан вырабатывал 114 млрд кВт-час электроэнергии. Около 76 % электроэнергии в Казахстане вырабатывается из угля, 24 % из природного газа и 9 % из гидроресурсов.

Казахстан является крупнейшим производителем и экспортером нефти в Центральной Азии, а также крупным производителем природного газа. Природный газ тесно связан с добычей нефти, причем около 30 % добываемого и собираемого газа закачивается в нефтяные месторождения для дополнения добычи нефти. В настоящее время в Казахстане насчитывается 172 нефтяных и 42 газоконденсатных месторождения с доказанными запасами нефти около 30 млрд. баррелей (4,4 млрд. т), что составляет 1,8 % от общих мировых доказанных запасов нефти. Объем добычи нефти в 2022 году составит 113,9 млн т, что при нынешних темпах добычи и производства, как ожидается, будет стабильным по крайней мере в течение следующих 30 лет.

Казахстан также является страной со значительными доказанными извлекаемыми запасами природного газа, с более чем 80 газодобывающими районами в стране и доказанными запасами около 1,3 трлн кубометров природного газа, большинство из которых представляют собой месторождения чистого природного газа, а остальные – конденсатные месторождения. Газовый потенциал каспийского шельфа еще больше – более 2 трлн кубометров. Добыча природного газа и сопутствующего нефтяного попутного газа в 2022 году составила 53,3 миллиарда кубометров, из которых 28 миллиарда кубометров было

добыто в виде товарного газа. В газовых запасах Казахстана преобладает попутный нефтяной газ, что означает, что газ будет добываться в основном на нефтяных месторождениях.

В добыче нефти и газа доминируют три международных проекта, которые начали свою деятельность в 1990-х годах. Нефтяное месторождение Кашаган, Тенгиз и Карачаганак являются тремя крупнейшими отечественными нефтяными месторождениями в Казахстане (Рисунок 2).

Месторождение Кашаган было открыто в 2000 году и состоит из четырех блоков: Кашаган, Карамкас, Актод и Кайлан. Месторождение расположено на северном побережье Каспийского моря. Разработка Кашаганского месторождения требует исключительно сложных технологий, учитывая климатические условия и вопросы безопасности. Извлекаемые запасы составляют 13 млрд баррелей, максимальный объем добычи в будущем ожидается на уровне 1,5 млн. баррелей в сутки. Кроме того, Кашаганское месторождение обладает значительными запасами природного газа.

Рисунок 2 – Расположение и производство основных нефтегазовых месторождений в Казахстане

Примечание – составлено авторами на основе источника [15]

Расположенное на северо-западе Казахстана и открытое в 1979 году месторождение Тянджиз имеет извлекаемые запасы сырой нефти около 25 млрд. баррелей и среднесуточный дебит 600 тыс. баррелей в сутки. Оператором месторождения является компания Tianjiz Chevron, акционерами которой являются Chevron (50 %), ExxonMobil (25 %), PetroKazakhstan (20 %) от имени правительства Казахстана и Лукойл (5 %).

Карачаганакское месторождение – одно из крупных нефтяных месторождений Казахстана, доказанные запасы которого составляют 1,2 млрд. тонн сырой нефти и 1,35 трлн. куб. м природного газа. КПО отвечает за разработку Карачаганакского месторождения в соответствии с соглашением о разделе продукции, подписанным в 1997 году, акционерами которого являются Shell (29,25 %), Eni (29,25 %), Chevron (18 %), ЛУКОЙЛ (13,5 %) и HNOС (10 %).

Около 80 % казахстанской нефти экспортируется. Почти все экспортные маршруты проходят через Россию, в основном по трубопроводу Каспийского трубопроводного консорциума (КТК) до черноморского порта Новороссийск, а конечным пунктом назначения является Европа. Часть нефти поставляется в Китай по трубопроводу Казахстан-Китай, небольшое количество поступает в Азербайджан по морю, а затем в порты Средиземного моря по трубопроводу Баку-Тбилиси-Джейхан. Диверсификация

экспортных маршрутов важна для экономического развития Казахстана и обеспечения безопасности его энергетического экспорта.

Три основных нефтеперерабатывающих завода в Казахстане: Павлодарский, Атырауский и Шымкентский НПЗ перерабатывают добытую сырую нефть. Более 50 % добычи нефти приходится на три крупных нефтяных месторождения – Кашаган, Тенгиз и Карачаганак. Казахстан располагает полной и развитой цепочкой переработки нефти, охватывающей всю добывающую, промежуточную и нисходящую отрасли сырой нефти.

Казахстан добился успеха в быстром расширении своей внутренней газовой сети. Однако увеличение поставок газа для удовлетворения потребностей внутреннего потребления и экспорта, по-видимому, становится все более сложной задачей.

Казахстан богат углем и обладает очень большими запасами. В настоящее время на долю угля приходится около 60,05 % внутреннего энергоснабжения Казахстана, более 70 % электроэнергии в стране вырабатывается за счет сжигания угля, а потребление угля составляет более 20 % конечного потребления энергии.

Правительство намерено значительно сократить долю выработки электроэнергии за счет угля, чтобы помочь достичь своих экологических и климатических целей.

Как было проанализировано выше, хотя природный газ вырабатывал около 29 % электроэнергии в 2021 году, большая ее часть приходится на западную энергетическую зону, производящую нефть и газ, изолированную от остальной части Казахстана. Основная часть выработки возобновляемой энергии в 2021 году будет обеспечиваться крупными гидроэлектростанциями, большая часть мощности которых строго регулируется схемами сельскохозяйственного орошения. В 2021 году на долю энергии ветра и солнца придется лишь около 1 % производства электроэнергии.

Потенциал возобновляемых источников энергии (ВИЭ) в Казахстане огромен, хотя в настоящее время доля ВИЭ в общем объеме энергоснабжения очень мала и составляет от 1 % до 2 %. По данным Министерства энергетики Республики Казахстан, потенциал возобновляемых источников энергии выглядит следующим образом:

1. Ветровая энергия. Потенциальная ветроэнергетическая мощность Казахстана составляет до 1 820 млн. кВт-ч/год, а на равнинах страны площадью более 50 тыс. кв. км средняя скорость ветра превышает 6 м/с. Алматинская область имеет один из самых высоких в стране потенциалов развития ветроэнергетики, особенно в районе Джунгарского ущелья, где среднегодовая скорость ветра достигает 9,7 м/с, а каждый киловатт установленной ветровой мощности может вырабатывать 4 400 кВт-ч/год экологически чистой электроэнергии.

2. Гидравлическая энергия. Казахстан богат гидроэнергетическими ресурсами, потенциал развития которых составляет 170 млрд. кВт. ч. Бассейн реки Иртыш на севере, бассейн реки Или на юго-востоке, бассейны рек Сяри, Тас и Чу на юге — это районы, имеющие хорошие перспективы для развития крупномасштабной гидроэнергетики. В то же время малая гидроэнергетика имеет значительный потенциал для развития, и, как показали исследования, в Казахстане имеется более 400 альтернативных площадок для размещения малых ГЭС общей установленной мощностью около 1,9 млн. кВт.

3. Солнечная энергия. Среднегодовая продолжительность солнечного сияния в Казахстане достигает 2200-3000 часов, интенсивность света в среднем за год составляет 1300–1800 кВт-ч на квадратный метр, особенно в южной части обширных горных районов, эффективное излучение значительно выше, чем на равнинах.

4. Геотермальная энергия. Потенциал геотермальных ресурсов Казахстана оценивается примерно в 97 млрд. т нефтяного эквивалента, что сопоставимо с общими ресурсами нефти и газа Казахстана. Около трех четвертей геотермальных ресурсов находится в западной части страны, причем наиболее перспективные ресурсы расположены в основном в артезианских бассейнах Ареси на юге, Алматы и Жаркента на юго-востоке.

Интеграция растущего потенциала Казахстана в области возобновляемых источников энергии становится все более сложной задачей. Энергосистема Казахстана обладает значительной базовой мощностью, работающей на угле, что отражает неустойчивый характер поставок возобновляемой энергии.

В Казахстане наблюдался значительный рост ВВП без параллельного увеличения энергоемкости. Однако его экономика остается весьма энергоемкой, при этом в большинстве секторов она сильно зависит от ископаемого топлива.

В нынешнем глобальном управлении климатом «зеленый» и низкоуглеродный климат означает, что модель экономического роста, основанная на ископаемом топливе со времен промышленной революции, будет заменена моделью экономического роста, основанной на чистой энергии, а ряд систем, институтов и механизмов, сформированных вокруг экономики, основанной на ископаемом топливе, будет заменен моделью экономического роста, основанной на экологически чистой энергии. Чистая, умная и действенная экологичная и разумная экономическая система.

Казахстан присоединился к Рамочной конвенции ООН об изменении климата (РКИК ООН) в 1995 году. В 2016 году Казахстан принял участие в Парижском соглашении, взяв на себя обязательство сократить выбросы парниковых газов (ПГ) на 15 % от уровня 1990 года к 2030 году, а на Конференции ООН по изменению климата в декабре 2020 года Казахстан дополнительно объявил, что к 2060 году достигнет углеродной нейтральности. Казахстан также стремится к увеличению доли возобновляемых источников энергии в энергобалансе страны. Экологический кодекс Казахстана на 2021 год требует от государственных органов принятия мер, направленных на обеспечение выполнения этих целевых показателей.

Доля выбросов углерода во внутреннем производстве Казахстана почти на 70 % выше, чем в среднем по миру, что свидетельствует о высокой зависимости экономического развития страны от ископаемых источников энергии, на долю которых приходится 98 % всего располагаемого энергоснабжения страны, что представляет значительную угрозу для природной среды. Снижение зависимости от ископаемых источников энергии и развитие возобновляемых источников энергии являются важными мерами для устойчивого развития и достижения углеродной нейтральности.

Аналогичным образом, энергетическая структура Китая также сталкивается со многими проблемами. Нехватка природных ресурсов, растущее потребление и растущая внешняя зависимость стали самыми большими угрозами экономической безопасности Китая, и причины такой ситуации тесно связаны с быстрым экономическим ростом Китая, повышением уровня жизни людей, изменениями в структуре потребления, а также запасами энергии и их структурой.

Являясь одним из крупнейших в мире источников выбросов углекислого газа, ежегодные выбросы углекислого газа в Китае составляют около 27 % от общего объема в мире, и загрязнение углекислым газом является относительно серьезным. Таким образом, заявление Китая о том, что он достигнет своей цели по углеродной нейтральности к 2060 году, является трудным, но значительным и окажет положительное влияние на развитие Китая и глобальной зеленой экономики.

Чистая энергия относится к новым энергетическим технологиям, которые могут эффективно сокращать выбросы парниковых газов, и является одним из наиболее важных способов сокращения выбросов CO₂. Таким образом, Китай активно развивает отрасли, связанные с чистой энергетикой, и доля потребления чистой энергии растет год от года.

По данным Национальной комиссии по развитию и реформам КНР, в 2022 году энергопотребление Китая увеличится до 541 млн т стандартного угля. При этом потребление экологически чистой энергии, представленной гидроэнергетикой, атомной энергетикой и ветроэнергетикой, увеличится с 7 % до 26 %, а потребление традиционного рядового угля снизится с 72 % в 2015 году до 56 % в 2022 году [16].

В 2014 году на шестом заседании Центральной руководящей группы по финансам и экономике была прямо предложена новая стратегия энергетической безопасности Китая "четыре революции и одно сотрудничество", направленная на революцию в энергопотреблении, революцию в энергоснабжении, революцию в энергетических технологиях и революцию в энергосистеме, а также на

укрепление международного сотрудничества по всем направлениям. Под руководством стратегической идеи энергетической революции китайская низкоуглеродная «зеленая» трансформация энергетики достигла первых результатов. Китай придерживается концепции устойчивого развития, следует принципу взаимовыгодного и бесприоритетного сотрудничества, расширяет открытость энергетического сектора для внешнего мира, способствует строительству «Зеленого шелкового пути» и достигает нового развития в международном сотрудничестве в области энергетики.

Китай и Казахстан привержены энергетическому сотрудничеству и совместным усилиям по обеспечению развития энергетики. В рамках «Один пояс и один путь» Казахстан и Китай активно расширяют сотрудничество в области ветроэнергетики, фотовольтаики и других новых источников энергии.

В 2021 году Жанатасская ветровая электростанция (Жамбылская область) мощностью 100 МВт, построенная и эксплуатируемая казахстанско-китайским совместным предприятием, была подключена к электросети. Туркусунская гидроэлектростанция (Восточно-Казахстанская область) мощностью 24,9 МВт была введена в эксплуатацию. В 2022 году 30 генераторов мощностью 150 МВт установлены в проекте ветроэнергетики в Акмолинской области, построенных китайскими предприятиями, будут подключены к электросети, и после подключения к сети полной мощности проект может обеспечить около 600 миллионов кВт-ч чистой электроэнергии местному населению на каждый год.

Активное и эффективное продвижение национального перехода к «зеленой» энергетике требует систематического понимания основ энергетической и климатической политики страны, макрополитической и экономической системы и фактических энергетических потребностей населения, чтобы можно было успешно разрабатывать и реализовывать энергетические проекты.

Казахстан и Китай разделяют общую философию развития как в традиционном нефтегазовом секторе, так и в области возобновляемых источников энергии и постоянно находятся в активном сотрудничестве.

В таблице 2 представлены основные факторы экологической инициативы «Зеленого моста» (Казахстан) и «Зеленый шелковый путь» (Китай).

Таблица 2 – Основные факторы экологической инициативы «Зеленого моста» и «Зеленый шелковый путь»

Факторы	«Зеленый мост» (Казахстан)	«Зеленый шелковый путь» (Китай)
Структура потребления энергий в стране	Уголь – 60.6 %; Нефть – 0.10 %; Газ – 28.7 %; ВИЭ – 10.6 %.	Уголь – 58.9 %; Нефть – 16.3 %; Газ – 7.4 %; ВИЭ – 17.4 %.
Энергетическая стратегия	До 2060 года Казахстан достигает углеродную нейтральности, включая в себя 2 сценария: базовый сценарий и сценарий углеродной нейтральности.	Выбросы CO ₂ в Китае достигают пика и начинают снижаться примерно в 2030 году, а цель по углеродной нейтральности будет достигнута к 2060 году.
Основная цель инициативы	Это мост между Азиатско-Тихоокеанским и Европейским регионами, нацелена на переход к зеленой экономике на огромном пространстве и в разных регионах Европы, Азии и Тихого океана. Она содержит призыв к интеграции экологической и экономической политик по устойчивому и эффективному развитию.	К 2025 году концепция «Зеленого шелкового пути» получила международное признание, а сотрудничество в области «зеленой инфраструктуры», «зеленой энергетики», «зеленого транспорта», «зеленого финансирования» и других областях получит развитие.
Инвестиционная политика	Проекты ВИЭ подпадают под категорию инвестиционно-приоритетных проектов. Казахстан использует аукционы, аналогичные аукционам REST, для привлечения инвестиций в новые гибкие генерирующие мощности, такие как крупные газовые и гидроэнергетические проекты.	Поощрять предприятия к инвестиционному сотрудничеству в области новой энергетики; Поощрять предприятия к созданию инвестиционных фондов акционерного капитала, ориентированных на «зеленые» отрасли за пределами Китая.
Примечание - составлено авторами на основе источников [9], [10]		

В нефтегазовом секторе Китай и Казахстан более устойчиво сотрудничают в промышленной цепочке переработки нефти и газа, трубопроводной транспортировке и инженерных технологиях. Сотрудничество между Казахстаном и Китаем в области возобновляемых источников энергии также принесло полезные результаты. Гидроэлектростанции и ветряные электростанции, построенные совместно Китаем и Казахстаном, могут помочь Казахстану сократить количество используемого угля, облегчить напряженную ситуацию с электроснабжением в городах и способствовать экономическому развитию.

ПОЛУЧЕННЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ (ВЫВОДЫ)

Казахстанский экономист Алмас Чукин в своей работе «Эффект домино: Китай. Азия. Казахстан» подчеркнул важность сотрудничества с Китаем и инвестиции из Китая растут колоссальными темпами в энергетической области.

Исследование показывает, что как Казахстан, так и Китай разработали передовые концепции и инвестиционную политику в области развития отраслей ископаемой и возобновляемой энергетики. Энергетическая политика Казахстана оказывает многогранное влияние на энергетическое стратегическое планирование Китая. Основываясь на энергетической политике Казахстана, авторы предлагают следующие предложения по казахстанско-китайскому энергетическому сотрудничеству:

- Китай и Казахстан могут сотрудничать для создания информационных каналов для понимания энергетического сектора, рынков и технологий обеих стран. Эффективные информационные каналы обеспечивают раннее предупреждение о возможных изменениях в политике и рыночной системе;
- полностью понимать инвестиционную политику Казахстана, а также энергетическую и климатическую политику для привлечения энергетических проектов. При разработке энергетических проектов необходимо учитывать природную среду и международные стандарты;
- Китайские и казахстанские финансовые институты могут сотрудничать в разработке соответствующих инструментов поддержки, таких как зеленые облигации или специальные фонды прямых инвестиций, для оказания финансовой поддержки сотрудничеству в рамках энергетических проектов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Отешова А. К., Кайыргали А. К., Базарный Н. С. Потенциал альтернативной энергетики, развитие «зеленой экономики» в Казахстане // Материал международной научно-практической конференции – 2020. – С. 209-214.
2. Li S., Zhang Y. F., Sun M. Analysis on low-carbon development strategy of KazMunayGas // International Petroleum Economics. – 2023. – № 31(3). – Р. 43-47.
3. Упушев Е. М., Болатбек Б. Б. Развитие возобновляемых источников энергии в Республике Казахстан в XXI веке // Вестник КазЭУ. – 2012. – № 6(89). – С. 38-44.
4. Тлесова Э. Б. Состояние и тенденции развития нефтегазовой отрасли Казахстана // Вестник КазЭУ. – 2011. – № 3(81). – С. 141-145.
5. Бегалко З. В., Титов М. В., Литвинов С. Д. Стратегические планы и проблемы нефтегазовой отрасли Казахстана // Материалы Международной научно-практической конференции «Проблемы функционирования систем транспорта». – 2010. – С. 46-49.
6. Сансызбаева Г. Н., Аширбекова Л. Ж. Перспективы развития возобновляемых источников энергии в Казахстане // Central Asian Economic Review. – 2020. – № 4(133). – С. 101-116.
7. Mouraviev N. Renewable energy in Kazakhstan: Challenges to policy and governance // Energy Policy. – 2021. – № 149. – Article 112051.
8. Raihan A., Tuspekova A. Role of economic growth, renewable energy, and technological innovation to achieve environmental sustainability in Kazakhstan // Current Research in Environmental Sustainability. – 2022. – № 4. – Article 100165.

9. Khanna N., Fridley D., Zhou N., Karali N., Zhang J., Feng W. Energy and CO₂ implications of decarbonization strategies for China beyond efficiency Modeling 2050 maximum renewable resources and accelerated electrification impacts / *Applied energy*. – 2019. – № 242. – P. 12-26.
10. Указ Президента Республики Казахстан от 30 мая 2013 года № 577 «О Концепции по переходу Республики Казахстан к “зеленой экономике”» [Электронный ресурс] // Әділет [web-сайт]. – 2013. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1300000577> (Дата обращения: 12.12.2023).
11. О поддержке использования возобновляемых источников энергии [Электронный ресурс] // Министерство энергетики Республики Казахстан [web-сайт]. – 2018. – URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/energo/documents/details/18314?lang=ru> (Дата обращения: 12.12.2023).
12. Концепция развития топливно-энергетического комплекса Республики Казахстан до 2030 года [Электронный ресурс] // Министерство энергетики Республики Казахстан [web-сайт]. – 2020. – URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/energo/documents/details/45069?lang=ru> (Дата обращения: 12.12.2023).
13. Основные показатели работы промышленности Республики Казахстан (2022г.) [Электронный ресурс] // Бюро Национальной статистики РК [web-сайт]. – 2023. – URL: <https://stat.gov.kz/ru/industries/business-statistics/stat-industrial-production/publications/5180/> (Дата обращения: 12.12.2023).
14. S&P Global Platts. BP Statistical Review of World Energy 2022. 71st edition. – London, 2022. – 57 p.
15. Годовой отчет АО НК «ҚазМұнайГаз» 2022. Расширяя границы. – Астана, 2022. – 379 с.
16. China sets energy targets for 2022 [Электронный ресурс] // National Development and Reform Commission (NDRC), People's Republic of China [web-сайт]. – 2022. – URL: https://en.ndrc.gov.cn/news/mediar/sources/202203/t02220330_1321169.html (Дата обращения: 12.12.2023).

REFERENCES

1. Oteshova, A. K., Kajyrgali, A. K., & Bazarnyj, N. S. (2020). Potencial al'ternativnoj energetiki, razvitie «zelenoj ekonomiki» v Kazahstane. In Materials of the international scientific-practical conference, 209-214 (In Russian).
2. Li, S., Zhang, Y. F., & Sun, M. (2023). Analysis on low-carbon development strategy of KazMunayGas. *International Petroleum Economics*, 31(3), 43-47.
3. Upushev, E. M., & Bolatbek, B. B. (2012). Razvitie vozobnovlyaemyh istochnikov energii v Respublike Kazahstan v HKHI veke. *Vestnik KazEU*, 6(89), 38-44 (In Russian).
4. Tlesova, E. B. (2011). Sostoyanie i tendencii razvitiya neftegazovoj otrasli Kazahstana. *Vestnik KazEU*, 3(81), 141-145 (In Russian).
5. Begalko, Z. V., Titov, M. V., & Litvinov, S. D. (2010). Strategicheskie plany i problemy neftegazovoj otrasli Kazahstana. In Materials of the International Scientific and Practical Conference “Problems of the functioning of transport systems”, 46-49 (In Russian).
6. Sansyzbaeva, G. N., & Ashirbekova, L. ZH. (2020). Perspektivy razvitiya vozobnovlyaemyh istochnikov energii v Kazahstane. *Central Asian Economic Review*, 4(133), 101-116 (In Russian).
7. Mouraviev, N. (2021). Renewable energy in Kazakhstan: Challenges to policy and governance. *Energy Policy*, 149, Article 112051.
8. Raihan, A., & Tuspekova, A. (2022). Role of economic growth, renewable energy, and technological innovation to achieve environmental sustainability in Kazakhstan. *Current Research in Environmental Sustainability*, 4, Article 100165.
9. Khanna, N., Fridley, D., Zhou, N., Karali, N., Zhang, J., & Feng, W. (2019). Energy and CO₂ implications of decarbonization strategies for China beyond efficiency Modeling 2050 maximum renewable resources and accelerated electrification impacts. *Applied Energy*, 242, 12-26.
10. Ukaz Prezidenta Respubliki Kazahstan ot 30 maya 2013 goda № 577 «O Konceptcii po perekhodu Respubliki Kazahstan k “zelenoj ekonomike”». (2013). Adilet. Retrieved December 12, 2023, from <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1300000577> (In Russian).

11. O podderzhke ispol'zovaniya vozobnovlyаемых istochnikov energii. (2018). Ministry of Energy of the Republic of Kazakhstan. Retrieved December 12, 2023, from <https://www.gov.kz/memleket/entities/energo/documents/details/18314?lang=ru> (In Russian).
12. Konceptiya razvitiya toplivno-energeticheskogo kompleksa Respubliki Kazakhstan do 2030 goda. (2020). Ministry of Energy of the Republic of Kazakhstan. Retrieved December 12, 2023, from <https://www.gov.kz/memleket/entities/energo/documents/details/45069?lang=ru> (In Russian).
13. Osnovnye pokazateli raboty promyshlennosti Respubliki Kazakhstan (2022g.). (2023). Bureau of National Statistics of the Republic of Kazakhstan. Retrieved December 12, 2023, from <https://stat.gov.kz/ru/industries/business-statistics/stat-industrial-production/publications/5180/> (In Russian).
14. S&P Global Platts. (2022). BP Statistical Review of World Energy 2022 (71st ed.). London. 57 p.
15. AO NK «KazMunaiGaz». (2022). Godovoj otchet AO NK «KazMunaiGaz» 2022. Rasshiroyaya granicy. Astana. 379 p. (In Russian).
16. China sets energy targets for 2022. (2022). National Development and Reform Commission (NDRC), People's Republic of China website. Retrieved December 12, 2023, from https://en.ndrc.gov.cn/news/mediarusesources/202203/t20220330_1321169.html.

ENERGY POTENTIAL OF KAZAKHSTAN AND ITS IMPACT ON CHINA'S ENERGY STRATEGY

Du Bingham¹, J. Juman¹, A. Makulova^{2*}

¹Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan

² University Narxoz, Almaty, Republic of Kazakhstan

ABSTRACT

Purpose of the research – analyze the development of hydrocarbon and renewable energy sources in Kazakhstan and identify the potential for energy development in Kazakhstan. Understand the strategies of Kazakhstan and China on the development of energy policy and based on comparison determine the direction of future cooperation between the two countries.

Methodology – theoretical and comparative analysis methods were used in the research work. Using theoretical analysis to explore the theoretical basis of energy policy in order to better understand its relevance and implications. The method of comparative analysis helps us to better understand the similarities and differences in the environmental initiatives of the "Green Bridge" and "Green Silk Road", as well as to learn the complexities of the research subject.

Originality / value – under the "One Belt and One Road" initiative, energy cooperation is a very important element, and the active development of sustainable energy cooperation between Kazakhstan and China has positive implications and recommendations for the realization of the energy transition in both countries.

Findings – the study of the oil and gas industry and the development of renewable energy in Kazakhstan showed that there is a great potential for the development and political support of both traditional and renewable energy in Kazakhstan. Sustainable energy cooperation requires the integration of environmental initiatives of both countries, the establishment of open channels of information and the development of energy projects.

Keywords: energy policy, green bridge, economic development, Kazakhstan, China.

ҚАЗАҚСТАННЫҢ ЭНЕРГЕТИКАЛЫҚ ӘЛЕУЕТІ ЖӘНЕ ОНЫҢ ҚЫТАЙДЫҢ ЭНЕРГЕТИКАЛЫҚ СТРАТЕГИЯСЫНА ӘСЕРІ

Ду Бинхан¹, Ж. Жұман¹, А. Т. Макулова^{2*}

¹Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Алматы, Қазақстан Республикасы

² Нархоз Университеті, Алматы, Қазақстан Республикасы

АНДАТПА

Зерттеу мақсаты – Қазақстанда көмірсутекті және жаңартылатын энергия көздерінің дамуын талдау және Қазақстанда энергетиканың даму әлеуетін анықтау. Қазақстан мен Қытайдың энергетикалық саясатты дамыту жөніндегі стратегияларын түсіну және салыстыру негізінде екі ел арасындағы болашақ ынтымақтастықтың бағытын айқындау.

Әдіснамасы – ғылыми жұмыста теориялық және салыстырмалы талдау әдістері қолданылды. Энергетикалық саясаттың теориялық негізін зерттеу үшін оның өзектілігі мен салдарын тереңірек түсіну үшін теориялық талдауды қолдану. Салыстырмалы талдау әдісі «Жасыл көпір» және «жасыл Жібек жолы» экологиялық бастамасының ұқсастықтары мен айырмашылықтарын тереңірек түсінуге, сондай-ақ зерттеу пәнінің күрделілігін білуге көмектеседі..

Зерттеудің бірегейлігі/құндылығы – «Бір белдеу және бір жол» бастамасы шеңберінде энергетикалық ынтымақтастық өте маңызды элемент болып табылады және Қазақстан мен Қытай арасындағы Тұрақты энергетикалық ынтымақтастықты белсенді дамыту екі елде де энергетикалық ауысуды іске асыру үшін оң мәнге және ұсынымдарға ие.

Зерттеу нәтижелері – Қазақстандағы мұнай-газ саласын және жаңартылатын энергетиканы дамытуды зерттеу Қазақстанда дәстүрлі және жаңартылатын энергетиканы дамыту мен саяси қолдау үшін үлкен әлеует бар екенін көрсетті. Тұрақты энергетикалық ынтымақтастық екі елдің экологиялық бастамаларын біріктіруді, ашық ақпарат арналарын құруды және энергетикалық жобаларды әзірлеуді талап етеді.

Түйін сөздер: энергетикалық саясат, жасыл көпір, экономиканы дамыту, Қазақстан, Қытай.

ОБ АВТОРАХ

Ду Бинхан – докторант PhD, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алматы, Республика Казахстан, email: 920360378@qq.com, ORCID: 0000-0003-1801-7583.

Жаппар Жұман – доктор экономических наук, профессор, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алматы, Республика Казахстан, email: sad171@mail.ru, ORCID: 0000-0002-4494-7568.

Макулова Айымжан Тулегеновна – доктор экономических наук, профессор, Университет Нархоз, Алматы, Республика Казахстан, email: aiymzhan.makulova@narхоз.kz, ORCID: 0000-0003-0144-0844*

МРНТИ 06.71.63; 06.71.07

JEL Classification: O13; Q5

DOI: <https://doi.org/10.52821/2789-4401-2024-1-55-63>

ОРГАНИКАЛЫҚ АУЫЛ ШАРУАШЫЛЫҒЫН ДАМУДА ЖАСЫЛ МАРКЕТИНГТІҢ РӨЛІ

Б. Б. Болатбек^{1*}, Г. С. Сәтбаева¹, А. М. Дүйсебаева¹

¹ Нархоз Университеті, Алматы, Қазақстан Республикасы

АНДАТПА

Зерттеудің мақсаты – жоғары дамыған елдермен бәсекеге қабілетті болу мақсатында Қазақстанның органикалық ауыл шаруашылығын дамытуды қолдау үшін жасыл маркетингтің пайдалы стратегия болуы мүмкін екенін анықтау.

Әдістеме. Қазақстанның органикалық ауыл шаруашылығы жерлерінің эволюциясы мен қазіргі таңдағы ерекшеліктері туралы зерттеу деректерін ескере отырып, синтез, салыстыру және статистикалық талдау сияқты зерттеу әдістері қолданылады.

Зерттеудің бірегейлігі / құндылығы – органикалық ауыл шаруашылығының тұрақтылығында жасыл маркетинг стратегиясы өзекті болып табылады, себебі ауыл шаруашылығының дамуына айтарлықтай әсер етеді. Бұл зерттеу деңгейіне байланысты Қазақстанның органикалық ауыл шаруашылығы нарығындағы жасыл маркетингті зерттеу бойынша бағытталған.

Зерттеу нәтижелері. Зерттеу органикалық ауыл шаруашылығындағы жасыл маркетинг стратегиясын қолдау мен мүмкіндіктерін кеңейту үшін маңызды тұжырымдарды анықтады. Бұл нәтижелер органикалық ауыл шаруашылығы саласындағы тұрған мәселелерді түсінуге ықпал етеді және оларды шешу туралы ұсыныстар береді.

Түйін сөздер: жасыл бизнес, жасыл маркетинг, органикалық ауыл шаруашылығы, экологиялық тұтынушылар, тұрақты даму.

КІРІСПЕ

Қазіргі кездегі экологиялық мәселелер экономикалық дамуды қамтамасыз ету үшін маңызды болуда. Тұрақты экономикалық даму экономикалық деңгейдегі экологиялық таза саясатты жылжыту мен тұрақты қоғамды қолдау үшін тұтыну мен өндірісті өзгертуді қамтиды. Сонымен қатар, тұрақты дамудың жаңа парадигмасында өсу мен даму саясатын дайындауда экологиялық мәселелерді елемеге болмайды.

Экономикалық жүйені бағалау тиімділік пен әділеттілік, табиғатты қорғау принциптеріне ерекше назар аударуды қажет етеді. Экологиялық мәселелерді қарастыруда, тұтынушылар қазіргі және болашақ ұрпақ үшін қоршаған ортаны қорғау қажеттілігін түсіндіреді.

Тұрақты даму өндіріс пен тұтынудың жаңа жүйесі мен әдістерін, сонымен қатар қоршаған орта, табиғат пен қоғамның сапасы кез келген стратегияның негізгі тетіктеріне айналатын бизнесті ұйымдастырудың заманауи әдістерін талап етеді [1].

Органикалық өндірістің эволюциясы органикалық өнімге деген сұраныс пен тұтынушылардың мінез-құлқына байланысты. Өндіріс орындары тұтынушыларға тұрақты азықпен қамтамасыз етуге жауапты болса, ал тұтынушылар жыл сайын өндірілетін өнімдердің үштен бір бөлігінің жоғалатынын ескере отырып, тамақ қалдықтарын азайту арқылы жауап береді [2]. Ал жасыл маркетинг, бизнеспен айналысатындар үшін оны салауатты ортаны сақтау олардың басты мақсаттарының бірі болатыны маңызды. Жасыл маркетингтің басты міндеті тұтынушыларға төлемді, тікелей шығындарды, сондай-ақ

жасыл өнімдердің жоғары бағаларын, қоршаған ортаның бүгінгі және болашақтағы жағдайы туралы хабардар ету [3].

Зерттеуде Қазақстанның ауыл шаруашылығының тұрақтылығы мен бәсекеге қабілеттілігіне кепілдік беретін органикалық өндірісті дамыту әлеуеті көрсетіледі. Органикалық өнімдердің қазіргі өндірісінің көп бөлігі экспортқа арналған және де ішкі сұраныстың аз болуынан, зерттеуде жасыл маркетинг стратегиясы органикалық тұтынуды қаншалықты ынталандыратынын талдау ұсынылған. Қазақстанның органикалық егіншіліктің дамуының әлеуеті жоғары, химиялық тыңайтқыштар мен пестицидтердің әсеріне ұшырамаған ауыл шаруашылығы жерлерінің аудандарына байланысты. Қазақстанда органикалық егіншіліктің дамуы ауылшаруашылық өндірісінің экологиялық таза әдістерін дамытуды ғана емес, сонымен қатар оны сату, тарату және экологиялық тұтыну процестерін дамытуды да қамтиды. Осы процестің барлығы мемлекет ішінде де, халықаралық деңгейде де бәсекеге қабілетті жасыл нарықты құруға толықтай ықпал етеді.

Әдебиетке шолу. Органикалық ауыл шаруашылығы ЕО-тың жалпы саясат мәселесі ретінде органикалық егіншілікті анықтайтын және органикалық ауыл шаруашылығын қолдауды экологиялық таза өндіріс құралы ретінде өсті [4]. Мишелсен және Согаардтың пайымдауынша, ЕО-та органикалық егіншілікті дамытудың негізгі мемлекеттік қаржылық қолдау және органикалық егіншіліктің сапасын жақсарту және институционалдық желілермен байланысты дамыту әдісін көрген фермерлердің моральдық көзқарасы сияқты көрсеткіштер болды деп санайды [5].

Ж. С. Булхаирова, Г. Н. Сулейменова, А. А. Орынбасарова еңбегінде органикалық егіншілік шаруашылығы «жасыл экономикаға» жасалған қадамның бірі деп санайды [6]. Яғни, бұл ел үшін өте маңызды болып саналады, әлемдік нарыққа шығудың жолы болып табылады.

В. В. Григорук, Е. В. Климов авторларының пікірінше органикалық егіншілікті дамыту үшін Қазақстан жер ресурсы табиғи ластанбаған және жарамды [7]. Бұл органикалық өнімдерді өндірудің мүмкіндігі зор екені сонымен қатар, экспортқа экоөнім болып шығуға бірден-бір жолы.

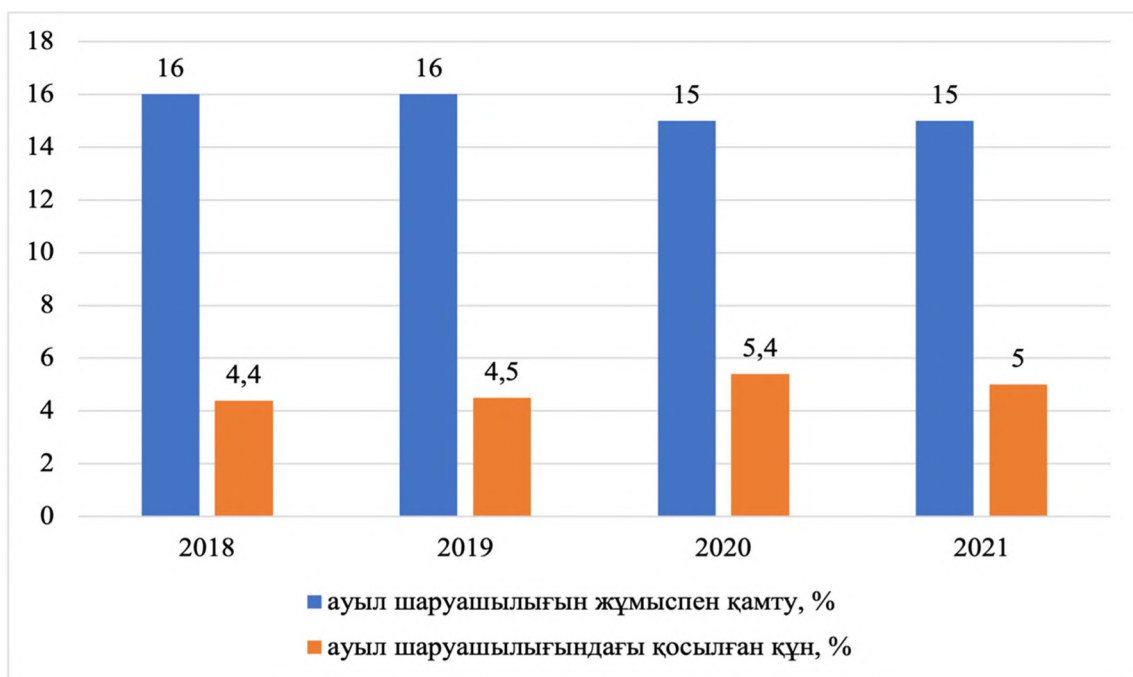
Краудер мен Реганольдтың зерттеуі бойынша органикалық ауыл шаруашылығын дамыту әлемдік азық-түлік қауіпсіздігін қамтамасыз ете отырып, биоәртүрлілік пен қоршаған ортаны сақтау үшін маңызды екенін көрсетеді. Авторлардың айтуынша, органикалық егіншілік дәстүрлі егіншілікке қарағанда төмен өнім бергенімен, оның тиімді және кеңею жағдайы зор екенін айқындайды [8]. Яғни, органикалық ауыл шаруашылығындағы азық-түлік ресурстарының сапасы мен қауіпсіздігі маңызды болып табылады.

Дегенмен, органикалық егіншілік процесі оңай емес. Дәстүрлі өндіріспен салыстырғанда өнімділіктің төмендеуінен басқа органикалық дақылдарды сатып алуға, жерді дайындауға және де жұмыс күшіне жұмсалатын шығындары да бар [9]. Мысалы, Хоказано мен Хаяши еңбектерінде Жапониядағы күріш өндірудің үш жүйесін, органикалық, экологиялық таза және дәстүрлі түрде салыстырып көрсетті. Органикалық күріш өнімділігінің тұрақсыздығынан басқа, тыңайтқыштарды қолдану, егістіктен тікелей шығарындылардың азаюы мен арамшөптерді жою әдістерінің факторлары да болды. Органикалық өндірістің қоршаған ортаға әсері жоғары және органикалық егіншіліктің жоғары өзгергіштігі органикалық өндіріс көрсеткіштерінің тұрақсыздығына байланысты екенін анықтады [10].

Р. А. Қарабасов және т.б. зерттеушілердің пайымдауынша, органикалық ауыл шаруашылығының кәсіпорындарына мониторинг жүргізуді, деректер қоры мен базасын кеңейтуді ұсынады [11]. Себебі, өкінішке орай Қазақстандағы органикалық өнімдердің өндірісі туралы ресми деректер мен мемлекеттік тізімі де жүргізілмейді.

Органикалық ұйымдардың рентабельділігі мен бәсекеге қабілеттілігін субсидиялар, салықтарды азайту, органикалық өнімдерді кәдеге жаратуды қамтамасыз ету, қарапайым қожалықтардың органикалық егіншілікке өтуін жеңілдету және жергілікті кәсіпкерлікті қолдау арқылы мемлекеттік саясаттың қолдауын қажет етеді. Мемлекеттің қолдауы арқылы органикалық егіншілікті қолдау экономикалық қолдауды және заңнаманы қажет етеді [12].

Соңғы кездері ауыл шаруашылығының жалпы қосылған құнының өсуі ЖІӨ-гі үлесі төмендеді. 2021 жылы бұл көрсеткіш ЖІӨ-нің 15 %-ын құрады. 1-суретте екі көрсеткіштің (ауыл шаруашылығындағы жұмыспен қамту және жалпы қосылған құн) ауыл шаруашылығының әлі де төмен тиімділікке ие екендігін көрсетеді. Бұл яғни, ескірген технологияларды қолдану, жерді тиімсіз пайдалану және толықтай дамымаған инфрақұрылыммен түсіндіріледі. Яғни, жасыл экономика талаптары тұрғысынан ауыл шаруашылығы кешенінің дамуын шектейді. Қазақстанның ауыл шаруашылығы үшін жұмысшылардың еңбек нарығындағы өзгерістерге осалдығының жоғарылауы мәселесі ретінде басқа кешендерге ауыстырылуы арқылы шешілуі мүмкін. Бұл жағдайда органикалық ауыл шаруашылығы еңбек нарығының мәселелерін де, экологиялық мәселелерді де шешуге бағытталған шешімдердің бірі болып табылады. Органикалық кешеннің маңыздылығын түсіну нәтижесінде органикалық өнімдерге деген сұраныстың артуы, жасыл маркетинг арқылы органикалық өнімдерді ары қарай жылжыту қолайлы дамуына әкеледі.

Сурет 1 – Қазақстанның ауыл шаруашылығындағы жұмыспен қамту және қосымша құн (%)

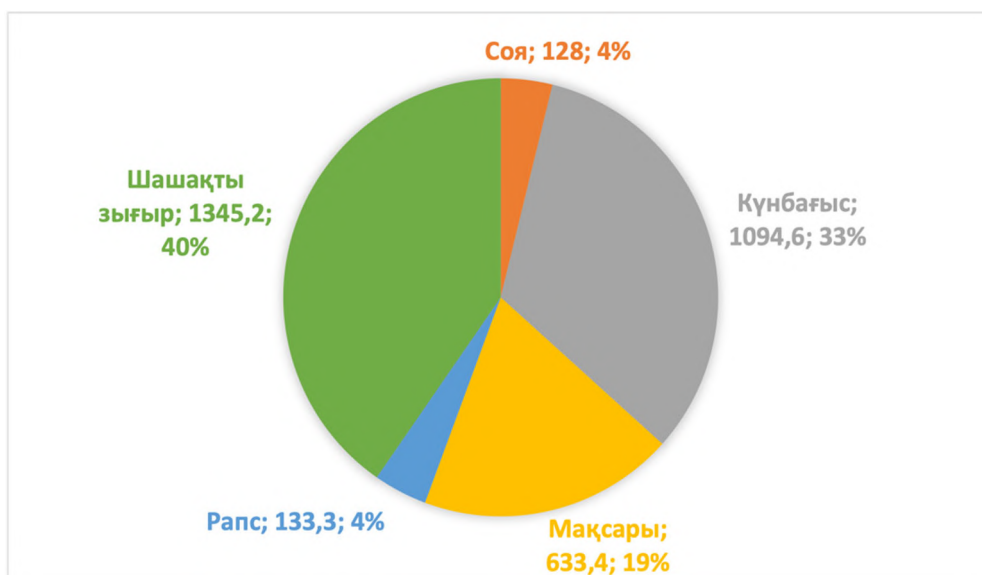
Ескерту – World Bank мәліметтерінің негізінде авторлармен құрастырылды [13]

Органикалық ауыл шаруашылығы кешенінің тиімділігіне қатысты экспорттың негізінен шикізаттан және аз қайта өңдеу өнімдерінен тұратындығына байланысты бұл жалпы қосылған құнды арттырады.

Қазақстанда 2022 жылы сертификатталған органикалық егістік алқабы бойынша деректер жоққа жақын. Қазіргі уақытта экологиялық таза өнімдердің барлық өндірушілері шет елдерінен келіп түседі және Еуропалық стандарттармен сертификатталған. Сонымен қатар, Қазақстан Республикасының ауыл шаруашылығы министрлігінде бұл статистика туралы ақпарат жоқ. Қазақстанның органикалық өнім өндірушілер одағының пайымдауынша, шамамен 200 мың гектарды бағалайды. Органикалық егіншілікке арналған егістік алқабының ауданы майлы дақылдар болып табылады (Сурет 2).

Органикалық ауыл шаруашылығына және жасыл экономиканы жылжытуда деген қызығушылықтың артуы аясында ауылдық жерлерді дамыту мен жаңғыртуды қаржыландыру бойынша жобалар қабылданды. Қазіргі заманғы талаптар экологиялық тұрақты әдістерді бәсекеге қабілетті фермаларды құруға бағытталған. Өнімдер фермерлерден тұтынушыларға өнімдердің құрамы мен шығарылуы туралы

ақпарат беруді талап ететін сату ережелерінің талаптарына сәйкес келуі керек [15]. Осы маркетингтік стандарттарға сәйкес жасыл маркетинг органикалық ауыл шаруашылығында маңызды рөл атқарады, яғни қоршаған ортаға әсерді азайтып экологиялық стандарттарға сәйкес келеді.

Сурет 2 – Органикалық майлы дақылдар алқаптарының үлесі (мың гектар., %)

Ескерту – [14] дереккөз негізінде авторлармен құрастырылды

Тұрақты даму ауыл шаруашылығымен, өнеркәсіп өндірісімен, жұмыспен қамту, білім беру саясатымен байланысты. Тұрақты ауыл шаруашылығы үшін жаңартылатын энергия көздерін дамыту, жасыл технологияларды енгізу, «жасыл» жұмыс орындарын құру маңызды аспектілері болып табылады. Бұл аспектілер «жасыл экономиканы» құруда өндірістік процестерді жылжытуға және енгізуге, сонымен қатар тұтынушылардың мінез-құлқын жеке деңгейде өзгертуге әкеледі. «Жасыл» өндіріспен «жасыл» тұтынуды дамытуда алаңдаушылықтар болады. Жасыл өндірісті ынталандыру және жасыл экономикаға көшу үшін «жасыл» тұтынуды кеңінен талқыланады. Тұрақты тұтыну органикалық өнімдерді тұтынуды да, қайта өңдеу мен қайта қолдануды және энергия тұтынуды азайтуды талап етеді [16].

Қазіргі уақытта тұрақты экономиканы дамыту мақсатында жасыл өндірістің және жасыл тұтыну-дың дамуы алаңдаушылық туғызады. Жасыл тұтыну таза өнімдерді тұтынуды да, ысырап етуді және қайта өңдеу мен энергияны тұтынуды төмендетуді талап етеді. Қазіргі уақытта экологиялық мәселелер қызығушылық туғызуда, бұл органикалық өнімдерді тұтынуда, жаңартылатын энергия көздерін қолдануда көрініс табады. Еуропалық Одақ жасыл маркетинг және органикалық өнім туралы ақпарат берудің маңыздылығы, сонымен қатар тұрақты дамуды қолдау үшін білім мен арнайы технологиялар қажеттілік етеді [17].

Экологиялық маркетинг таза тұтынуды қолдауда маңызды рөл атқарады. Бұл экологиялық таза өнімдерді және тұтынушылардың осы өнімдерді қолданудың артықшылықтарын жылжытуға ықпал етеді. Соңғы уақытта органикалық өнімдерді тұтыну өсті, бірақ экономикалық және қаржылық дағдарысқа байланысты әсерлі болмады. Дегенмен, жасыл маркетинг таза өнімнің қасиеттері қоршаған ортаға жауапты болса, яғни жасыл тұтынуды ынталандыруы мүмкін. Жасыл маркетинг ыңғайлы шешім ретінде әлеуметтік жауапкершілікті қабылдауда екі аспектіті қамтиды [18]. Осы тұрғыда экологиялық таза ауыл шаруашылық маркетингі келесі аспектілерден тұрады (Кесте 1).

Кесте 1 – Экологиялық таза ауыл шаруашылығы маркетингінің аспектілері

1. Тұтынушы денсаулығы мен оның қауіпсіздігі.	2. Қоршаған ортаны қорғау саласы.
Әр түрлі аурулардың көбеюінің ескере отырып, өндірілетін экологиялық таза ауыл шаруашылығы өнімдерін тұтыну қажеттілігін түсінуге әкеледі. Өнімдердің әр түрлілігін ескеру арқылы, органикалық өнімнің үлкен маңыздылыққа ие екенін байқауға болады. Экологиялық өнім өндірушілер үшін арнайы стандарттардың болмауы тұтынушылардың денсаулығы мен қоршаған ортаға әсер етуі белгілі бір өнімдерді өндірудің немесе тұтынудың артықшылығы туралы хабар ету үшін маркетингтің тұрақты болу қажеттілігін арттырады.	Таза өнімді өндіруде де, оны сатуда да қоршаған ортаны қорғау тек ауыл шаруашылығында ғана емес, басқа салада да қорғау.
Ескерту – [19; 20] әдебиеттерінің негізінде автормен құрастырылған	

Прайд пен Ферелдың пікірінше, «жасыл маркетинг» өндірістің органикалық өнімдерді әзірлеуі, оны ары қарай дамыту, баға белгілеу және тарату жөнінде барлық қызметті анықтайды. Жасыл маркетинг бұл компанияның тұрақты жұмысына ықпал ететін құрал, бірақ жасыл маркетинг стратегиясының жетістігі оның тұтынушылардың қажеттіліктері сәйкес келетіндігіне байланысты. Тұтынушылар мен ұйымдардың қажеттіліктерін тиімді және тұрақты түрде анықтауға, болжауға және қанағаттандыруға жауап беретін басқару процесін жасыл маркетинг атқарады. Басқа да зерттеушілер өндіріс пен сату, тұтыну процестерінде қоршаған ортаға азайту қажеттілігін де айтады [21].

Меферттың пайымдауынша, экологиялық саналы тұтынушылар – өнімді сатып алу кезеңінде табиғи қасиеттері бар өнімдерді сатып алатын жеке немесе заңды тұлғалар деп есептейді. Олар өнімдерді өндіру, әзірлеу, тарату, тұтыну және пайдалануда қоршаған ортаға әсер ететінін және қосымша шығындар әкелетінін толығымен қабылдайды. Жасыл маркетинг – әлеуметтік жауапкершілік, бірыңғайлылық, экономикалық және әлеуметтік тұрақтылық қағидаларды жүзеге асыруға бағытталған. Экологиялық мәселелер маркетингтің барлық кезеңінен бастап жаңа өнімдерді дайындауды қамтиды. Жасыл маркетинг тұжырымдамасының маңызды элементі болып жасыл өнімдер болып табылады [22]. Яғни, экологиялық мәселелерді шешу өнім маркетингінің әрбір кезеңіне тұрақтылықты біріктіруді қамтиды. Жасыл маркетинг тұжырымдамасының шешуші аспектісі қоршаған ортаға әсерді барынша азайту және жасыл өнімдерді жылжытуды жүргізу.

Жасыл маркетинг стратегиясы тұтынушының жаңа талаптарына бейімделудің шешуші элементінің бірі. Жасыл маркетинг ұзақ мерзімде ұлттық немесе аймақтық бәсекелестік артықшылығы болады. Қысқа мерзімді инвестицияларды технологиялық шығындар мен өндірістік процестерді бақылаудан байқауға болады. Ұзақ мерзімде энергия мен шикізатты тұтынуды төмендету арқылы жасыл маркетинг стратегиялары бәсекеге қабілетті болуға, сонымен қатар экономикалық пайданың болуына ықпал етеді [23]. Яғни, бір мерзімде экологиялық пайда және бәсекеге қабілеттілікті арттыратын позицияға қол жеткізуге болады.

ҚОРЫТЫНДЫ

Жасыл маркетинг бұл, ауыл шаруашылығындағы жасыл бизнесті дамытуға ықпал етуші сала. Соңғы жылдары Қазақстанда органикалық ауыл шаруашылығы дамуда. Ауыл шаруашылығының, әсіресе әлем бойынша бағаланатын органикалық егіншілік өнімдерінің дамуы Қазақстан экономикасына үлесін қосады.

Қазақстанның ауыл шаруашылығының әлеуеті жоғары, органикалық егіншілікті дамыту және сыртқы нарыққа шығу мүмкіндігі бар. Сонымен қатар, мемлекеттік саясат халықты табиғатқа жақындатын жобалар мен бастамаларды жылжыту арқылы ұйымдар мен тұтынушыларға қоршаған орта жауапкершілік туралы жеткізу пайдалы болып табылады. Дегенмен, ауыл шаруашылығын жасылдандырудың дамытудың жалпы мақсаттары ластанудың түрлерін болдырмау, топырақ құнарлығын қамтамасыз

ету болып табылады. Мемлекет тарапынан қоршаған ортаға байланысты құқықтық стандарттарды жаңарта отырып, оны тиісті мекемелерге енгізуді талап етеді. Яғни, мұндай жаңарту стандарттары «жасыл бизнес» шығындарын қысқартады.

Ауыл шаруашылығында жасыл маркетингті енгізу өндірушілер мен тұтынушылар қысқа және ұзақ мерзімді перспективада органикалық өнімдермен байланысты шығын мен пайданы қамтиды. Осылайша, Қазақстанда органикалық шаруашылықты жылжыту, жасыл маркетинг артықшылықтарын ілгерілету, жасыл бизнесті қолдау маңызды рөл атқарады.

Жасыл маркетинг арқылы органикалық ауыл шаруашылығын дамыту тұрақты даму контекстінде адам денсаулығының жай-күйін, экология мен экономиканы жақсарту үшін пайдалы болып табылады.

ӘДЕБИЕТТЕР ТІЗІМІ

1. Luchs M., Phipps M., Hill T. Exploring consumer responsibility for sustainable consumption // *Journal Marketing and Management*. – 2015. – 31. – P. 1449-1471.
2. Kafle B. Factors affecting adoption of organic vegetable farming in chitwan district // *World Journal of Agricultural Sciences*. – 2011. – 7(5). – P. 604-606.
3. Marc L., Gregory M. Green marketing in Europe and the United States: An evolving business and society interface // *International Business Review*. – 1995. – 4(3). – P. 295-312.
4. Aceleanu M. Sustainability and competitiveness of Romanian farms through organic agriculture // *Sustainability*. – 2016. – 4(3). – P. 2-19.
5. Michelsen J. The role of Research, Information and Communication // In *Organic Agriculture: Sustainability, Market and Policies*. – 2003. – P. 367-377.
6. Булхайрова Ж. С., Сулейменова Г. Н., Орынбасарова А. А. Organic agriculture: Realities and prospects in Kazakhstan // *Проблемы агрорынка*. – 2020. – № 2. – С. 60-66.
7. Григорук В. В., Климов Е. В. Органическое сельское хозяйство: концептуальная позиция // *Проблемы агрорынка*. – 2020. – № 3. – С. 88-101.
8. Crowder D., Reganold J. Financial competitiveness of organic agriculture on a global scale // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. – 2015. – 112. – P. 7611-7616. – DOI: 10.1073/pnas.1423674112.
9. Offermann F. The influence of the EU common agricultural policy on the competitiveness of organic farming // In *Organic Agriculture: Sustainability, Market and Policies*. – 2003. – P. 329-334.
10. Hokazono S., Hayashi K. Variability in environmental impacts during conversion from conventional to organic farming: a comparison among three rice production systems // *Journal of Cleaner Production*. – 2012. – 28. – P. 101-112.
11. Қарабасов Р., Пягай А., Беспяева Р. Қазақстандағы органикалық ауыл шаруашылықты жүргізудің экономикалық тиімділігі // *Вестник Университета Туран*. – 2022. – 4(96). – С. 39-49.
12. Orlund K. Norwegian experience with conversion and support payments for organic farming // In *Organic Agriculture: Sustainability, Market and Policies*. – 2003. – P. 337-343.
13. Agriculture, Value added (% of GDP) [Электронды ресурс] // World Bank [web-сайт]. – n.d. – URL: <http://data.worldbank.org> (Қарау уақыты: 20.01.2024).
14. Ауыл, орман, аңшылық және балық шаруашылығы статистикасы [Электронды ресурс] // Қазақстан Республикасы стратегиялық жоспарлау және реформалар агенттігінің Ұлттық статистика бюросы [web-сайт]. – 2023. – URL: <https://stat.gov.kz/industries/business-statistics/stat-forrest-village-hunt-fish/> (Қарау уақыты 10.01.2024).
15. Lohr L., Park T. Local selling decisions and the technical efficiency of organic farms // *Sustainability*. – 2010. – 2(1). – P. 189-203.
16. Pociovălișteanu D. M., Novo-Corti I., Aceleanu M. I., Șerban A. C., & Grecu E. Employment policies for a green economy at the European Union level // *Sustainability*. – 2015. – 7(7). – P. 9231-9250.
17. Cvijanović, D., Mihailović, B., Čavlin, M., & Čavlin, G. Impact of marketing consulting on performances of agrarian clusters in Serbia // *Sustainability*. – 2015. – 7(2). – P. 1099-1115.

18. Peattie K. Environmental marketing management, meeting the green challenge: Monograph. – Pitman Publishing, 1995. – 309 p.
19. Nedumaran G., Manida M. Green marketing: impact of the agriculture products. – 2019. – 10 p. – DOI: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3522464>.
20. Mandavi M. Role of eco-friendly agricultural practices in Indian agriculture development // International journal of agriculture and food science technology. – 4. – 2013. – P. 11-15.
21. Pride W., Ferrel O. Marketing: Concepts and Strategies. 8th Edition. – Houghton Mifflin School, 1993. – 808 p.
22. Meffert H. Marketing-Management: Analyse-Strategi-Implementierung. – Springer: Berlin, Germany, 2013. – 516 p.
23. Ottman J. A., Stafford E. R., Hartman C. L. Avoiding green marketing myopia: Ways to improve consumer appeal for environmentally preferable products // Environment: science and policy for sustainable development. – 2006. – 48(5). – P. 22-36.

REFERENCES

1. Luchs, M., Phipps, M., & Hill, T. (2015). Exploring consumer responsibility for sustainable consumption. *Journal of Marketing and Management*, 31, 1449-1471.
2. Kafle, B. (2011). Factors affecting adoption of organic vegetable farming in Chitwan district. *World Journal of Agricultural Sciences*, 7(5), 604-606.
3. Marc, L., & Gregory, M. (1995). Green marketing in Europe and the United States: An evolving business and society interface. *International Business Review*, 4(3), 295-312.
4. Aceleanu, M. (2016). Sustainability and competitiveness of Romanian farms through organic agriculture. *Sustainability*, 4(3), 2-19.
5. Michelsen, J. (2003). The role of research, information and communication. In *Organic Agriculture: Sustainability, Market and Policies*. 367-377.
6. Bulhairova, Zh. S., Sulejmenova, G. N., & Orynbasarova, A. A. (2020). Organic agriculture: Realities and prospects in Kazakhstan. *Problemy agrorynka*, 2, 60-66.
7. Grigoruk, V. V., & Klimov, E. V. (2020). Organicheskoe sel'skoe hozyajstvo: konceptual'naya poziciya. *Problemy agrorynka*, 3, 88-101.
8. Crowder, D., & Reganold, J. (2015). Financial competitiveness of organic agriculture on a global scale. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 112, 7611-7616. <https://doi.org/10.1073/pnas.1423674112>.
9. Offermann, F. (2003). The influence of the EU common agricultural policy on the competitiveness of organic farming. In *Organic Agriculture: Sustainability, Market and Policies*. 329-334.
10. Hokazono, S., & Hayashi, K. (2012). Variability in environmental impacts during conversion from conventional to organic farming: A comparison among three rice production systems. *Journal of Cleaner Production*, 28, 101-112.
11. Karabasov, R., Pyagaj, A., & Bespaeva, R. (2022). Kazakstandagy organikalyk auyly sharuashylykty zhyrgizudin ekonomikalyk tiimdiligi. *Vestnik Universiteta Turan*, 4(96), 39-49 (In Kazakh).
12. Orlund, K. (2003). Norwegian experience with conversion and support payments for organic farming. In *Organic Agriculture: Sustainability, Market and Policies*, 337-343.
13. World Bank. (n.d.). Agriculture, value added (% of GDP). Retrieved January 20, 2024, from <http://data.worldbank.org>.
14. Statistics of agriculture, forestry, hunting and fisheries. (2023). National Bureau of Statistics of the Agency for Strategic Planning and Reforms of the Republic of Kazakhstan. Retrieved January 10, 2024, from <https://stat.gov.kz/industries/business-statistics/stat-forrest-village-hunt-fish/> (In Kazakh)
15. Lohr, L., & Park, T. (2010). Local selling decisions and the technical efficiency of organic farms. *Sustainability*, 2(1), 189-203.

16. Pociovălișteanu, D. M., Novo-Corti, I., Aceleanu, M. I., Șerban, A. C., & Grecu, E. (2015). Employment policies for a green economy at the European Union level. *Sustainability*, 7(7), 9231-9250.
17. Cvijanović, D., Mihailović, B., Čavlin, M., & Čavlin, G. (2015). Impact of marketing consulting on performances of agrarian clusters in Serbia. *Sustainability*, 7(2), 1099-1115.
18. Peattie, K. (1995). *Environmental marketing management, meeting the green challenge* (Monograph). Pitman Publishing. 309 p.
19. Nedumaran, G., & Manida, M. (2019). *Green marketing: Impact of the agriculture products*. 10p. DOI: <https://doi.org/10.2139/ssrn.3522464>.
20. Mandavi, M. (2013). Role of eco-friendly agricultural practices in Indian agriculture development. *International Journal of Agriculture and Food Science Technology*, 4, 11-15.
21. Pride, W., & Ferrel, O. (1993). *Marketing: Concepts and strategies* (8th ed.). Houghton Mifflin School. 808 p.
22. Meffert, H. (2013). *Marketing-Management: Analyse-Strategi-Implementierung*. Springer. 516 p.
23. Ottman, J. A., Stafford, E. R., & Hartman, C. L. (2006). Avoiding green marketing myopia: Ways to improve consumer appeal for environmentally preferable products. *Environment: Science and Policy for Sustainable Development*, 48(5), 22-36.

THE ROLE OF GREEN MARKETING STRATEGY IN THE SUSTAINABILITY OF ORGANIC AGRICULTURE

B. B. Bolatbek^{1*}, G. S. Satbayeva¹, A. M. Duisebayeva¹

¹Narxoz University, Almaty, Republic of Kazakhstan

ABSTRACT

The purpose of the study is to determine whether Green marketing can be a useful strategy to support the development of organic agriculture in Kazakhstan in order to be competitive with highly developed countries.

Methodology. Taking into account research data on the evolution and modern features of organic agricultural land in Kazakhstan, such research methods as synthesis, comparison and statistical analysis are used.

Originality / value of the study – in the sustainability of organic agriculture, the green marketing strategy is relevant because it has a significant impact on the development of Agriculture. This study is aimed at studying green marketing in the organic agricultural market of Kazakhstan, depending on the level.

Research results. The study identified important findings to support and empower green marketing strategies in organic agriculture. These results contribute to understanding the existing problems in the field of organic agriculture and provide recommendations for their solution.

Keywords: green business, green marketing, organic agriculture, environmental consumers, sustainable development.

РОЛЬ СТРАТЕГИИ ЗЕЛЕННОГО МАРКЕТИНГА В УСТОЙЧИВОСТИ ОРГАНИЧЕСКОГО СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Б. Б. Болатбек^{1*}, Г. С. Сатбаева¹, А. М. Дуйсебаева¹

¹ Университет Нархоз, Алматы, Республика Казахстан

АННОТАЦИЯ

Цель исследования – определить, может ли зеленый маркетинг быть полезной стратегией для поддержки развития органического сельского хозяйства Казахстана с целью повышения конкурентоспособности с высокоразвитыми странами.

Методология. С учетом данных исследований об эволюции и современных особенностях земель органического сельского хозяйства Казахстана используются такие методы исследования, как синтез, сравнение и статистический анализ.

Оригинальность / ценность исследования заключается в том, что в устойчивости органического сельского хозяйства актуальна стратегия зеленого маркетинга, поскольку она оказывает значительное влияние на развитие сельского хозяйства. Данное исследование направлено на изучение зеленого маркетинга на рынке органического сельского хозяйства Казахстана в зависимости от его уровня.

Результаты исследования. Исследование выявило важные выводы для поддержки и расширения возможностей стратегии зеленого маркетинга в органическом сельском хозяйстве. Эти результаты способствуют пониманию стоящих проблем в области органического сельского хозяйства и дают рекомендации по их решению.

Ключевые слова: зеленый бизнес, зеленый маркетинг, органическое сельское хозяйство, экологические потребители, устойчивое развитие.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ

Болатбек Ботагөз Болатбекқызы – докторант, Нархоз Университеті, Алматы, Қазақстан Республикасы, email: botagoz.bolatbekkyzy@gmail.com; ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0004-2725-7137>*

Сәтбаева Гүлбаршын Сатановна – экономика ғылымдарының кандидаты, аға оқытушы, Нархоз Университеті, Алматы, Қазақстан Республикасы, gulbarshyn.satbaeva@narхоз.kz; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9733-8398>.

Дүйсебаева Айжан Матаевна – PhD, Нархоз Университеті, Алматы, Қазақстан Республикасы, email: aizhan.duisebaeva@narхоз.kz; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7296-6877>.

МРНТИ 05.11.15; 05.11.21

JEL Classification: J1

DOI: <https://doi.org/10.52821/2789-4401-2024-1-64-79>

ОСОБЕННОСТИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПЕРЕХОДА В РЕГИОНАХ КАЗАХСТАНА

Ю. К. Шокаманов^{1*}, У. М. Ысқақов², А. Ә. Демесінова¹

¹Алматинский гуманитарно-экономический университет, Алматы, Республика Казахстан

²Университет Нархоз, Алматы, Республика Казахстан

АННОТАЦИЯ

Цель исследования – выявить особенности демографического перехода в регионах Казахстана.

Методология исследования. Исследование проведено на основе сравнения общих показателей рождаемости, смертности и естественного прироста по регионам Казахстана за 2000 и 2022 годы, а также половозрастной структуры населения по регионам на начало 2023 годы. В зависимости от значений общих показателей воспроизводства населения регионы Казахстана разбиты на 5 групп. Аналогично сделана группировка по типу воспроизводственной структуры на основе шкалы Г. Зунберга.

Оригинальность / ценность исследования. Полученные данные позволили оценить ситуацию с воспроизводством населения по регионам Казахстана и выполнить их классификацию с позиции демографического перехода.

Результаты исследования. Результаты исследования показали, как значительное расхождение в демографической ситуации между регионами, так и ее изменение с 2000 по 2022 год. Так, по общему показателю естественного прироста в 2000 году более трети регионов (6 из 16) входило в первую группу (низкий уровень естественного прироста), а в 2022 году – только пятая часть (4 региона из 20). Результаты группировки регионов по шкале Зунберга показали хорошую сопоставимость с результатами группировки регионов по общему коэффициенту естественного прироста. Различие объясняется тем, что группировка регионов по шкале Зунберга отражает ситуацию, которая сложилась в регионах за длительный период времени, а группировка регионов по общему коэффициенту естественного прироста отражает ситуацию только за 2022 год.

Ключевые слова: демографический переход, модель демографического перехода, этапы демографического перехода, общие коэффициенты воспроизводства населения, возрастная шкала Г. Зунберга, типы возрастной структуры, группировки регионов.

Благодарности: Статья подготовлена в рамках реализации грантового исследования Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан «Казахстанская модель демографического перехода и возможности устойчивого социально-экономического развития страны» (ИРН AP19679152).

ВВЕДЕНИЕ

Среди пяти глобальных тенденций современного мира, указанных в отчете Сети экономистов Организации Объединенных Наций (ООН) к 75-летию ООН, наряду с изменением климата, урбанизацией, появлением цифровых технологий и неравенства были названы демографические перемены [1]. При этом, если для каждой из остальных четырех мегатенденций были определены свои Цели устойчивого развития (ЦУР) в соответствии с Повесткой дня до 2030 года, то демографические изменения были отражены сразу в нескольких ЦУР. Это связано с их особой ролью, которая оказывает свое влияние на все остальные мегатенденции и устойчивое развитие в целом.

Роль демографических изменений в развитии отдельных стран и их регионов была описана в публикации Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), посвященной развитию экономики и занятости на местном уровне [2]. Отмечено, что на местном уровне они по-разному влияют на страны мира. В частности, численность населения многих городов и регионов в странах ОЭСР сокращается из-за снижения уровня рождаемости в них, несмотря на некоторый рост ее за счет миграции. В результате появились и начали усиливаться проблемы в их социально-экономическом развитии. Чтобы решить эти проблемы правительствам необходимо принять политические меры с участием других социальных партнеров и общественных организаций.

Несмотря на то, что в регионе Европейского союза с 1960 года население выросло на четверть за 55 лет, в последнее время оно увеличивается очень медленно и по прогнозам будет сокращаться в долгосрочной перспективе [3]. Все регионы Европейского союза (ЕС) уже страдают от таких демографических последствий как старение население. А в сельских регионах уже наблюдается массовая депопуляция по причине другой массовой тенденции, когда молодые и продуктивные люди детородного возраста уезжают в города. В результате село ускоренно стареет и сокращается по численности населения.

В недавней публикации Азиатского банка развития также отмечается, что демография является основной движущей силой экономического роста и социального развития [4]. При этом как развитые страны Азии и Европы, так и развивающиеся страны региона сталкиваются со своими специфическими проблемами происходящих в них демографических изменений. Так, если в первой группе стран происходит старение общества, то во второй происходят быстрые изменения в возрастной структуре населения. Авторы публикации ожидают, что результаты анализа особенностей демографического перехода в этих странах помогут в разработке политических мер для обеспечения устойчивого развития.

В арабских странах одной из основных современных проблем в области народонаселения является международная миграция [5]. Быстрый рост населения в этих странах приводит к эмиграции большого количества людей трудоспособного возраста в целях трудоустройства и получения более высоких доходов. В то же время благодаря эффективной экономической политике и инвестициям арабские страны могут воспользоваться появившимся экономическим бонусом и добиться более высокого экономического роста. В этой связи Экономическая и социальная комиссия для Западной Азии (ЭСКЗА) в соответствии с рекомендациями Международной конференции по народонаселению и развитию (МКНР, 1994 г.), призывает включить проблему народонаселения в процесс социально-экономического планирования с целью реализации стратегии по обеспечению всем людям возможности остаться и работать в своей стране.

Урбанизация также является одним из явлений современности, тесно связанным с демографическими процессами. Так, в статье Чинмэя Тумбе рассматривается природа этого явления в Индии с 1870 по 2020 годы на фоне разворачивающегося демографического перехода [6]. На региональном уровне прослеживается тесная связь между урбанизацией и экономическим ростом. В то же время значительное расхождение между темпами естественного прироста в городских и сельских регионах замедлило темпы урбанизации.

На современный вызов в демографическом развитии Казахстана, а именно – начавшийся процесс старения населения страны – указывает также национальный координатор по населению, развитию и гендеру Фонда народонаселения ООН (ЮНФПА) Газиза Молдакулова [7]. Она отмечает, что это связано не только со снижением уровня рождаемости, но и с увеличением ожидаемой продолжительности жизни при рождении. По оценке ЮНФПА к 2050 году доля пожилых людей (старше 65 лет) в 99 странах составит более 30 % населения. А это ставит вопросы по обеспечению реализации принципов справедливости и солидарности между поколениями и внутри них.

Рональд Ли отмечает, что современные тенденции в области народонаселения начали складываться примерно с 1800 года в Европе, и сначала они были связаны со значительным снижением смертности благодаря успешным противоэпидемическим мероприятиям при сохранении высокого уровня

рождаемости, что привело к резкому увеличению численности населения [8]. Дальнейшее развитие было связано с постепенным снижением уровня рождаемости, что привело к сокращению естественного прироста населения. По оценке ООН, этот процесс во всем мире завершится к 2100 году. Численность населения за 300 лет возрастет в 10 раз, а соотношение пожилых людей и детей также увеличится в 10 раз. При этом ожидаемая продолжительность жизни при рождении увеличится в три раза, суммарный коэффициент рождаемости сократится с 6 до 2 детей на одну женщину. Процесс старения населения потребует решения множества проблем, начиная от планирования жизненного цикла до роста затрат на здравоохранение и пенсионное обеспечение.

Макс Розер обращает внимание на то, что снижение смертности и рождаемости само по себе не объясняет, почему численность населения растет [9]. Если бы эти процессы происходили одновременно, то население бы не росло. Причиной роста населения являются различные сроки изменений этих процессов, которые объясняются так называемой моделью «демографического перехода», включающей пять этапов (см. рисунок 1):

- 1) высокая смертность и высокая рождаемость, которая компенсирует высокую смертность. Прирост населения очень медленный;
- 2) падение смертности при высокой рождаемости обеспечивает быстрый рост населения;
- 3) при низкой смертности снижается рождаемость, что приводит к снижению темпов роста населения;
- 4) рождаемость снижается до уровня смертности. Численность населения стабилизируется;
- 5) пятый этап будет определяться уровнем рождаемости. От него будут зависеть дальнейшие изменения в численности населения: стабилизируется ли она на каком-то уровне, продолжит ли сокращаться или вновь начнет расти.

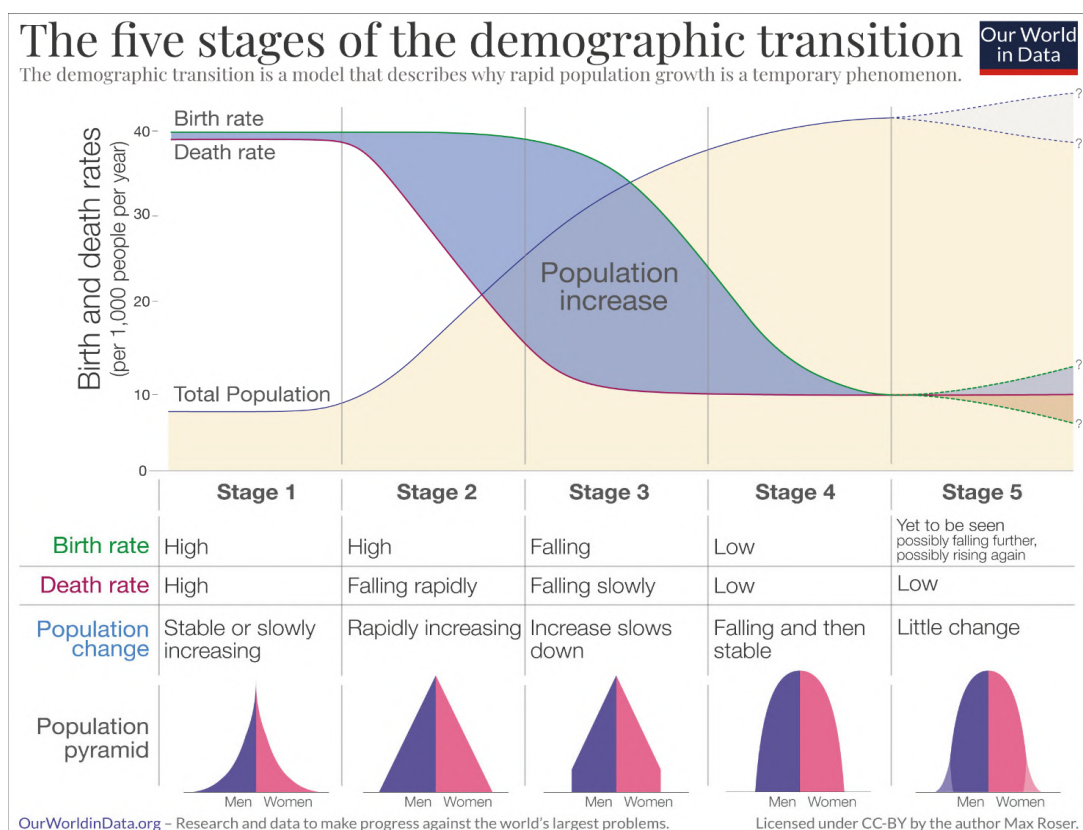

Рисунок 1 – Пять этапов демографического перехода

Примечание – приведено по источнику [9]

Демографический переход является явлением, присущим всему миру. То есть во всех странах всех регионов мира происходил и происходит процесс перехода от высоких уровней рождаемости и смертности к низким уровням этих показателей [10]. Начало этого процесса и темпы его развития различаются по регионам и странам, в результате чего в них наблюдаются различные тенденции динамики и старения населения. В то же время для всех стран характерен ряд общих черт изменений в смертности, рождаемости и миграции. В частности, они взаимодействуют с социально-экономическими и политическими процессами, наукой и технологиями, а также культурными изменениями.

Ряд авторов обращает внимание на то, что между демографическим переходом и социально-экономическими и политическими последствиями существует двухсторонняя причинно-следственная связь. В частности, Дэвид Кэннинг отмечает, что наблюдавшееся за последние 50 лет экзогенное снижение смертности привело затем к снижению рождаемости и росту урбанизации [11]. То есть социально-экономическое развитие обеспечивает сокращение смертности. Вследствие чего при сохранении рождаемости в течение какого-то периода страны получают так называемое «окно возможностей» для дальнейшего социально-экономического развития.

В то время как большинство исследователей считают демографические изменения зависящими от экономических процессов, ряд исследователей наглядно показывает, что для развитых стран демографические процессы были причиной их небывалого экономического и социального прогресса. В частности, Дэвид Рееер содержательно показал, что демографический переход повсеместно выступил в качестве важного источника социальных и экономических изменений [12]. Для европейских стран демографический переход открыл «окно возможностей» для социально-экономических преобразований на многие десятилетия, а в Испании и Швеции более, чем на сто лет.

Опыт развитых стран по принимаемым мерам в условиях демографического перехода можно использовать в странах переходной экономики. Об этом говорится в недавней статье директора и постоянного представителя Всемирного банка в России Рено Селигманна [13]. Так он предлагает для решения демографических проблем в России осуществление мер по привлечению трудовых мигрантов, увеличению инвестиций в человеческий капитал молодежи и обеспечению активного долголетия.

В недавнем исследовании, проведенном в России по данным 74 субъектов Российской Федерации за 1997-2017 годы, было подтверждено влияние демографического дивиденда на экономический рост в 1997-2008 годах [14]. В 2009 году знак демографического дивиденда изменился на отрицательный. Возрастная структура населения стала тормозить экономический рост. В то же время развитие человеческого капитала частично компенсировало отрицательный эффект структурного демографического фактора.

Результаты еще одного проведенного в России исследования показали, что две особенности стран, уже переживших демографический переход – прекращение роста населения и рост общего коэффициента демографической нагрузки – усугубляют ситуацию в отношении России в связи с сильно деформированной социальными и военными потрясениями XX века демографической пирамиды [15]. В результате этого страна вступает в настоящее время в длительный период неблагоприятных демографических изменений, связанных как с прекращением роста общей численности населения, так и сокращением трудоспособного населения, а также со старением населения, ростом коэффициента демографической нагрузки. Все это будет сдерживать экономическое развитие и затруднит решение социальных проблем.

Анализ демографических процессов в странах СНГ и предварительная оценка демографического перехода в них были выполнены в исследовании В. А. Безвербного и Л. И. Бардаковой [16]. По их мнению, Казахстан в настоящее время находится на третьем этапе демографического перехода и движется к четвертому. При этом, они отмечают, что теория демографического перехода не вполне полно объясняет тенденции демографического развития стран СНГ после распада СССР. В частности, в период 2008-2012 гг. в большинстве стран СНГ уровни рождаемости и естественного прироста населения не только вернулись к их значениям на начало 1990-х гг., но даже продемонстрировали более

высокие значения. Одновременно в странах наблюдается постепенное старение населения, поэтому в ближайшее время они столкнутся с проблемами социально-экономического развития, которые уже имеют в настоящее время экономически развитые страны. Из этого следует вывод, что важно вовремя воспользоваться «окном возможностей» для экономических и социальных преобразований и развития человеческого потенциала в стране.

Анализ современных демографических процессов в Казахстане приведен в опубликованном в 2020 году Докладе при поддержке ЮНФПА «Анализ положения в области народонаселения в Республике Казахстан» [17]. Нашей целью было обновить данные и выявить особенности демографического развития регионов страны на основе сравнительного анализа общих показателей рождаемости, смертности и естественного прироста за 2000 и 2022 годы [18-19].

Помимо этого, были проанализированы данные по численности населения по Казахстану и его регионам по однолетним возрастам на начало 2023 года [20]. Показатели структуры по полу и возрасту, рассчитанные на их основе, относятся к важнейшим характеристикам демографического развития, оказывающим существенное влияние на социально-экономическое развитие страны. Они влияют на производительность труда, масштабы инфляции и распределение доходов, определяют деятельность государства в области семейной политики, развития системы образования и подготовки кадров, здравоохранения, жилищной политики, сферы услуг, формирования структуры занятости [21].

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Методология. Исследование проведено на основе сравнения общих показателей рождаемости, смертности и естественного прироста по регионам Казахстана за 2000 и 2022 годы, а также половозрастной структуры населения по регионам на начало 2023 годы. В зависимости от значений общих показателей воспроизводства населения регионы Казахстана разбиты на 5 групп. Аналогично сделана группировка по типу воспроизводственной структуры на основе шкалы Г. Зунберга.

Как известно, для сравнения демографического развития стран или регионов используют не абсолютные показатели, а целую систему демографических коэффициентов, которые не зависят от численности населения сравниваемых стран или регионов [22, с. 35-42]. В их число входят общие, возрастные, специальные и суммарные коэффициенты.

Для выявления особенностей демографических процессов по регионам могут быть использованы общие коэффициенты рождаемости, смертности и естественного прироста. В таблице 1 приведены значения этих коэффициентов в разрезе регионов для 2000 и 2022 годов.

Таблица 1 – Общие демографические коэффициенты Казахстана и его регионов в 2000 и 2022 годах (промилле)

Регион	2000 год			2022 год		
	рождаемость	смертность	естеств. прирост	рождаемость	смертность	естеств. прирост
Казахстан	14,92	10,10	4,82	20,57	6,80	13,77
Абай				17,73	8,94	8,79
Акмолинская	12,79	11,80	0,99	14,69	9,11	5,58
Актюбинская	14,70	10,20	4,50	20,92	6,12	14,80
Алматинская	15,28	9,10	6,18	23,44	6,36	17,08
Атырауская	18,60	8,90	9,70	24,97	5,19	19,78
Западно-Казахстанская	12,85	10,60	2,25	18,28	8,06	10,22
Жамбылская	17,26	9,10	8,16	22,01	5,98	16,03

Жетысу				20,19	7,09	13,10
Карагандинская	11,66	12,10	-0,44	14,81	10,11	4,70
Костанайская	11,05	11,90	-0,85	12,50	10,65	1,85
Кызылординская	21,23	7,50	13,73	25,07	5,45	19,62
Мангистауская	19,48	7,60	11,88	28,53	4,05	24,48
Павлодарская	11,33	10,80	0,53	14,10	9,95	4,15
Северо-Казахстанская	11,32	12,60	-1,28	10,96	11,63	-0,67
Туркестанская	22,84	6,90	15,94	27,67	4,63	23,04
Улытау				20,74	8,91	11,83
Восточно-Казахстанская	11,29	12,50	-1,21	12,96	11,58	1,38
г. Астана	10,87	7,20	3,67	22,87	4,00	18,87
г. Алматы	13,19	10,80	2,39	16,94	5,73	11,21
г. Шымкент				27,13	4,28	22,85
Примечание – составлено авторами на основе данных динамических рядов Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам: 1) Родившиеся.xlsx (live.com); 2) Умершие.xlsx (live.com)						

Результаты и обсуждение. Следует иметь в виду, что если общие коэффициенты рождаемости и смертности в принципе сопоставимы и имеют положительное значение, то общий коэффициент естественного прироста может существенно отличаться от этих коэффициентов и иметь как положительные, так и отрицательные значения. Так, например, если для 2000 года общий коэффициент рождаемости по регионам Казахстана находился в пределах 10,87-22,84 промилле, общий коэффициент смертности – в пределах 6,90-12,60 промилле, то общий коэффициент естественного прироста по регионам различался от -1,28 до +15,94 промилле.

В целом по Казахстану можно отметить улучшение ситуации по всем компонентам демографического развития. Так, общий коэффициент рождаемости вырос с 14,92 промилле до 20,57 промилле, общий коэффициент смертности, наоборот, снизился с 10,10 промилле до 6,80 промилле, а отрицательное значение общего коэффициента естественного прироста сократилось по абсолютной величине с -1,28 промилле до -0,67 промилле.

В целях анализа особенностей демографических процессов в регионах Казахстана каждый показатель сгруппируем в 5 групп с равными интервалами в пределах от минимального до максимального его значения. Для этого сначала определим максимальные и минимальные значения этих коэффициентов, а затем разобьём интервал между ними на пять подинтервалов (квинтилей) и присвоим номера этих подинтервалов регионам. Причем для больших значений общих коэффициентов рождаемости и естественного прироста дадим большие номера квинтилей, а для меньших – меньшие. Для общих же коэффициентов смертности поступим наоборот. Чем больше номер квинтиля общих коэффициентов, тем лучше значение показателя. Результаты расчетов приведены в таблице 2.

Рассмотрим результаты по каждому коэффициенту в отдельности. При этом следует иметь в виду, что в 2000 году ряд новых регионов Казахстана входил в состав других регионов. К их числу относится Шымкент, который до 2018 года входил в состав Южно-Казахстанской области, переименованной в Туркестанскую область. Также с 2022 года выделены из состава ряда регионов область Абай (из Восточно-Казахстанской области), Жетысу (из Алматинской области) и область Улытау (из Карагандинской области).

Общий коэффициент рождаемости. По таблице 2 можно обратить внимание на то, что в 2000 году по общему коэффициенту рождаемости было неравномерное распределение регионов по группам, в

то время как в 2022 году оно было равномерным. Так, в 2000 году более половины регионов (9 из 16) входило в первую группу, а в 2022 году – только 20 % (4 региона из 20). Причем в каждой из остальных групп находилось также по 4 региона.

Все 4 региона из первой группы в 2022 году находились в этой же группе и в 2000 году. К ним относятся Костанайская, Павлодарская, Северо-Казахстанская и Восточно-Казахстанская области. Из состава первой группы в 2000 году во вторую группу в 2022 году перешли Акмолинская, Карагандинская области и город Алматы. В третью группу перешла Западно-Казахстанская область, в четвертую – город Астана. В 2022 году из состава Восточно-Казахстанской области вышла область Абай, которая вошла во вторую группу, а из состава Карагандинской области вышла область Улытау, вошедшая в третью группу.

Таблица 2 – Группы регионов Казахстана по общим демографическим показателям в 2000 и 2022 годах (квинтиль)

Регион	Общий коэффициент рождаемости		Общий коэффициент смертности		Общий естественного прироста	
	2000	2022	2000	2022	2000	2022
Казахстан	2	3	3	4	2	3
Абай		2		2		2
Акмолинская	1	2	1	2	1	2
Актюбинская	2	3	3	4	2	4
Алматинская	2	4	4	4	3	4
Атырауская	4	4	4	5	4	5
Западно-Казахстанская	1	3	2	3	2	3
Жамбылская	3	4	4	4	3	4
Жетысу		3		3		3
Карагандинская	1	2	1	1	1	2
Костанайская	1	1	1	1	1	1
Кызылординская	5	5	5	5	5	5
Мангистауская	4	5	5	5	4	5
Павлодарская	1	1	2	2	1	1
Северо-Казахстанская	1	1	1	1	1	1
Туркестанская	5	5	5	5	5	5
Улытау		3		2		3
Восточно-Казахстанская	1	1	1	1	1	1
г. Астана	1	4	5	5	2	4
г. Алматы	1	2	2	4	2	3
г. Шымкент		5		5		5
Количество регионов:						
1-й квинтиль	9	4	5	4	6	4
2-й квинтиль	2	4	3	4	4	3

Регион	Общий коэффициент рождаемости		Общий коэффициент смертности		Общий естественного прироста	
	2000	2022	2000	2022	2000	2022
3-й квинтиль	1	4	1	2	2	4
4-й квинтиль	2	4	3	4	2	4
5-й квинтиль	2	4	4	6	2	5
Всего регионов	16	20	16	20	16	20
Примечание – составлено авторами на основе таблицы 1						

Во второй группе в 2000 году было 2 области – Актюбинская и Алматинская. Первая из них перешла в 2022 году в третью группу, вторая – в четвертую. При этом следует учитывать, что в 2022 году из состава Алматинской области вышла область Жетысу, которая по показателю общий коэффициент рождаемости вошла в третью группу.

В третьей группе в 2000 году находилась только Жамбылская область, которая в 2022 году перешла в четвертую группу.

В четвертой группе в 2000 году находились Атырауская и Мангистауская области. Первая из них осталась в этой группе и в 2022 году, а вторая перешла в пятую группу.

В пятой группе в 2000 году были также две области – Кызылординская и Туркестанская (именуемая тогда Южно-Казахстанской областью, в которую входил и город Шымкент). В 2022 году они остались в составе пятой группы. При этом следует иметь в виду, что город Шымкент вышел из состава Туркестанской области и также вошел в состав пятой группы.

Общий коэффициент смертности. По общему коэффициенту смертности регионы Казахстана распределялись в квинтильные группы как в 2000, так и в 2022 году более равномерно.

Четыре региона находились в первой группе и в 2000, и в 2022 годах: Карагандинская, Костанайская, Северо-Казахстанская и Восточно-казахстанская области. В 2000 году в составе первой группы находилась также Акмолинская область, которая затем перешла во вторую группу.

Во второй группе в 2000 году находилось три региона: Западно-Казахстанская, Павлодарская области и город Алматы. В 2022 году осталась в своей группе Павлодарская область, а Западно-Казахстанская область перешла в третью группу, город Алматы – в четвертую. Также во вторую группу в 2022 году вошли вновь образованные области Абай и Улытау.

В третьей группе в 2000 году находилась только Актюбинская область, которая в 2022 году перешла в четвертую группу. В 2022 году в состав третьей группы вошли Западно-Казахстанская область и область Жетысу.

В составе четвертой группы в 2000 году были Алматинская, Атырауская и Жамбылская области, из которых Атырауская перешла в 2022 году в пятую группу, а остальные остались в своей группе. Кроме того, в 2022 году в состав четвертой группы вошли Актюбинская область и город Алматы.

В пятой группе в 2000 году были четыре региона: Кызылординская, Мангистауская, Туркестанская области и город Астана. Все они остались в составе этой группы и в 2022 году, к которым присоединились также Атырауская область и город Шымкент.

Общий коэффициент естественного прироста. По общему коэффициенту естественного прироста размах значений показателя по регионам весьма значительный. При этом в 2000 году в пятой группе регионов находились только Кызылординская и Туркестанская (Южно-Казахстанская) области, в четвертой группе – Атырауская и Мангистауская области, в третьей – Алматинская и Жамбылская. Во вторую группу, показатели которой сравнимы со среднереспубликанскими, входили четыре региона – Актюбинская, Западно-Казахстанская, области и города Астана и Алматы. В первой группе

находились 4 региона с отрицательными значениями коэффициентов прироста – Карагандинская, Костанайская, Северо-Казахстанская и Восточно-Казахстанская области, а также Акмолинская и Павлодарская области с очень низкими значениями общего коэффициента прироста.

В 2022 году ситуация заметно улучшилась. В состав пятой группы дополнительно вошли Атырауская и Мангистауская области, ранее входившие в четвертую группу, а также город Шымкент, после выделения его из состава Южно-Казахстанской области. Состав четвертой группы полностью обновился. В нее вошли Актюбинская, Алматинская, Жамбылская области и город Астана. В состав третьей группы перешли из второй группы Западно-Казахстанская область и город Алматы, а также вошли выделившиеся из состава других регионов области Жетысу и Улытау. Во вторую группу перешли из первой Акмолинская и Карагандинская области, а также вошла область Абай, выделившаяся из состава Восточно-Казахстанской области. В составе первой группы остались Костанайская, Павлодарская, Северо-Казахстанская и Восточно-Казахстанская области.

Выводы по общим демографическим коэффициентам. Подводя итоги по показателям естественного движения населения (рождаемости и смертности), можно отметить, что к группе с наилучшими значениями общих коэффициентов рождаемости и смертности относятся Кызылординская, Мангистауская, Туркестанская области. По общему коэффициенту смертности в пятую группу в 2022 году также входят Атырауская область и города Астана и Шымкент.

И, наоборот, к регионам с критическими значениями показателей рождаемости и смертности относятся Костанайская, Северо-Казахстанская и Восточно-Казахстанская области. По общему коэффициенту смертности в первую группу в 2022 году также входит Карагандинская область.

В части общего коэффициента естественного прироста ситуация заметно улучшилась в 2022 году. Среднереспубликанский показатель стал сопоставим с показателями третьей группы регионов. В группе с наихудшими значениями показателя находилось 4 региона, при этом отрицательное значение этого показателя наблюдалось уже только у Северо-Казахстанской области, а с наилучшими – 5 регионов.

С точки зрения теории демографического перехода, ситуация с воспроизводством населения в регионах, входящих в пятую группу, может быть отнесена к концу второго-началу третьего этапов демографического перехода. А ситуация в регионах, относящихся к первой группе, характерна для конца четвертого этапа. В целом для Казахстана и регионов третьей группы воспроизводство населения характерно для переходного периода с третьего на четвертый этап демографического перехода.

Регионы Казахстана по возрастной шкале Зунберга. Ситуация с общими демографическими коэффициентами отражается в половозрастной пирамиде населения. В зависимости от нахождения волн в той или иной группе возрастов определяются соответствующие условия социально-экономического развития страны. Так, численность населения в возрасте 65 лет и старше характеризует ситуацию со старением населения. Согласно шкале демографического старения ООН, государство является молодым, если доля пожилых людей (65 лет и старше) составляет 4 % и менее, а если же она составляет 7 % и более, то старым. Наши расчеты по данным численности населения Казахстана по однолетним возрастам на начало 2009 и 2023 года [21] показали, что страна уже относится к старым государствам. В то же время на начало 2010-2015 годов доля пожилых людей в Казахстане не превышала 7 %, что связано с перемещением демографических волн по возрастам.

Б. Ц. Урланис в своей знаменитой книге «История одного поколения» рассмотрел различные возрастные классификации, предложенные другими учеными и исследователями [23]. В частности, Пифагор делил жизнь как времена года на четыре 20-летних периода: детство (весна) – до 20 лет, молодость (лето) – 20-40 лет, зрелость (осень) – 40-60 лет, старость (зима) – 60-80 лет. Многие из других рассмотренных классификаций связаны с трудовой деятельностью человека.

Однако есть и другие классификации. В общем виде ситуация с воспроизводством населения отражается также в возрастной шкале Г. Зунберга, в которой рассматриваются доли населения в возрасте 0-14 лет, 15-49 лет и 50 лет и старше [24]. Считается, что примерно половина населения имеет возраст 15-49 лет, а соотношение удельных весов населения в возрасте 0-14 лет и 50 лет и старше говорит о

ситуации с воспроизводством населения. Если оно находится на уровне 4, то структура населения прогрессивная, если 1,17 – стационарная, если же на уровне 0,67 – регрессивная (Таблица 3).

Таблица 3 – Типы возрастной структуры по Зунбергу (процентов)

Возрастная группа, лет	Возрастная структура		
	прогрессивная	стационарная	регрессивная
0–14	40	27	20
15–49	50	50	50
50 и старше	10	23	30
Отношение «0-14» к «50 и старше»	4	1,17	0,67
Примечание – приведено на основе источника [23, с.140]			

Разобьём регионы по этому коэффициенту на 5 групп со следующими значениями интервалов:

- 1) до 0,8 – регрессивная структура;
- 2) свыше 0,8 до 1,1 – слабо регрессивная структура;
- 3) свыше 1,1 и до 1,35 – стационарная структура;
- 4) свыше 1,35 и до 1,75 – слабо прогрессивная структура;
- 5) свыше 1,75 – прогрессивная структура.

Результаты расчетов приведены в таблице 4.

Таблица 4 – Население регионов Казахстана по возрастным группам по шкале Г. Зунберга на начало 2023 года

Регион	Удельный вес, %			K=(0-14)/ 50+	Группа регионов
	0-14 лет	15-49 лет	50+ лет		
Республика	29,5	47,0	23,5	1,26	3
Абай	26,4	43,9	29,7	0,89	2
Акмолинская	24,3	46,4	29,3	0,83	2
Актюбинская	30,6	46,6	22,8	1,34	3
Алматинская	31,2	46,8	21,9	1,43	4
Атырауская	34,1	46,2	19,6	1,74	4
Западно-Казахстанская	27,2	45,9	27,0	1,01	2
Жамбылская	32,8	45,4	21,9	1,50	4
Жетысу	30,2	44,5	25,2	1,20	3
Карагандинская	23,9	47,0	29,1	0,82	2
Костанайская	21,3	46,7	32,1	0,66	1
Кызылординская	34,5	45,4	20,1	1,71	4
Мангистауская	36,9	46,3	16,8	2,20	5
Павлодарская	23,3	46,0	30,7	0,76	1
Северо-Казахстанская	20,2	45,5	34,3	0,59	1

Регион	Удельный вес, %			$K=(0-14)/50+$	Группа регионов
Туркестанская	37,3	45,0	17,7	2,11	5
Улытау	29,3	45,2	25,4	1,15	3
Восточно-Казахстанская	21,5	44,6	33,9	0,63	1
г. Астана	29,0	52,9	18,1	1,60	4
г. Алматы	26,0	51,0	23,0	1,13	3
г. Шымкент	35,6	47,6	16,8	2,13	5

Примечание – расчеты удельных весов и коэффициента K сделаны авторами по данным Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам: Численность населения по однолетним возрастам.xlsx (live.com).

Как отсюда видно, полученные результаты группировки регионов по шкале Зунберга хорошо коррелируют с результатами группировки регионов по общему коэффициенту естественного прироста. Разница вызвана тем, что группировка регионов по шкале Зунберга отражает ситуацию, которая сложилась в регионах за длительный период времени, а группировка регионов по общему коэффициенту естественного прироста отражает ситуацию только за 2022 год.

Ориентируясь на группировку регионов по общему коэффициенту рождаемости, рассмотрим половозрастные пирамиды населения регионов.

Пирамиды первой группы этих областей отличаются нешироким основанием. Все они по шкале Зунберга относятся также к 1-й группе регионов. Численность населения в возрасте 0-14 лет в этих регионах составляет от 0,59 до 0,76 от численности населения в возрасте 50 лет и старше, то есть возрастная структура населения регионов является регрессивной.

Пирамиды второй группы регионов Казахстана по общему коэффициенту рождаемости также отличаются нешироким основанием. Все они, кроме города Алматы, по шкале Зунберга относятся ко 2-й группе регионов со слабо регрессивной структурой. Только город Алматы имеет стационарную возрастную структуру населения. Отношение детей к «прародителям» в Алматы составляет 1,13.

Половозрастные пирамиды третьей группы областей по общему коэффициенту рождаемости уже имеют более широкое основание. Можно сказать, что все они имеют стационарную структуру населения, за исключением Западно-Казахстанской области, у которой коэффициент «дети» / «прародители» составляет всего 1,01. Причем у Актыбинской области коэффициент равен 1,34, то есть структура уже ближе к слабо прогрессивной.

Пирамиды четвертой группы областей имеют заметно широкое основание. По классификации Зунберга они имеют слабо прогрессивную структуру населения со значениями коэффициента «дети» / «прародители» в пределах 1,43-1,74.

Пирамиды пятой группы областей имеют очень широкое основание. По классификации Зунберга структура населения этих областей, кроме Кызылординской области, является прогрессивной со значениями коэффициента «дети» / «прародители» в пределах 2,11-2,20. В Кызылординской области структура населения является слабо прогрессивной (1,71).

ПОЛУЧЕННЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ (ВЫВОДЫ)

Согласно модели демографического перехода, развитые страны уже прошли четыре этапа демографического перехода. Начало демографического перехода характеризуется высокими показателями рождаемости и смертности, в результате чего общая численность населения растет очень медленно. Затем на втором этапе наблюдается резкое снижение смертности при сохранении уровня рождаемости, что приводит к ускоренному росту численности населения. На третьем этапе начинает снижаться рождаемость, рост населения замедляется. И на четвертом этапе уровень рождаемости снижается

до уровня смертности, численность населения стабилизируется. Развивающиеся страны находятся на промежуточных этапах демографического развития.

Анализ общих показателей воспроизводства населения по Казахстану и его регионам показывает, что регионы Казахстана находятся на различных этапах демографического перехода – от конца второго до конца четвертого. В целом Казахстан имеет показатели воспроизводства населения, характерные концу третьего – началу четвертого этапа демографического перехода.

По своему демографическому развитию все регионы Казахстана можно разбить на 5 групп с точки зрения современного состояния воспроизводства населения, которое характеризуют общие показатели рождаемости, смертности и естественного прироста, а также с точки зрения сложившейся ситуации с воспроизводством населения за длительный период времени, находящей свое отражение в половозрастных пирамидах населения регионов, а также в соотношении численностей «дети» / «прародители» по шкале Зунберга.

Имеются 4 региона с регрессивной структурой населения (1-я группа): Костанайская, Павлодарская, Северо-Казахстанская и Восточно-Казахстанская области, в которых в настоящее время наблюдаются низкие значения общего коэффициента естественного прироста. Ситуация с воспроизводством населения в этих регионах характерна для конца четвертого этапа демографического перехода.

Также имеются 3 региона с прогрессивной структурой населения (5-я группа): Мангистауская, Туркестанская области и город Шымкент, в которых наблюдаются высокие значения общего коэффициента естественного прироста, характерные для конца второго – начала третьего этапов демографического перехода.

Первые будут испытывать в перспективе проблемы с экономическим развитием вследствие нехватки рабочей силы, а вторые, наоборот, будут иметь проблемы с избытком предложения рабочей силы. Государству будет необходимо проводить политику по регулированию внутренней миграции с тем, чтобы решить эти две проблемы.

5 регионов имеют слабо прогрессивную структуру населения по шкале Зунберга (4-я группа): Алматинская, Атырауская, Жамбылская, Кызылординская области и город Астана. Стационарную структуру населения имеют 4 региона (3-я группа): Актюбинская область, области Жетысу и Улытау, а также город Алматы. Слабо регрессивную структуру имеют также 4 региона (2-я группа): область Абай, Акмолинская, Западно-Казахстанская и Карагандинская области.

В целом регионы третьей группы можно отнести по воспроизводству населения характерного для переходного периода с третьего на четвертый этап демографического перехода.

Особенности демографических процессов в различных группах регионов потребуют проведения соответствующей государственной политики в области демографии и миграции.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Организация Объединенных Наций. Формирование тенденций нашего времени. Отчет Сети экономистов ООН к 75-летию ООН. – UN, 2020. – 13 с.
2. Martinez-Fernandez C., Martinez-Fernandez C., Kubo N., Noya A., Weyman T. Demographic change and local development: Shrinkage, regeneration and social dynamics. – Paris: OECD publishing, 2012. – 34 p.
3. Margaras V. Demographic trends in EU regions. European Parliamentary Research Service. – 2019. – 12 p.
4. Park S. C., Ogawa N., Kim C. J., Sirivunnabood P., Le T. H. Demographic Transition and Its Impacts in Asia and Europe. – Asian Development Bank Institute, 2021. – 382 p.
5. Shakoori B. Demographic transition and its implications on employment and international migration // Fourth Coordination Meeting on International Migration Population Division Department of Economic and Social Affairs United Nations Secretariat New York, Oct. – 2005. – P. 26-27
6. Tumbe C. Urbanization, Demographic Transition and the Growth of Cities in India, 1870-2020. Working paper. – IGC, 2016. – 39 p.

7. Moldakulova G. Kazakhstan is at a relatively early stage of demographic transition – population ageing [Электронный ресурс] // UNFPA [web-сайт]. – UNFPA Kazakhstan, 2020. – URL: <https://kazakhstan.unfpa.org/en/news/kazakhstan-relatively-early-stage-demographic-transition-population-ageing> (Дата обращения: 10.01.2024).
8. Lee R. D. Demographic Transition // In: The New Palgrave Dictionary of Economics. – Palgrave Macmillan, London, 2008. – Vol. 2. – P. 433-438. – DOI: https://doi.org/10.1057/978-1-349-95121-5_320-2.
9. Roser M. Demographic transition: Why is rapid population growth a temporary phenomenon? [Электронный ресурс] // Our World in Data [web-сайт]. – 2023. – URL: <https://ourworldindata.org/demographic-transition> (Дата обращения: 10.01.2024).
10. Willekens F. Demographic Transitions in Europe and the world. Max Planck Institute for Demographic Research (MPIDR). Working Paper 2014-004. – March 2014. – 32 p.
11. Canning D. The causes and consequences of demographic transition // Population Studies. – 2021. – № 65(3). – 353-361. – DOI: 10.1080/00324728.2011.611372.
12. Резр Д. Экономические и социальные последствия демографического перехода (перевод с английского) // Демографическое обозрение. – 2015. – № 1(4). – P. 41-67. – DOI: <https://doi.org/10.17323/demreview.v1i4.1802>.
13. Селигманн Р. Быстрый демографический переход: Какие уроки может извлечь Россия из опыта других стран // Коммерсантъ. – 2020. – № 26. – С. 2.
14. Калабихина И. Е., Казбекова З. Г. Влияние первого демографического дивиденда на экономический рост с учетом человеческого капитала // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2022. – № 3(55). – С. 81-100. – DOI: 10.31737/2221-2264-2022-55-3-5.
15. Vishnevsky A., Shcherbakova E (2018) A new stage of demographic change: A warning for economists // Russian Journal of Economics. – 2018. – № 4(3). – С. 229-248. – DOI: <https://doi.org/10.3897/rje.4.30166>.
16. Безвербный В. А., Бардакова Л. И. Демографический переход в странах СНГ: тенденции и предварительные итоги // ДЕМИС. Демографические исследования. – 2021. – № 1(3). – С. 11-22.
17. Министерство национальной экономики Республики Казахстан Комитет по статистике и ЮНФПА Казахстан. Анализ положения в области народонаселения в Республике Казахстан. Отчет при технической поддержке Фонда ООН в области народонаселения (ЮНФПА) в Казахстане. – 2019. – 149 с.
18. Родившиеся (по годам). Динамические ряды [Электронный ресурс] // Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам. – 2023. – URL: <https://stat.gov.kz/ru/industries/social-statistics/demography/dynamic-tables/> (Дата обращения: 27.11.2023).
19. Умершие (по годам). Динамические ряды [Электронный ресурс] // Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам. – 2023. – URL: <https://stat.gov.kz/ru/industries/social-statistics/demography/dynamic-tables/> (Дата обращения: 27.11.2023).
20. Численность населения по однолетним возрастам (по годам). Динамические ряды [Электронный ресурс] // Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам. – 2023. – URL: <https://stat.gov.kz/ru/industries/social-statistics/demography/dynamic-tables/> (Дата обращения: 27.11.2023).
21. Медков В. М. Демография: учебник. – М.: Инфра-М, 2007. – 683 с.
22. Калабихина И. Е., Калмыкова Н. М. Учебные материалы к курсу «Основы демографии»: учебное пособие. – М.: 2007. – 288 с.
23. Урланис Б. Ц. История одного поколения. – М., 1968. – 268 с.
24. Харченко Л. П. Демография: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Статистика» и др. экономическим специальностям. 3-е изд. – М.: Издательство «Омега-Л», 2009. – 350 с.

REFERENCES

1. Organizaciya Ob'edinennykh Nacij. (2020). Formirovanie tendencij nashego vremeni. Otchet Seti ekonomistov OON k 75-letiyu OON. UN. 13 p. (In Russian).
2. Martinez-Fernandez, C., Martinez-Fernandez, C., Kubo, N., Noya, A., & Weyman, T. (2012). Demographic change and local development: Shrinkage, regeneration and social dynamics. OECD Publishing. 34 p.
3. Margaras, V. (2019). Demographic trends in EU regions. European Parliamentary Research Service. 12 p.
4. Park, S. C., Ogawa, N., Kim, C. J., Sirivunnabood, P., & Le, T. H. (2021). Demographic Transition and Its Impacts in Asia and Europe. Asian Development Bank Institute. 382 p.
5. Shakoori, B. (2005). Demographic transition and its implications on employment and international migration. In Fourth Coordination Meeting on International Migration Population Division Department of Economic and Social Affairs United Nations Secretariat. New York, 26-27
6. Tumbe, C. (2016). Urbanization, Demographic Transition and the Growth of Cities in India, 1870-2020. IGC. 39 p.
7. Moldakulova, G. (2020). Kazakhstan is at a relatively early stage of demographic transition – population ageing. UNFPA Kazakhstan. Retrieved January 10, 2024, from <https://kazakhstan.unfpa.org/en/news/kazakhstan-relatively-early-stage-demographic-transition-population-ageing>.
8. Lee, R. D. (2008). Demographic Transition. In The New Palgrave Dictionary of Economics. Vol. 2, 433-438. Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1057/978-1-349-95121-5_320-2.
9. Roser, M. (2023). Demographic transition: Why is rapid population growth a temporary phenomenon?. Our World in Data. Retrieved January 10, 2024, from <https://ourworldindata.org/demographic-transition>.
10. Willekens, F. (2014). Demographic Transitions in Europe and the world. Max Planck Institute for Demographic Research (MPIDR). Working Paper 2014-004. 32 p.
11. Canning, D. (2021). The causes and consequences of demographic transition. Population Studies, 65(3), 353-361. <https://doi.org/10.1080/00324728.2011.611372>.
12. Reer, D. (2015). Ekonomicheskie i social'nye posledstviya demograficheskogo perekhoda (perevod s anglijskogo). Demograficheskoe obozrenie, 1(4), 41-67. <https://doi.org/10.17323/demreview.v1i4.1802> (In Russian).
13. Seligmann, R. (2020). Bystryj demograficheskij perekhod: Kakie uroki mozhet izvlech' Rossiya iz opyta drugih stran. Kommersant', (26), 2 (In Russian).
14. Kalabihina, I. E., & Kazbekova, Z. G. (2022). Vliyanie pervogo demograficheskogo dividenda na ekonomicheskij rost s uchetom chelovecheskogo kapitala. Zhurnal Novoj ekonomicheskoy associacii, 3(55), 81-100. <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2022-55-3-5> (In Russian).
15. Vishnevsky, A., & Shcherbakova, E. (2018). A new stage of demographic change: A warning for economists. Russian Journal of Economics, 4(3), 229-248. <https://doi.org/10.3897/j.ruje.4.30166>.
16. Bezverbnyj, V. A., & Bardakova, L. I. (2021). Demograficheskij perekhod v stranah SNG: tendencii i predvaritel'nye itogi. DEMIS. Demograficheskie issledovaniya, 1(3), 11-22 (In Russian)
17. Ministerstvo nacional'noj ekonomiki Respubliki Kazahstan Komitet po statistike i YUNFPA Kazahstan. (2019). Analiz polozheniya v oblasti narodonaseleniya v Respublike Kazahstan. Otchet pri tekhnicheskoy podderzhke Fonda OON v oblasti narodonaseleniya (YUNFPA) v Kazahstane. 149 p. (In Russian).
18. Born (by year). Time series. (2023). Bureau of National Statistics Agency for Strategic Planning and Reform. Retrieved November 27, 2023, from <https://stat.gov.kz/ru/industries/social-statistics/demography/dynamic-tables/> (In Russian).
19. Deceased (by year). Time series. (2023). Bureau of National Statistics Agency for Strategic Planning and Reform. Retrieved November 27, 2023, from <https://stat.gov.kz/ru/industries/social-statistics/demography/dynamic-tables/> (In Russian).

20. Population by one-year age (by year). Time series. (2023). Bureau of National Statistics Agency for Strategic Planning and Reform. Retrieved November 27, 2023, from <https://stat.gov.kz/ru/industries/social-statistics/demography/dynamic-tables/> (In Russian).
21. Medkov, V. M. (2007). Demografiya: textbook. Infra-M. 683 p
22. Kalabihina, I. E., & Kalmykova, N. M. (2007). Uchebnye materialy k kursu «Osnovy demografii»: textbook. 288 p.
23. Uralnis, B. C. (1968). Istoriya odnogo pokoleniya. 268 p.
24. Harchenko, L. P. (2009). Demografiya: ucheb. posobie dlya studentov vuzov, obuchayushchikhsya po special'nosti «Statistika» i dr. ekonomicheskim special'nostyam (3rd ed.). «Omega-L» Publishing house. 350 p.

FEATURES OF DEMOGRAPHIC TRANSITION IN KAZAKHSTAN REGIONS

Yu. K. Shokamanov^{1*}, U. M. Iskakov², A. A. Demesinova¹

¹Almaty Humanitarian and Economic University, Almaty, Republic of Kazakhstan

²Narxoz University, Almaty, Republic of Kazakhstan

ABSTARCT

Purpose of the study is to identify the features of the demographic transition in in the Kazakhstan regions.

Methodology. The study was conducted based on a comparison of general indicators of fertility, mortality and natural increase in the regions of Kazakhstan for 2000 and 2022, as well as the age and sex structure of the population by region at the beginning of 2023. Depending on the values of general indicators of population reproduction, the regions of Kazakhstan are divided into 5 groups. A similar grouping was made according to the type of reproductive structure based on the G. Zunberg scale.

Originality / value of the research. The data obtained made it possible to assess the situation with population reproduction in the regions of Kazakhstan and classify them from the perspective of the demographic transition.

Findings. The results of the study showed both a significant discrepancy in the demographic situation between regions, and its change from 2000 to 2022. Thus, according to the general indicator of natural growth in 2000, more than a third of the regions (6 out of 16) were included in the first group (low level of natural growth), and in 2022 – only a fifth (4 regions out of 20). The results of grouping regions according to the Zunberg scale showed good comparability with the results of grouping regions according to the general coefficient of natural increase. The difference is explained by the fact that the grouping of regions according to the Zunberg scale reflects the situation that has developed in the regions over a long period of time, and the grouping of regions according to the general natural growth rate reflects the situation only for 2022

Keywords: demographic transition, model of demographic transition, stages of demographic transition, general population reproduction rates, G. Zunberg age scale, types of age structure, regional groupings.

Acknowledgments: The article was prepared as part of the implementation of grant research by the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan “Kazakhstan model of demographic transition and opportunities for sustainable socio-economic development of the country” (IRN AP19679152).

ҚАЗАҚСТАН АЙМАҚТАРЫНДАҒЫ ДЕМОГРАФИЯЛЫҚ ӨТУДІҢ ЕРЕКШЕЛІКТЕРІ

Ю. К. Шокаманов^{1*}, У. М. Искаков², А. А. Демесинова¹

¹Алматы гуманитарлық-экономикалық университеті, Алматы, Қазақстан Республикасы

²Нархоз университеті, Алматы, Қазақстан Республикасы

АНДАТПА

Зерттеу мақсаты – Қазақстан аймақтарындағы демографиялық өткелдің ерекшеліктерін анықтау.

Әдіснамасы. Зерттеу Қазақстан аймақтарындағы 2000 және 2022 жылдарға арналған туудың, өлімнің және табиғи өсімінің жалпы көрсеткіштерін, сондай-ақ 2023 жылдың басындағы аймақтар бойынша халықтың жыныстық және жас құрылымын салыстыру негізінде жүргізілді. Халықтың ұдайы өндірісінің жалпы көрсеткіштерінің мәндеріне байланысты Қазақстан аймақтары 5 топқа бөлінеді. Сол сияқты аймақтар Г.Зунберг шкаласы бойынша халықтың ұдайы өндірісінің құрылымының түріне қарай топтастырылды.

Зерттеудің бірегейлігі / құндылығы. Алынған мәліметтер Қазақстан аймақтарындағы халықтың ұдайы өндірісінің жағдайын бағалауға және оларды демографиялық өткелдің позициясынан жіктеуге мүмкіндік берді.

Зерттеу нәтижелері. Зерттеу нәтижелері аймақтар арасындағы демографиялық жағдайдағы айтарлықтай сәйкессіздікті де, оның 2000 жылдан 2022 жылға дейінгі өзгеруін де көрсетті. Осылайша, 2000 жылы табиғи өсімінің жалпы көрсеткіші бойынша аймақтардың үштен бірінен астамы (16-ның 6-ы) бірінші топқа (табиғи өсімінің төмен деңгейі), ал 2022 жылы – тек бесінші бөлімі (20 аймақтың 4-і) кірді. Зунберг шкаласы бойынша аймақтарды топтастыру нәтижелері аймақтарды табиғи өсімінің жалпы көрсеткіші бойынша топтастыру нәтижелерімен жақсы салыстыруды көрсетті. Айырмашылық Зунберг шкаласы бойынша аймақтарды топтастыру аймақтарда ұзақ уақыт бойы қалыптасқан жағдайды көрсететінімен, ал аймақтарды табиғи өсімінің жалпы көрсеткіші бойынша топтастыру тек 2022 жылға арналған жағдайды көрсететіндігімен түсіндіріледі.

Түйін сөздер: демографиялық өткел, демографиялық өткелдің моделі, демографиялық өткелдің кезеңдері, халықтың көбею жалпы көрсеткіші, Г.Зунбергтің жас шкаласы, жас құрылымының түрлері, аймақтарды топтастыру.

Алғыс: Мақала Қазақстан Республикасы ғылым және жоғары білім министрлігі Ғылым комитетінің «Демографиялық өткелдің қазақстандық моделі және елдің тұрақты әлеуметтік – экономикалық дамуының мүмкіндіктері» (ЖТН АР19679152) гранттық зерттеуін жүзеге асыру шеңберінде дайындалды.

ОБ АВТОРАХ

Шокаманов Юрий Камирович – доктор экономических наук, профессор, Алматинский гуманитарно-экономический университет, Алматы, Республика Казахстан, email: shokamanov53@mail.ru*

Искаков Узан Мулдашев – заслуженный деятель Республики Казахстан, доктор экономических наук, профессор, Университет Нархоз, Алматы, Республика Казахстан, e-mail: uzan.iskakov@narhoz.kz, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6349-8163>.

Демесинова Айзада Адилбековна – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Алматинский гуманитарно-экономический университет, Алматы, Республика Казахстан, e-mail: demess1966@mail.ru, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0251-4019>.

MPHTI 06.71.57

JEL Classification: L83

DOI: <https://doi.org/10.52821/2789-4401-2024-1-80-91>

ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ЭКОЛОГИЯЛЫҚ ТУРИЗМНІҢ ҚАЗІРГІ ДАМУ ТЕНДЕНЦИЯЛАРЫ

Э. С. Бөрібай^{1,4*}, Д. Д. Есимова^{2,4}, Г. К. Сатыбалдиева^{3,4}

¹Нархоз Университеті, Алматы, Қазақстан Республикасы

²Торайғыров университеті, Павлодар, Қазақстан Республикасы

³С. Сейфуллин атындағы Қазақ агротехникалық зерттеу университеті, Астана,
Қазақстан Республикасы

⁴Кастамону университеті, Кастамону, Түркия

АНДАТПА

Зерттеудің мақсаты: Қазақстанның тұрақты даму жағдайында экологиялық туризм саласын дамытудың ағымдық бағыттары сипатталып, рекреациялық және туристік инфрақұрылымдарды жаңғырту мен экологияландыру мәселелерін талдау.

Әдістемесі: мақалада Қазақстанда экологиялық туризмді дамыту бойынша басым бағыттары мен «жасыл» экономика негізінде туристік қызметті экологияландырудың тәсілдері қарастырылған. Зерттеулер аналитикалық талдау, сараптамалық бағалау, сипаттау, статистикалық шолу негізінде жүргізілген.

Зерттеудің бірегейлігі / құндылығы: табиғи ресурстарды қорғау және азаматтардың қауіпсіздігі туризм саласындағы жүргізіліп отырған мемлекеттік саясаттың басым бағыты болып табылады. Сондықтан экологиялық сертификаттауды әзірлеу арқылы мүдделі тараптарға құнды мағлұматтар мен жүзеге асырылатын жоспарларды ұсынуға бағытталған.

Зерттеу нәтижелері: Қазақстанда экотуризмді дамытуда экологиялық сертификаттау бағдарламаларын енгізу туристік аймақтардың имиджін қалыптастыруға оң әсерін тигізіп, олардың халықаралық нарықтағы танымалдылығын арттырады. Туризм саласында экологиялық сертификаттау жүйелері мен бағдарламаларын енгізу жаңа саяхатшыларды тарту үшін экологиялық ақпаратты ұсынудың тиімді тәсілі ретінде қолдануға негіз бар. Сол арқылы аймақтарда туризмді қарқынды дамытудың бағыты бойынша ағымдық мәселелерді айқындауға ықпал етеді және ұтымды шешім шығару бойынша ұсыныстар береді.

Түйін сөздер: экологиялық туризм, «жасыл» экономика, тұрақты даму, экологиялық сертификаттау, экологиялық қауіпсіздік, жасыл туризм.

Алғыс: Мақала «Халықаралық бағдарламалар орталығы» АҚ-ның 2023-2024 жж. Қазақстан Республикасының ғылыми қызметкерлері мен оқытушыларына арналған «500 ғалым» халықаралық ғылыми тағылымдамасы бойынша «Болашақ» бағдарламасы аясында жүргізілді.

КІРІСПЕ

Қазіргі уақытта туризм индустриясында ең қарқынды дамып келе жатқан сала – экологиялық туризм саласы. Дүниежүзілік саяхат және туризм кеңесі (WTTC) сарапшыларының мәлімдеуінше, жандық туризм индустриясы 2033 жылға қарай 2019 жылмен салыстырғанда 50 %-ға өсіп, 15,5 триллион долларды немесе әлемдік экономиканың 11,6 %-ын құрайды деп болжам жасап отыр [1]. Соның ішінде экологиялық туризм саласы әлемдік туризм нарығының 25 %-ын құрап отыр. Туризм саласы экономикалық өсудің және аймақтар арасындағы мәдениетаралық өзара әрекеттесудің маңызды факторы бола отырып, қарқынды дамып келе жатқанын атап өтуге болады. Сонымен қатар, туризм секторы

парниктік шығарындылардың маңызды көзі ретінде ғана емес, климаттың өзгеруінің салдарынан айтарлықтай зардап шегуде. Дүниежүзілік туристік ұйымның (UNWTO) пікірінше, дұрыс «жасыл» инвестициялармен туристік секторды одан әрі дамыту климаттың өзгеруін азайтуда маңызды үлес қосуға жол ашады [2; 3]. Соңғы жылдарда халықаралық туристік сапарлардың саны екі есеге артқан. Алынған статистикалық мәліметтерге сүйеніп жасалынған сарапшылардың болжамы бойынша 2030 жылға қарай туристердің саны 1,8 млрд. жетуі мүмкін.

Туризм секторы әлемдік жалпы ішкі өнімнің (ЖІӨ) 5 %-ын құрайды және әлемдегі әрбір 12-ші адам туристік аймақта жұмыс істейді.

Туризмнің дамуын климаттық факторлар бойынша қарайтын болсақ, туристік сектор климатқа ерекше сезімтал. Өйткені климат туристік маусымдардың ұзақтығы мен сапасын айқындайды. Сондықтан да туризм жаһандық жылынудан зардап шегуде, сонымен қатар климаттың өзгеруінің векторы болып табылады. Жаһандық CO₂ шығарындыларының шамамен 5 % туристік сектор қызметіне тиесілі (оның 2 % әуе көлігінен, 1,7 % құрлық көлігінен, 1 % келушілер арқылы).

Біріккен Ұлттар дүниежүзілік туризм ұйымы (UNWTO) мәліметі бойынша жыл сайын экотуристер саны 20 %-ға артып келеді. Сондықтан да, зерттеулер көрсеткендей, соңғы онжылдықта туризм әлемдік экономиканың жетекші дамушы секторларының біріне айналу үшін үздіксіз өсу мен әртараптандыруды тереңдете түсудің қажеттілігі туындап отыр.

Дүниежүзіндегі экотуризмнің дамуы ерекше қорғалатын табиғи аумақтарды сақтау және дамыту жүйесімен тығыз байланысты болғанымен, жыл сайын бұқаралық туризмнің келеңсіз теріс жақтары айқындала түсуде [4].

Адам қолы тимеген және таза табиғи орындардың көптігімен Қазақстан экотуризмді дамытуда орасан зор әлеуетке ие. Қазақстанда кең байтақ табиғи аумақтар, флора мен фаунаың алуантүрлілігі, табиғат ескерткіштері мен ЮНЕСКО-ның Бүкіләлемдік мұра мәртебесіне ие болған нысандары арқасында экологиялық туризмді дамыту үшін барлық алғышарттар бар. Бірегей табиғи ландшафттар, этномәдени туризммен үйлесетін экологиялық соқпақтар көптеген туристер үшін тартымды болуы мүмкін. Алайда Қазақстанда экологиялық туризм, жасыл туризм саласы жеткілікті түрде дамымаған.

Қазақстандағы Республикалық маңызы бар ерекше қорғалатын табиғи аумақтар ЮНЕСКО-ның Дүниежүзілік биосфералық резерваттар желісіне белсенді түрде ұсынылуда. Қазіргі уақытта Қазақстанның 12 ерекше қорғалатын табиғи аумақтары ЮНЕСКО биосфералық резерваттарының халықаралық мәртебесіне ие [5].

Қазақстанның ерекше қорғалатын табиғи аумақтарының жалпы ауданы 29,3 миллион гектарды құрайды, яғни шамамен 0,29 миллион км². Бұл көрсеткіш әлемде экотуризм саласы жақсы дамыған бірқатар елдермен салыстырғанда ондаған есе көп. Ал Қазақстандағы туристер саны жылына небәрі 2 млн адамды құрайды. Әлемде экотуризмді дамыту бойынша көшбасшы ел АҚШ-та бұл көрсеткіш жылына шамамен 200 миллион адамға, Австралияда 60 миллион адамға, Түркияда 30 миллион шетелдік туристке жетеді. Аталған елдер мұндай нәтижелерге ұлттық саябақтар мен табиғи аумақтарда заңнамамен реттелетін туризм менеджментінің дұрыс жолға қойылған жүйесінің және экотуризмді дамытудың арқасында қол жеткізді. Сондықтан, басқа мемлекеттер тәжірибесіне сүйене отырып, Қазақстандағы экотуризмді дамыту үшін жаңа бағыт, жаңа ұсыныстар қажет.

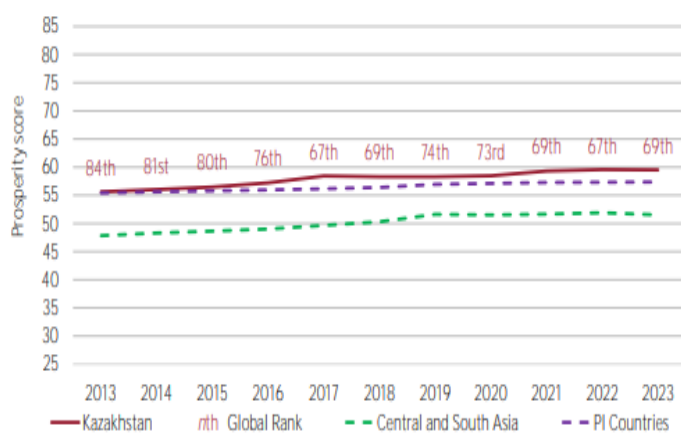
Мақаланы жазудағы мақсат – тұрақты даму мақсатында экотуризм саласындағы ағымды тенденцияларды зерделеу, «жасыл» экономика негізінде аймақтық рекреациялық және туризм инфрақұрылымын экологияландыру мен жаңғыртудың мәселелерін талдау болып табылады.

НЕГІЗГІ БӨЛІМ

Материалдарды талдау. Экологиялық туризмді Қазақстанның тұрақты дамуының факторы ретінде қарастыруға болатыны анық. Қазақстан – ежелгі дәстүрі мен заманауи ерекшеліктерді біріктірген бірегей ел. Дүниежүзілік Legatum институтының өркендеу индексы бойынша туризмді дамыту арқылы Қазақстанда тұрақты дамуға қол жеткізуге негіз бар. Аталған институттың британдық сараптамалық

орталығы 2006 жылдан бері жұмыс жасап келеді. Әлем елдерінің дамуы бойынша жетістіктерін, өркендеуін өлшейтін композиттік индекс белгіленген. 79 көрсеткіш негізінде біріктірілген сегіз санат: экономика, басқару саласы, кәсіпкерлік, білім беру, денсаулықты сақтау, қауіпсіздік, жеке бас бостандығы, әлеуметтік капитал бойынша құрастырылған. Әр елдің рейтингі осы көрсеткіштердің орташа мәнін есептеу арқылы анықталады. Бұл көрсеткіштер әлеуметтік зерттеулерге, статистикалық талдауларға және сауалнамалық бағалауларға негізделіп жасалынады. Статистикалық мәліметтерді Біріккен Ұлттар Ұйымы, Дүниежүзілік Банк, Экономикалық ынтымақтастық және даму ұйымы, Дүниежүзілік сауда ұйымы, Gallup, Economist Intelligence Unit, Pyramid Research және басқа халықаралық ұйымдар ұсынады [6].

Prosperity over time

Сурет 1 – Қазақстанның Prosperity Index рейтингіндегі көрсеткіші, 2023 ж.
Ескерту – [6] әдебиет негізінде құрастырылды

Қазақстан жалпы Prosperity Index рейтингінде 2023 жылы 69-шы орынға ие болды. 2011 жылдан бері Қазақстан рейтингтік кестеде 17 позицияға көтерілді. Қазақстан білім мен экономикалық сапа бойынша жақсы көрсеткіштерге ие. Он жыл бұрынғы рейтингпен салыстырғанда денсаулық сақтау саласында өрлеу байқалады [6].

Туризмді бірқатар елдер мен аймақтардың әлеуметтік-экономикалық дамуының және экономикасын құрылымдық қайта құрудың басым бағыты ретінде қарастыруға болады [7].

Өртүрлі және маңызды рекреациялық және туристік ресурстық мүмкіндіктері бар, бірақ туризм индустриясының барлық негізгі буындарын бір тізбекке біріктіру мен дамыту жолына қойылмаған Қазақстан үшін жаһандық туристік нарықта бәсекеге қабілетті болудың маңызы арта түсуі мүмкін.

Халықаралық бәсекелестіктің күшеюі және жаһандану құбылысының қарқын алуы қазіргі әлемдік туризмге тән қасиет болып отыр. Мұндай құбылыстар туристік аймақтардың дамуына ықпал етеді. Әсіресе туризм саласы экономиканың басым секторына айналмаған, мемлекет тарапынан қажетті қолдауға ие емес және осал, баяу дамып жатқан елдердің нарықтағы сипатын әлсірете түседі. Мұндай жағдайлар кейде елдің туристік нарығының даму ерекшеліктерінен де туындайды.

Қазақстанда соңғы жылдарда туризм нарығының дамуында бір сызықты немесе векторлы бағыт алғаны байқалуда. Мұнда азаматтардың басқа елдерге саяхаттау сияқты туризмнің түрі басым сипатқа ие болуда. Рекреациялық аймақтардағы кейбір өңірлерде экологиялық туризмді дамыту бойынша қажетті институционалдық мүмкіндіктердің, басым бағыттардың жеткіліксіз екендігі байқалады. Бұл шын мәнінде туризмді елдің валюталық ресурстарын шығарудың тұрақты және қуатты арнасына айналдырды. Әрі ішкі нарықтың қажеттіліктерін қанағаттандыру үшін қажетті айналым қаражатының

тапшылығын тудыруы мүмкін. Ондай жағдай өз кезегінде ішкі туризм нарығының дамуын бюджеттік және бюджеттен тыс қорлардың жетіспеушілігі, қолайлы мөлшерлеме бойынша несиелендірудің болмауы, сондай-ақ, экономиканың туристік секторына халықаралық және ішкі инвестициялардың ағынын ынталандыратын қолайлы жағдайларды іске қосуға кедергі келтіреді.

Жасыл туризм секторында соңғы жылдары түбегейлі өзгеріске ұшырады және пайдаланушылар туристік веб-сайттарға кіре отырып және саяхат тәжірибесімен бөлісу үшін бір-бірімен пікір алмасуда туризм 3.0 даму бағытын ұстануда. Осыған байланысты туризм саласындағы кәсіпорындар үшін озық онлайн технологияларды дамыту маңызды болып отыр. Өйткені олар туристерге «өнімді, тиімді және бәсекеге қабілетті қызметтерді» ұсынатын ірі операторлық платформаларға желіге қол жеткізуді, смарт-бағыттар мен әлеуетті арттыруды қамтамасыз етеді [8; 18].

Дүниежүзілік туристік ұйым қазіргі уақытта UNWTO-ны туризмдегі төртінші өнеркәсіптік революцияның жаһандық жетекші агенттігі ретінде орналастыруға бағытталған инновациялық және цифрлық трансформация стратегиясына назар аударуда. Сол арқылы жаңа қиындықтарды болжау, оларға қарсы тұру, еңсеру және туризм секторындағы жаңа трендтерге бейімделу үшін барлық мүмкіндіктерді қолдану көзделген.

Қоршаған ортаны қорғау және азаматтардың қауіпсіздігін сақтау мемлекеттік ұлттық саясаттың басты құрамдас бөлігі болып табылады. Табиғи ортадағы қауіпсіз демалысты таңдайтын туристер ағымы жылдан-жылға артып келеді. Бұл ретте туризм және қонақ үй саласының мамандары саяхатшылардың экологиялық жауапкершілігі артқанын атап өтті [8].

Дегенмен, туристік бизнес саласындағы кәсіпорындардың тиімділігін бағалауда экономикалық нәтижелер ғана басты назарда ұстанған. Сондай-ақ, экологиялық әсердің экономикалық әсерлерге нақты айналу мүмкіндіктері де айқындалуда. Туристік аймақтарда «жасыл» инновацияларды енгізу көп жағдайда қызмет көрсетудің құнының өсуімен байланысты жүреді. «Жасыл» инновацияның мәні туристік секторды дамытуға, қоршаған ортаға антропогендік әсерлерді азайтуға және табиғи шикізат ресурстарын үнемдеуді қамтамасыз етудің тиімді жолы [9]. Осындай механизмдерді қолдану арқылы экологиялық туризмді дамытуға болады.

Ұлыбританиялық АВТА туристік қауымдастығының зерттеулеріне сәйкес, әрбір үшінші демалушы қонақүйлерде жұлдыздардан басқа экологиялық рейтингісінің болуы керек деп есептейді. Саяхаттау кезінде экологиялық стандарттарды сақтауға дайын (38 %), сондай-ақ жылына бірнеше рет демалуға баратын туристердің саны артып келеді (49 %) [10].

Халықаралық туризм саласы бойынша *Travellife Sustainability System* халықаралық ұйымы «жасыл» технологияларды ендірумен айналысады. Аталған ұйым қоршаған ортаны қорғау іс-шараларымен айналысатын, насихаттайтын туроператорларды, қонақүйлерді және қонақтарды да ынталандырады.

Travellife – туристік индустриядағы тұрақты тәжірибелерді ілгерілетуге және қонақ үйлерге әлеуметтік және экологиялық мәселелерді басқаруға, бақылауға көмектесуге бағытталған халықаралық сертификаттау жүйесі.

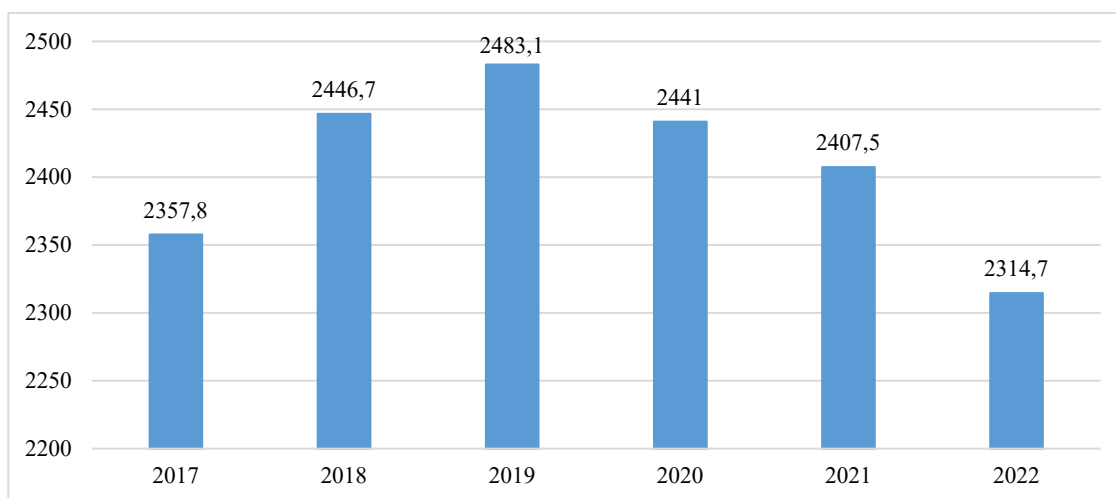
Travellife Sustainability жүйесінде кәсіпорындардың жетістіктеріне байланысты марапаттар беретін арнайы әзірленген экологиялық аудит жүйесі бар. Бұл бастаманы көптеген ірі туристік және демалыс кәсіпорындары қолдайды. Бүгінгі таңда *Travellife* жүйесінде 17 мың қонақүй тіркелді, оның ішінде 1500 кәсіпорын толық экологиялық сараптамадан өтті. Ал 500-ден астамы экология саласында британдық туристік қауымдастығының лайықты марапаттарына ие болды [11].

UNWTO және UNEP сарапшыларының қорытындысына сәйкес «Туризм және жасыл экономика» туралы баяндамасында аймақтарды «жасыл инвестиция» бағдарламасы бойынша дамыту сценарийінде көрсеткендей 2050 жылға дейін туризм секторындағы энергия тұтынуды 44%-ға, CO₂ шығарындыларын 52%-ға қысқартуға мүмкіндік береді. Осындай «жасыл» туризм бағытын ұстанған елдердің бірі – Түркия.

Түркия бірегей туристік және рекреациялық әлеуетке ие мемлекет. Оның аумағында маңызды табиғи ресурстар мен тарихи мұра нысандары орналасқан. «Жасыл туризм» жобасы Түркияда 2023 жылдан

бері Тұрақты туризм жөніндегі жаһандық кеңеспен ынтымақтастық келісімі аясында жүзеге асырылып жатқаны белгілі. Бұл бағдарлама климат бойынша Париж келісімі негізінде жергілікті туризм индустриясына жаһандық тұрақты даму тәжірибесін енгізуге және қоршаған ортаның ластануын азайтуға мүмкіндік береді. Түркия тәжірибесі Қазақстан үшін де экотуризмді, жасыл туризмді дамытуға бастама болатын басым бағыт ретінде айқындауға негіз бар. Сонымен қатар, Қазақстанның аймақтары үшін экономикалық дамыған аймақтарға тән экологиялық мүмкіндігі жағынан қауіпін төндіретін шамадан тыс табиғи және техногендік жүктеменің болуы. Бұл энергияны қарқынды тұтынумен, шаруашылық кешені технологияларының жоғары «қалдықтарымен» байланысты және биосферадағы жағымсыз көріністермен қатар жүреді.

Қазақстан аймақтарында энергетика, өнеркәсіп, көлік, тұрғын үй-коммуналдық шаруашылық салаларында қолданылатын технологиялар энергияны тұтынумен қатар ауаны, суды, топырақты ластаушы негізгі көздер болып табылады. 2022 жылы стационарлық көздерден ауаға ластаушы заттардың шығарындылары 2 314,7 мың тоннаны құрады және олардың деңгейі 2021 жылмен салыстырғанда 3,8 %-ға төмендеген. Ол туралы мәліметтер 2-суретте көрсетілген [12]. Жаңа Экологиялық кодекстің күшіне енуіне байланысты табиғи ресурстарды пайдаланушылардың объектілерін санаттарға жатқызу тәртібі өзгертілді. IV санаттағы объектілер қоршаған ортаны қорғау заңнамасына сәйкес мемлекеттік реттеу шараларынан босатылғандықтан, стационарлық көздерден атмосфераға шығарындыларға статистикалық мониторинг жүргізуге енгізілген жоқ. Бұл өзгерістер 2022 жылы шығарындыларды азайту факторларының бірі болып табылады.

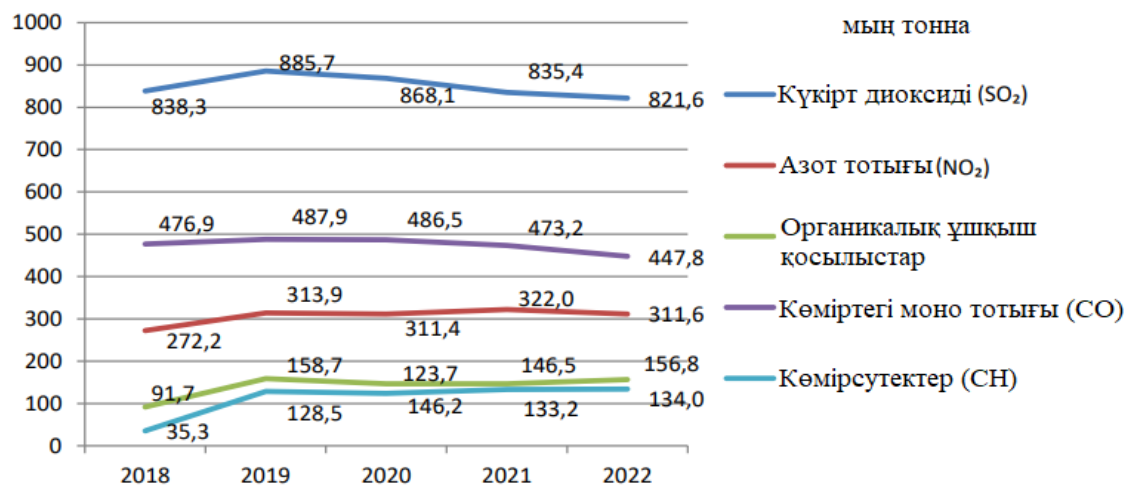
Сурет 2 – Ауаға шығарылатын ластаушы заттардың мөлшері, мың тонна

Ескерту – [12] әдебиет негізінде авторлармен құрастырылды.

Әуе бассейніне шығарылатын эмиссиялардың жалпы көлемінің 79,6 % газды қоспалар мен сұйық заттар. Шығарындылардың 20,4 %-ы қатты заттар болды. Ластаушы заттардың басым көлемі негізінен индустриалды аймақтарға тән Павлодар (724,2 мың тонна) және Қарағанды (469 мың тонна) облыстарының аумақтарында қалыптасқан.

Республикамыздың ауа бассейніне 2022 жылдың статистикалық көрсеткіштері бойынша 213,4 т. қорғасын және оның қосылыстары; 73,9 т. марганец және оның қосылыстары; мыстың тотығы – 103,1 т, күкірт қышқылы - 382,2 т., сынап – 264 кг аса қауіпті ластағыш қоспалар шығарылған (3-сурет) [12].

Кәсіпкерлік субъектілерінің қоршаған ортаны қорғауға бағытталған шығындары 2021 жылғы 417 млрд теңгемен салыстырғанда 2022 жылы 444 млрд теңгені құрады. Экологиялық шығындардың айтарлықтай басым үлесін (92,8%) өнеркәсіптік кәсіпорындар жүзеге асырады.

Сурет 3 – Атмосфераны ластаушы негізгі заттар, 2018-2022 жж.

Ескерту – [12] әдебиет негізінде авторлармен құрастырылды.

Біріккен Ұлттар Ұйымы әлемдік қауымдастықты «жасыл» экономикаға көшу жолында 2012-2050 жылдарда жаһандың ЖІӨ-нің 2%-ын негізгі басым бағыттар бойынша инвестициялауды негіздеп отыр. Ол басым бағыттарға: тұрғын үй – коммуналдық шаруашылық, энергетика, орман шаруашылығы, туризм саласы, көлік, су ресурстарын басқару, қалдықтарды басқару жатады. Мұндай жетістіктерге жету технологиялық инновациялар, экологиялық таза көлікке көшу және қонақ үй индустриясында энергия мен қоршаған ортаны тиімді басқару шараларын үйлесімді басқару жолында ғана қол жеткізу мүмкін.

Туризм секторын басқаруда экологиялық менеджменттің ажырамас құрамдас бөлігі ISO 14001 (EMS) экологиялық менеджмент стандарты. Ол 1991 жылы Халықаралық стандарттау қауымдастығымен құрылған. Стандарттарға сәйкес болу үшін нақты экологиялық саясаттың бар екенін растауы керек. Бірқатар елдерде ISO 14001-ге қосымша өздерінің мемлекеттік стандарттары жасалған. Мәселен, Ұлыбританияда – BS 7750 экологиялық менеджмент жүйесі; Канадада CAN/CSA Z750-94: Қоршаған ортаны басқару жүйесіне арналған нұсқаулықтар, Еуропалық Одақта – EMAS стандарты белгіленген. Сонымен қатар, әлемде қоршаған ортаны басқару жүйесін әзірлеумен және енгізумен айналысатын бірқатар ұйымдар бар.

UNWTO мәліметтері бойынша экологиялық сертификаттау бойынша стандарттарды құруға және оны бекітуге бағытталған 60-тан астам халықаралық бағдарламалар әзірленген. Әр бағдарлама негізінде орта есеппен 50-ден аса туристік компаниялар жұмыс жасайды. Экологиялық сертификаттау бойынша экотуризм және қонақжайлылық секторы үшін шамамен 100-ден аса экологиялық белгілер мен арнайы марапаттар белгіленген [13].

Экотуризм саласындағы ең танымал халықаралық сертификаттау бағдарламаларының бірі – «Green Globe 21» бағдарламасы. Бұл бағдарламаны әлем бойынша 50-ден астам елде жұмыс істейтін британдық компания әзірлеген. Бұл бағдарлама халықаралық мәртебеге ие бола отырып туристік инфрақұрылымдардан басқа қонақ үйлерді, авиакомпаниялар, круиздік лайнерлер, темір жолдар мен мейрамханаларды қамтиды.

«Green Globe 21» сертификаттау стандарттары алты түрлі бағыт бойынша жүргізіледі:

- қалдықтарды басқару;
- энергияны үнемдеу және энергия тиімділік;
- ауыз суды тұтынуды, пайдалануды үнемдеу;
- ақаба суларды басқару;

- экологиялық сауда саясаты;
- әлеуметтік және мәдени даму.

«Green Globe 21» стандарттарына сәйкестікті растау бірнеше деңгейлер бойынша жүргізіледі. Осындай градациялар арқылы туристік қызметтердің мүдделі тұтынушылары сертификатталған объектінің экологиялық жауапкершілік дәрежесін бағдарлай алады.

Қазақстан мемлекетінде де көптеген іс-шаралар жүргізілуде. Мәселен, Қазақстанда бизнесті экологиялық сертификаттаудан өтуге және жоғары экологиялық талаптарға (субсидиялар, салықтық жеңілдіктер, мемлекеттік сатып алулар кезіндегі преференциялар және т.б.) сәйкес келуге ынталандыратын заңнамалық реттеу шараларының тізбесі жасалынған. Шаралардың ішінде қалдықтарды басқару жөніндегі операцияларды жүргізу кезінде талаптарды бұзғаны үшін жауапкершілікті қатаңдату көзделген. Бұл өз кезегінде рұқсат етілмеген полигондар, иесіз қалдықтар көлемін ұлғайту және қоршаған ортаны ластаудың өзге де жағдайлары мәселелерін шешуге мүмкіндік береді.

Ағаштарды заңсыз кесу жауапкершілігі күшейтілді. Осылайша, ағаштарды кескені үшін әкімшілік айыппұл мөлшері 5 есеге ұлғайтылады, ал құқық бұзушылық қайталанған немесе ерекше қорғалатын табиғи аумақтарда кесілген жағдайда ірі кәсіпорындарға 1500 АЕК дейін айыппұл салынады. Егер келтірілген залал 100 АЕК-тен асса, онда қылмыстық жауапкершілікке тартылады. Сонымен қатар, салық кодексіне өзгерістер енгізілді. Ең үздік қолжетімді технологияларды енгізу арқылы кешенді экологиялық рұқсат алған жаңа объектілердің операторлары үшін эмиссиялар үшін төлемдерден босату бойынша тиісті түзетулер енгізілді. Дәл осындай тетік жұмыс істеп тұрған кәсіпорындар үшін де көзделген. Бірақ олар эмиссиялар үшін төлемдерден босату үшін экологиялық тиімділікті арттыру және ең жақсы қолжетімді технологияларды енгізу бағдарламасын әзірлеп, іске асыруы қажет.

Кешенді экологиялық рұқсат алмаған бірінші санаттағы жұмыс істеп тұрған объектілер бойынша қоршаған ортаны ластағаны үшін төлемақы мөлшеріне 2, 4 және 8 есе ұлғайтылған коэффициенттер қолданылатын болады. Сонымен қатар, I санаттағы 50 ірі нысан үшін мұндай ұлғаю 2025 жылдан, ал I санаттағы қалған нысандар үшін 2031 жылдан басталады. Айта кету керек, әр 3 жыл сайын өсу коэффициенттері 2 есе артады. Яғни, бүгін жұмыс істейтін әрбір ірі кәсіпорын ертең өз бетінше таңдау жасайды. Бұл түрдегі жұмыстары қоршаған ортаға теріс әсер етсе, жыл сайын өсіп келе жатқан экологиялық төлемді төлейді немесе қол жетімді ең озық технологияны енгізе алады. Сол арқылы ластаушы заттардан арылып, эмиссия төлемдерінен босатылады [14].

Қазақстанда Ұлттық және халықаралық экотуризм саласындағы қолданыстағы стандарттардың бірнеше түрлері жасалынды. Атап айтсақ, Қазақстандық туристік қауымдастық сарапшылары әзірлеген:

1) Ұлттық стандарт STRK 2851-2016 «Туристік-экскурсиялық қызмет көрсету. Қонақ үйлер. Жалпы талаптар», ҚР ИИДМ Техникалық реттеу және метрология комитетінің Қазақстандық стандарттау және сертификаттау институты» РМК 2016 жылғы 25 қарашадағы №300-НҚ бұйрығымен бекітілген.

2) Алтын (5 қызғалдақ – жайлылықтың Алтын деңгейі), күміс (3 қызғалдақ – жайлылықтың күміс деңгейі) және қола жайлылық деңгейлерін (1 қызғалдақ) беруді көздейтін Қонақ үйлерді ерікті сертификаттау жүйесі бар [15].

Сонымен қатар, Қазақстанда экотуризм саласы бойынша бірнеше іске асқан жобаларды да атап өткен жөн. Оларға сараптама жасасақ:

Бірінші жоба: Орталық Азияда инклюзивті экономикалық дамуды үйлестіру үшін ауылдық туризм және жалпы туристік бизнес ұйымдарының әлеуетін күшейту. Жобаның мақсаты Орталық Азияда сертификатталған қонақ үйлердің орталықтандырылған желісін құру. Орталық Азия аймағын халықаралық туристік нарықта экотуристік бағыт ретінде орналастыру болды. Нәтижесінде, сертификатталған қонақ үйлердің санын 88-ден 140-қа дейін артты. Экотуристік қызметтердің кәсіби провайдерлерінің санының артуы ішкі және келу туризмінің дамуына әсер етті. Орталық Азияның халықаралық туристік нарықта экотуристік бағыт ретінде орналасуына оң әсер етті. Жергілікті халықтың әл-ауқатын жақсартуға, жұмыспен қамтылған халықтың санын ұлғайтуға, өңірлерде жаңа жұмыс орындарының пайда болуына катализатор болды. Әсіресе жастардың еңбек көші-қонына оң әсер ете отырып, жергілікті халықта экологиялық ойлауды қалыптастыруға түрткі болды [16].

Екінші жоба: Қазақстандағы туристік сектордың МСАК-да SCP практикасын және Еуропалық Одақ, SWITCH ASIA орнықты даму схемаларын енгізу. Жобаның мақсаты Қазақстанның туристік секторының қонақ үйлерде, туроператорларда МСАК-қа *Travellife* орнықтылығын сертификаттау жүйесін енгізу арқылы экологиялық коммерцияландыруға болады [17].

Үшінші жоба: Біріккен Ұлттар Ұйымының даму бағдарламасының Экологиялық туризм саласындағы жобалау қызметі туралы. Бұл жоба негізінде Қазақстанда Тұрақты даму мақсаттарына қол жеткізуге экотуризмнің қосқан үлесі бойынша жұмыстар жүргізілді.

Ұсынымдар. Мақаланы тұжырымдай отырып, біз экотуризмді дамытуда «жасыл» экономика парадигмасының идеяларын және табиғат пен тұрақты қоршаған ортаны сақтаудың халықаралық тәжірибесін дәйекті жүзеге асыру деп санаймыз. Бұл тұрғыда экологиялық сертификаттау тауарлар мен қызметтерді өндіруге арналған «жасылдандыру» технологияларының құралы ретінде әрекет ету және аймақтарда экотуризмді тұрақты дамыту тұжырымдамасын іске асыру үшін өте маңызды. Экологиялық сертификаттау рәсімінен өтуге байланысты талаптардың көпшілігі тұрақты туризмнің мәнін көрсетеді. Сонымен қатар, экологиялық сертификаттау бағдарламаларын енгізу туристік аймақтардың имиджін қалыптастыруға оң әсерін тигізіп, олардың халықаралық нарықтағы танымалдылығын арттырады.

ҚОРЫТЫНДЫ

Туризм экономикалық өсуді ынталандыруға, жұмыс орындарын құруға, кедейшілікті азайтуға үлес қосуға және тұрақты даму мен бейбітшілікті ілгерілетуге ең қолайлы секторлардың бірі. Әлемдік ЖІӨ-нің 10% құрайтын туризм экспортқа, жұмыс орындарын құруға, инвестицияға, инфрақұрылымды дамытуға және әлеуметтік бағытты ынталандыруға айтарлықтай әсер етеді. Туризм әлемде химия өнеркәсібі мен мұнай өнімдерінен кейін экспорттық тауар ретінде үшінші орында. XX ғасырдың соңғы жылдарында пайда болған әлемдік туризмнің даму тенденциялары XXI ғасырдың екінші онжылдығында да туристік индустрияның барлық сегменттерінің ішінде экотуризм саяхаттың ең серпінді дамып келе жатқан түрлерінің бірі екенін көрсетті. Бұл Қазақстанның ішкі және сыртқы туризм нарығы үшін өзекті мәселе. Себебі, Қазақстанда ол әртүрлі бірегей, өзінің бастапқы түрінде дерлік сақталған, экологиялық таза табиғи ландшафттары бар. Алайда, Қазақстан Республикасындағы экологиялық туризм саласындағы қол жеткен жетістіктер қанағаттанарлық деңгейде емес, өте қарапайым. Бірақ, осы салада бірнеше іс шаралар атқарылған. Іске асқан жобалар негізінде экологиялық стандарттары жасалынып, сертификаттау жұмыстары жүргізілді. Қазақстандағы экотуризмді дамыту жақын болашақтың үлесінде деп айтуға болады. Туризм саласында экологиялық сертификаттау жүйелері мен бағдарламаларын енгізу жаңа саяхатшыларды тарту үшін экологиялық ақпаратты ұсынудың тиімді тәсілі ретінде аймақтарда жалпы туризмді дамытудың прогрессивті бағыты болып табылады.

ӘДЕБИЕТТЕР ТІЗІМІ

1. Шохан Р., Муталиева Л. М. Туристская дестинация как механизм устойчивого развития региона // Central Asian Economic Review. – 2023. – 3. – С. 83-93. – DOI: <https://doi.org/10.52821/2789-4401-2023-3-83-93>.
2. Отчет UNWTO: международный туризм в 2021 году [Электронды ресурс] // B2B. Ostrovok.ru [web-портал]. – 2021. – URL: <https://b2b.ostrovok.ru/blog/otchyot-unwto-mezhdunarodnyj-turizm-v-2021-godu/> (Қарау уақыты: 15.01.2024).
3. Нездойминов С. Г. Экологизация туризма как фактор устойчивого развития туристских регионов // Региональные исследования. – 2014. – № 1(43). – С. 133-139.
4. Azhayev G., Sonko S. M., Safarov R., Shomanova Zh., Sambou A., Yessimova D. Geoecological environmental evaluation of Pavlodar region of the republic of Kazakhstan as a factor of perspectives for touristic activity // Geo journal off Tourism and Geosites. – 2020. – 28(1). – P. 104-113. – DOI: 10.30892/gtg.28108-455.

5. Информация по ООПТ [Электронды ресурс] // Комитет лесного хозяйства и животного мира Министерства экологии и природных ресурсов Республики Казахстан [web-портал]. – 2020. – URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/forest/press/article/details/9030?lang=ru> (Қарау уақыты: 15.01.2024).
6. Rankings [Электронды ресурс] // The 2023 Legatum Prosperity Index [web-портал]. – 2023. – URL: <https://www.prosperity.com/rankings> (Қарау уақыты: 15.01.2024).
7. Концепция развития туристской отрасли Республики Казахстан до 2023 года: Утв. Постановлением Правительства Республика Казахстан от 30 июня 2017 года, № 406 [Электронды ресурс] // Әділет [web-портал]. – 2017. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1700000406> (Қарау уақыты: 15.01.2024).
8. Шадиметов Ю., Айрапетов Д. Экотуризм и устойчивое развитие // International Journal of Professional Science. – 2024. – № 2(2). – С. 26-35.
9. Бюро национальной статистики РК. Туризм Казахстана. Статистический сборник за 2017-2021 года на казахском и русском языках. – Астана, 2022. – 106 с.
10. Code of Conduct and ADR Annual Report 2022/2023 [Электронды ресурс] // ABTA The Travel Association [web-сайт]. – September 2023. – URL: <https://www.abta.com/about-us/code-of-conduct> (Қарау уақыты: 15.01.2024).
11. Yessim A. Analysis of The Economic State of the Tourist Industry in The Pavlodar Region (Kazakhstan) // GeoJournal of Tourism and Geosites. – 2023. – № 2(47). – P. 596-604. – DOI: 10.30892/gtg.47227-1059.
12. Статистика окружающей среды. Об охране атмосферного воздуха в Республике Казахстан (2022 г.) [Электронды ресурс] // Агентство по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан Бюро национальной статистики [web-сайт]. – September 2023. – URL: <https://stat.gov.kz/api/getFile/?docId=ESTAT466944> (Қарау уақыты: 15.01.2024).
13. Ryglova K. Eco-certification as a tool of sustainable tourism // Zemedelska Ekonomika-Praha-. – 2007. – № 3(53). – P. 138-143.
14. Байбуриев Р. М. Роль экологического туризма в развитии сельских территорий. Монография. – КазНУ им. Аль-Фараби, 2023. – 140 с.
15. Қазақстан туризмі. Статистикалық жинақ 2017-2021 жж. – 2021. – 65 б.
16. Қазақстан Республикасының туристік саласын дамытудың 2019-2025 жылдарға арналған мемлекеттік бағдарламасын бекіту туралы Қазақстан Республикасы Үкіметінің 2019 жылғы 31 мамырдағы № 360 қаулысы [Электронды ресурс] // Әділет [web-портал]. – 2019. – URL: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/P1900000360> (Қарау уақыты: 25.12.2023).
17. Внедрение практики SCP и схем устойчивого развития в ММСП туристического сектора в Казахстане [Электронды ресурс] // Hospitality Kazakhstan [web-сайт]. – 2019. – URL: <https://hospitality-kazakhstan.kz/o-nas/nashi-proekty/sustouka/> (Қарау уақыты: 25.12.2023).

REFERENCES

1. Shohan, R., & Mutaliev, L. M. (2023). Turistskaya destinaciya kak mekhanizm ustojchivogo razvitiya regiona. Central Asian Economic Review, 3, 83-93. <https://doi.org/10.52821/2789-4401-2023-3-83-93> (In Russian).
2. Otchet UNWTO: mezhdunarodnyj turizm v 2021 godu. (2021). V2V. Ostrovok.ru. Retrieved January 15, 2024, from <https://b2b.ostrovok.ru/blog/otchyot-unwto-mezhdunarodnyj-turizm-v-2021-godu/> (In Russian).
3. Nezdjominov, S. G. (2014). Ekologizaciya turizma kak faktor ustojchivogo razvitiya turistskih regionov. Regional'nye issledovaniya, 1(43), 133-139 (In Russian).
4. Azhayev, G., Sonko, S. M., Safarov, R., Shomanova, Zh., Sambou, A., & Yessimova, D. (2020). Geoecological environmental evaluation of Pavlodar region of the republic of Kazakhstan as a factor of perspectives for touristic activity. GeoJournal of Tourism and Geosites, 28(1), 104-113. <https://doi.org/10.30892/gtg.28108-455>

5. Committee of Forestry and Wildlife of the Ministry of Ecology and Natural Resources of the Republic of Kazakhstan. (2020). Informaciya po OOPT. Retrieved January 15, 2024, from <https://www.gov.kz/memleket/entities/forest/press/article/details/9030?lang=ru> (In Russian).
6. Rankings. (2023). The 2023 Legatum Prosperity Index. Retrieved January 15, 2024, from <https://www.prosperity.com/rankings>.
7. Koncepciya razvitiya turistskoj otrasli Respubliki Kazahstan do 2023 goda: Utv. Postanovleniem Pravitel'stva Respublika Kazahstan ot 30 iyunya 2017 goda, № 406. (2017). Adilet. Retrieved January 15, 2024, from <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1700000406> (In Russian).
8. Shadimetov, Yu., & Ajrapetov, D. (2024). Ekoturizm i ustojchivoe razvitie. International Journal of Professional Science, 2(2), 26-35 (In Russian).
9. Turizm Kazahstana. Statisticheskij sbornik za 2017-2021 goda na kazahskom i russkom yazykah. (2022). Bureau of National Statistics of the Republic of Kazakhstan. Astana. 106 p.
10. Code of Conduct and ADR Annual Report 2022/2023. (2023). ABTA The Travel Association. Retrieved January 15, 2024, from <https://www.abta.com/about-us/code-of-conduct>.
11. Yessim, A. (2023). Analysis of The Economic State of the Tourist Industry in The Pavlodar Region (Kazakhstan). GeoJournal of Tourism and Geosites, 2(47), 596-604. <https://doi.org/10.30892/gtg.47227-1059>
12. Statistika okruzhayushchej sredy. Ob ohrane atmosfernogo vozduha v Respublike Kazahstan (2022 g.). (2023). Bureau of National Statistics of the Republic of Kazakhstan. Retrieved January 15, 2024, from <https://stat.gov.kz/api/getFile/?docId=ESTAT466944> (In Russian).
13. Ryglova, K. (2007). Eco-certification as a tool of sustainable tourism. Zemedelska Ekonomika-Praha, 3(53), 138-143.
14. Bajburiev, R. M. (2023). Rol' ekologicheskogo turizma v razvitii sel'skih territorij. Monografiya. KazNU im. Al'-Farabi. 140 p. (In Russian).
15. Kazakstan turizmi. Statistikalyk zhinak 2017-2021 zhzh. (2021). 65 p. (In Kazakh).
16. Kazakstan Respublikasynyn turistik salasyn damytudyn 2019-2025 zhyldarga arnalgan memlekettik bagdarlamasyn bekitu turaly Kazakstan Respublikasy Ukimetinin 2019 zhylygy 31 mamyrdayy № 360 kaulysy. (2019). Adilet. Retrieved December 25, 2023, from <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/P1900000360> (In Kazakh).
17. Vnedrenie praktiki SCP i skhem ustojchivogo razvitiya v MMSP turisticheskogo sektora v Kazahstane. (2019). Hospitality Kazakhstan. Retrieved January 15, 2024, from <https://hospitality-kazakhstan.kz/o-nas/nashi-proekty/soustouka/> (In Russian).

CURRENT DEVELOPMENT TRENDS ECOLOGICAL TOURISM IN KAZAKHSTAN

E. S. Boribay^{1,4*}, D. D. Yessimova^{2,4}, G. K. Satybaldiyeva^{3,4}

¹ Narxoz University, Almaty, Republic of Kazakhstan

²Toraighyrov University, Pavlodar, Republic of Kazakhstan

³ Kazakh Agrotechnical Research University named after S. Seifullin, Astana, Republic of Kazakhstan

⁴ Kastamonu University, Kastamonu, Turkey

ABSTRACT

The purpose of the research: to study the development of eco-tourism in the context of sustainable development of Kazakhstan and to analyze the problems of modernization and greening of recreational and tourist infrastructure.

Methodology: the article considers the priority directions of the development of eco-tourism in the country and the ways of greening tourism activities based on the "green" economy. The research was conducted on the basis of an analytical and statistical review, expert assessment, and description.

Originality/value of the research: the priority direction of the state policy in the field of tourism is the protection of natural resources and the safety of citizens. In this regard, the development of environmental certification is aimed at providing stakeholders with valuable information and practical plans

Findings: the introduction of environmental certification programs in the development of ecotourism in Kazakhstan has a positive effect on the formation of the image of tourist areas and increases their popularity on the international market. The introduction of environmental certification systems and programs in the field of tourism as an effective way of presenting environmental information to attract new travelers contributes to understanding existing problems and making rational decisions and recommendations for the development of tourism in the regions.

Keywords: ecological tourism, "green" economy, sustainable development, environmental certification, environmental safety, green tourism.

Acknowledgment: the article was carried out within the framework of the international scientific internship "500 Scientists" for researchers and teachers of the Republic of Kazakhstan JSC "Center for International Programs " under the "Bolashak" program for 2023-2024.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ТУРИЗМА В КАЗАХСТАНЕ

Э.С. Борибай^{1,4*}, Д.Д. Есимова^{2,4}, Г.К. Сатыбалдиева^{3,4}

¹Университет Нархоз, Алматы, Республика Казахстан

²Торайгыров университет, Павлодар, Республика Казахстан

³Казахский агротехнический исследовательский университет имени. С. Сейфуллина,
Астана, Республика Казахстан

⁴Университет Кастамону, Кастамону, Турция

АННОТАЦИЯ

Цель исследования: изучение развития экологического туризма в условиях устойчивого развития Казахстана и анализ проблем модернизации и экологизации рекреационной и туристической инфраструктуры.

Методология: в статье рассмотрены приоритетные направления развития экологического туризма в стране и пути экологизации туристской деятельности на основе «зеленой» экономики. Исследования проводились на основе аналитического и статистического обзора, экспертной оценки, описания.

Оригинальность / ценность исследования: приоритетным направлениям государственной политики в сфере туризма является охрана природных ресурсов и безопасность граждан. В связи с этим, разработка экологической сертификации направлена на предоставление заинтересованными сторонам ценной информации и практических планов.

Результаты: Внедрение программ экологической сертификации в развитие экотуризма в Казахстане положительно влияет на формирование имиджа туристических территорий и повышает их популярность на международном рынке. Внедрение систем и программ экологической сертификации в сфере туризма как эффективного способа представления экологической информации для привлечения новых

путешественников способствует пониманию существующих проблем и принятию рациональных решений и рекомендаций в целях развития туризма в регионах.

Ключевые слова: экологический туризм, «зеленая» экономика, устойчивое развитие, экологическая сертификация, экологическая безопасность, зеленый туризм.

Благодарность: Статья выполнена в рамках международной научной стажировки «500 ученых» для научных сотрудников и преподавателей Республики Казахстан АО «Центр международных программ» по программе «Болашак» на 2023-2024 гг.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ

Бөрібай Эльмира Сартайқызы – биология ғылымдарының кандидаты, профессор, Нархоз Университеті, Алматы, Қазақстан Республикасы, e-mail: elmira.boribay@narxoz.kz, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7058-414X>*

Есимова Динара Даутовна – педагогика ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессор, Торайғыров университеті, Павлодар, Қазақстан Республикасы, e-mail: dika-73@mail.ru, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9417-3882>.

Сатыбалдиева Гульмира Калмашевна – биология ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессор, С. Сейфуллин атындағы Қазақ агротехникалық зерттеу университеті, Астана, Қазақстан Республикасы, e-mail: gkalmashevna@mail.ru, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3179-7484>.

MPHTI 06.81.65

JEL Classification: M1

DOI: <https://doi.org/10.52821/2789-4401-2024-1-92-102>

COMPARATIVE ANALYSIS OF CURRENT TRENDS IN STAFF MOTIVATION

T. Fukai¹, A.D. Issakhan^{2*}

¹University of Tsukuba, Tsukuba, Japan

²Kazakh National University named after al-Farabi, Almaty, Republic of Kazakhstan

ABSTRACT

This article presents current trends in motivation of workers, which is common for all industries.

The aim of the research is to define and compare all tendencies of labor motivation in contemporary economy.

The methodological basis of the research was summarization, grouping, comparison and generalization methods, which were used during the review of scientific literature. The method of research of current trends was applied - analysis and synthesis methods while constructing comparative table and discussing research results. By summarizing all of the founded scientific literature 5 recent trends in personnel motivation were revealed.

Originality / value of the research. Further, based on these current trends in sphere of personnel management, it is possible to develop appropriate method for motivating workers of enterprises in different fields. Its implementation will increase the productivity of workers and, in general, efficiency of production activities. Through comparative analysis of current trends across different cultures and sectors, any organization can choose more suitable motivation method based on its own characteristics.

Main findings of research are trends and their cause of occurrence, their main features and information about which industries it covered. Also, on the example of big organizations real cases of presence of tendencies were given. Furthermore, by providing a deeper analysis, information about how these trends compare across various industries and cultural backgrounds was revealed.

Keywords: personnel motivation, staff motivation system, motivational factor, gamification

INTRODUCTION

Employee motivation plays a crucial role in organizational success, influencing productivity, job satisfaction, and overall performance. While extensive research has explored various aspects of motivation in the workplace, there remains a noticeable gap in understanding how contemporary trends in staff motivation differ across diverse organizational settings. This study aims to address this gap by conducting a comparative analysis of current trends in staff motivation across industries and regions.

With the changes taking place in the world, in our country, in enterprises and in people, approaches to labor activity are also changing, including personnel management and, specifically, motivation for work. The causes for the alteration of approaches lie in various factors, but the key reason is changes in people. The new generations, called «Y and Z» by experts, are quite different from the generation 20th century. The motivation system is subject to the impact of outer factors that make adjustments to the strategies of enterprises, and, accordingly, to their motivational programs.

The relevance of the theme lies on that needs are constantly changing, therefore you cannot expect that the motivation system that worked effectively for a certain period, will be effective in the future. With the development of personality, its opportunities, needs for self-improvement and self-expression also expanded, that is, the process of motivation through the way to meet the needs can be considered unlimited.

The problem of labor motivation worried many well-known economists. The need to use a motivational mechanism for enterprises was proved by all scientists. However, there was not found a single approach that would become universal for any organization. Human motives and needs tend to increase, so it is necessary to use a variety of methods of motivation and stimulation of labor employees of the enterprise. Contemporary realities demands company leaders to adapt to them, taking into consideration the difference in generations, changes in the principles and job requirements. There new ways of motivation and new tools are constantly arising. In this research article, the most popular approaches used in recent years in enterprises are considered, analyzed and compared, in order to study current trends in staff motivation.

Existing literature on employee motivation predominantly concentrates on traditional methods such as monetary rewards, recognition programs, and career progression prospect. While these strategies have proven effective in certain contexts, emerging trends indicate a transition towards more comprehensive and personalized approaches to motivation. Nonetheless, exploration regarding the adoption levels of these trends and their impact on employee engagement and retention remain underexplored.

By directly connecting the research goals to recognized gaps in the existing literature, this study aims to make the following contributions to the field

1. Assessing the prevalence and effectiveness of traditional and contemporary motivational strategies in diverse organizational environments.
2. Identifying key drivers and barriers associated with the adoption of new motivational trends.
3. Investigating the impact of cultural, demographic, and organizational factors on employee motivation methodologies.
4. Providing practical insights and recommendations for organizations seeking to enhance employee involvement and performance in an evolving workplace landscape.

In the first part of article, the literature review was conducted about general concept of motivation, its types and about meaningful theories of motivation. In the second part, new trends in motivation are listed, also there are given detailed information about their causes of appearance and development. Finally, types of popular solutions to introduce and adjust the motivation system are recommended on the example of foreign experience.

Literature review. Today there are a considerable number of interpretations of the concept of motivation. Generalizing, it can be determined that motivation is the process of stimulating employees to work, which involves the use of human behavior motives to achieve personal or organization's goals [1]. It is a set of internal and external driving forces that motivate a person to activity, set boundaries and forms of activity and focused this activity on achieving certain goals. The impact of motivation on human behavior depends on many factors, in many ways it can change individually under the influence of feedback from human motives and activities. [2]

Staff motivation, occupying one of the central places in personnel management, is also one of the primary factors in increasing their productivity. In modern conditions, the problem of studying the dependence of labor productivity on staff motivation is solved in a qualitatively new way, since there is a wide variety of business areas that differ both in the nature and content of activities. This explains the increased interest in the problem of personnel motivation in enterprises.

The content and form of employee motivation methods depend on a professional, adequate job motivation system in the organization, the general management system at the enterprise, the specifics of activities of the company, as well as on the development and application of modern theories of staff motivation, that is, an integrated approach is needed to improve the motivation subsystem [3].

According to A.M. Kolot, human needs are the engine that drives our motivation, and these needs can be broadly categorized into three groups: material, labor, and social status. This allows us to classify motivation into two main types: material and non-material (labor, status).

Material motivation is the most common and easiest way to reward employees. Beyond the standard pay-for-performance approach, recognizing the desire for well-being is crucial for employee motivation. Material motivation is a pay-for-performance approach for labor (wages, bonuses, compensation, vacation pay, etc.). Material motives, of course, play a crucial role in defining the labor behavior of employees, but this does not

mean that non-material incentives and motives are secondary. While traditional systems based on wages and bonuses can work, their dominance shouldn't diminish the growing importance of non-material motivators like meaningful work and a positive work environment. Modern business practice indisputably shows that the role of non-material motives and incentives is constantly growing.

The importance of *non-material motivation* is also confirmed by the works of O. S. Ivanilov. The scientist sees that since the beginning of the XX century, the methods of material motivation, having become widespread due to the development of technology, the rise in the level of well-being and education of people, are gradually beginning to weaken. People are starting to pay attention to other factors of increasing labor efficiency. Therefore, there was a need to use social and psychological aspects of motivation [4]. Non-material motivation includes such types of incentives as career advancement, commendations, diplomas, medals, special titles, flexible work schedules, labor protection, participation in decision-making, training, advanced training, payment for communications, lunches, vouchers, etc. An important impetus to the use of intangible motivation is provided by the limited financial capabilities of enterprises and the need for constant cost reduction.

Before current studies about motivation, there was foundational basic theories of motivation. Analyzing prominent motivation theories by Maslow, Herzberg, Alderfer, and McClelland reveals a common thread despite individual nuances. It allows us to establish certain parallels between them. Also this enables insightful comparisons, allowing us to draw conclusions about the human motivation mechanism through the lens of needs and their categorization. Comparing the classifications, it can be highlighted that the groups of needs recognized in various theories correspond quite definitely to each other.

One can also identify 2 general characteristics appropriate to them:

- a) a distinct thought of motivation, established by empirical research and used for a long time in management practice clearly set out by each of these theories (especially by the theories of Maslow and Herzberg);
- b) all theories of meaningful motivation practically do not focus on the analysis of the motivation process and concentrate on the analysis of the factors underlying motivation.

Grasping meaningful motivation theories is crucial as they foundation the development of techniques for analyzing employee needs within any team. These needs, acting as the driving force, inspire individuals to commit to the organization, contributing to its growth while fulfilling their own personal aspirations.

Since 2020 due to the global changes in the world, especially after worldwide pandemic situation, there are developed new approaches of motivating personnel. Everything now is changing and being studied. However, there is a small amount of researches about present trends in staff motivation. That is why, author set the task to explore this research topic in more depth.

Materials and method. The main data sources comprise articles in newspapers and the popular press. Also as an information base were used: sources of scientific and educational literature, scientific articles on database Scopus and in specialized journals that correspond to the subject research, specialized sites on the Internet. Through a comprehensive search, we collected as much information as possible about the ongoing tendencies in motivational system of personnel. While using scientific and educational literature, as well as articles from reputable databases like Scopus, adds credibility to the study, it's essential to consider the quality and relevance of the sources. Not all articles or studies may be methodologically sound or directly applicable to the research topic, which could introduce noise or inaccuracies into the analysis. This study is explorative with a qualitative approach. Our data collection based on secondary data sources, which are widely used for high-quality research [5]. Indeed, secondary data is perhaps more appropriate for this study, because first-hand data could not provide comprehensive knowledge about the contemporary slant in motivational system. But there is also one limitation of this method of research. Unlike primary data collection methods where researchers can verify the precision of the data directly from the source, relying on secondary data means acquiring the validity of the information as presented in the sources. There's a risk of misinformation or misinterpretation, especially when data are compiled from numerous sources with varying degrees of reliability. Depending on the timeframe of data collection, there's a risk that the information aggregated from secondary sources may become outdated,

especially in rapidly changing fields like human resources and organizational behavior. Trends and practices in motivational systems may have swift evolution, and relying on dated data could lead to inaccuracies in the findings

Methods of conducting analysis consist of 2 parts. In the first part of this research new trends in staff motivation are identified. First of all, through using key words, such as “current trends” and “staff motivation” we found some relative research articles on Google Scholar and Scopus database. Another additional information was taken from articles on electronic web-sites. Then, by summarizing all of these data 5 recent trends in personnel motivation were revealed.

In the next section, comparative table of actual trends in employee motivation was constructed using analytical techniques such as analysis, synthesis, comparison, and systematization. This table encompassed the reasons for the emergence of these tendencies, their distinguishing characteristics, and information regarding the industries they pertained to. Furthermore, examples of prominent companies where these trends had been observed were included in the table, providing concrete illustrations of their manifestation in real-world contexts.

Results and discussion. As the evolutionary shifts in human behavior and identity takes place, new ways of motivation are developed. A review of common approaches implemented by enterprises in recent years serves as the basis for exploring current trends in personnel motivation. This section presented thematically to indicate the findings, which are summarized in table 1

Table 1 – Summary of finding

Trends in motivation	Cause of occurrence	Distinction	Industries covered	Real cases
Significance of non-material tools	motivation features of Z generation	savings on material incentives good positive mood of employees	Sales sphere and customer service companies	experience of IT industry leaders: Google, Apple, Facebook office
Shorter cycles in the schemes of material rewards	Y and Z generations prefer short tasks and quick results High dynamics of the external/internal environment shortening of the average work hours of employees loss of expediency of long payments and inflation	Material motivation of staff can be of two types - monetary and non-monetary.	Commercial enterprises, and in retail trade	Facebook has a rule: share about the collective accomplishments each evening, showcasing dedication and progress. Each week, Facebook chief Mark Zuckerberg bestows honors upon individuals demonstrating exceptional achievement. Winners in the only «fix of the week» category are given tickets to a baseball game or a concert by a famous band
Development of employee's personal brand	92% trust the opinions of people more than companies (Nielsen) 82% are more likely to buy from a company with active social media (Sprout Social) 77% will buy from a personal communications company (BRANDfog)	The employee becomes a media specialist, participates in forums, conferences, thereby pumping the employer's brand. helps to retain talented specialists in the company.	Sales sphere and customer service companies	Rostelecom is implementing the «Rostelecom Experts» project Coca-Cola - introduced a special employer branding program for employee ambassadors.

Creation of additional sources of income	69% of Z generation would like to have their own business (VK Business) up to 20% of all employees in 2025 are freelancers, self-employed (Ernst & Young) +46% of the global recruitment market by 2025 (TalentTech)	This is an interesting mechanic that can be used to increase motivation and keep employees in the company's circuit.	All spheres	Unilever has allocated internal bonuses with cash compensation to proactive employees. Airbnb is preparing for an IPO. Employees who have been working in it since its inception (2008) are about to get rich, including the cleaner. The employee may dispose of the received shares in any way. Moreover, if an employee performs well, he can get more shares.
Gamification	Introducing of gamification elements into motivation systems by companies, that cannot yet afford specialized IT solutions	team unification increases interest in daily work; makes relationships with friends warm quickly adapts to the work of beginners; allows you to conduct training in a non-standard form.	All spheres	the use of The incorporation of gamification techniques within Uniqlo's interview structure demonstrably led to a heightened level of candidate enthusiasm and the fostering of positive interactions amongst previously unknown participants.
Note – compiled by the author based on [11], [12], [13], [14], [15].				

One of the most popular trend of the modern world is increased *significance of non-material tools* of employee motivation. The main reason for this is the motivation features of Z generation. A lot of researches show that the level of employee engagement directly affects the company's profit. In its turn the involvement of employees mostly is the result of non-material motivation. In this regard, the costs of enterprises for this type of motivation increases every year.

Another tendency of our time can be recognized as *shorter cycles in the schemes of material rewards* [6]. And this trend also is influenced by Y and Z generation, who don't like to wait. Employees of these generations prefer short tasks, the decision of which will not be delayed, and the result will be visible quickly.

Another reason for the formation of such a tendency is the external environment, its variability and impact on the well-being of the nation. High dynamics determines the increased requirements for employees in terms of their qualification skills and results, therefore, in this case, a certain difficulty is formed to earn up to a sufficient amount of money to obtain the necessary benefits [7]

Also, the next reason for the occurrence and development of the tendency is the reduction of the average working hour of employees. If earlier it was supposed that the more an employee works in one place, it indicates his diligence and ability to adapt, now completely different principles rule. Today, employees rarely hold on to their place, especially if there are factors that do not suit them. Of course, this cannot be attributed to every industry. Commercial enterprises are most susceptible to this, and in retail, staff turnover is already a common thing [8].

Development of employee's personal brand – one of the well spreading tendency not only in Kazakhstan, but also in foreign countries. It occurs when company invest to the expert track.

Pros:

- development of a personal brand and personal career at the expense of the company;
- with a positive effect - promotion of the employer's brand
- average investment and an additional pool of brand advocates.

Risks:

- extra time to work with a personal brand;
- redistribution of the employee's time for additional non-core activities;
- potential negative associations with reference to the company's brand.

Creation of additional sources of income.

Pros:

- multi-employment and internal sources of income for an employee in one company;
- lack of additional investment in the search for resources and predictability.

Risks:

- missed opportunities - the company is more likely to offer an average level of payment compared to market offers
- company's dissatisfaction with the level of quality of the task performed;
- changing employee priorities.

Another trend in motivation is *gamificatio* . Currently, gamification has become a fairly popular technique used in various fields of activity. Promotion with points, ratings, corporate virtual currencies with the possibility of real monetization, the use of game moments, small gifts – this is something that can be realized without significant expenses, and more and more companies are coming to this

Gamification helps to motivate personnel for companies in many aspects. It can be useful both at interview stage and at working stage. One of the good example of this is shown in interview process of the company Uniqlo. The candidate journey begins with an engaging chatbot interview, followed by a dynamic group interview that leverages gamification elements to assess skills and cultural fit. Following a brief video introduction to the company, a brand presentation, and a narrative exploring its history, values, and goals, an interactive game commenced. Participants engaged in tasks, earning stickers that could be redeemed for branded merchandise like pens, notebooks, T-shirts, and thermoses at the event's conclusion.

The more activity - the more stickers. Concluding the meeting on a positive note, fostering a sense of belonging among participants. This welcoming atmosphere, mirrored in the company's use of playful gamific - tion elements like point-based stickers and branded reward incentives during the interview process, suggests a commitment to fostering a comfortable and engaging candidate experience.

Across various sectors, from service-oriented industries to manufacturing and technology-driven fields, we notice distinct preferences and unique methods in motivating employees. Additionally, cultural backgrounds significantly influence these approaches, with collectivist cultures emphasizing teamwork and collaboration, while individualistic cultures prioritize independence and personal growth. By using the method of comparison and analysis we construct a table, which distinguishes recognized trends by different industries, where they appear and by cultural contexts, which determine their distinctive features.

Table 2 – Comparison of trends in staff motivation across different sectors and cultural context

Trends in motivation	Across sectors	Cultural contexts
Significance of Non-material Tools	In service-based industries like hospitality and customer service, non-material tools such as identification programs and opportunities for personal growth may be particularly effective in motivating employees who directly interact with customers. In contrast, sectors like manufacturing or construction may focus on tangible benefits like safety incentives or performance bonuses.	In cultures where collectivism is valued over individual achievement, non-material tools that foster team cohesion and collaboration may be more beneficial. Conversely, in cultures that prioritize individualism and autonomy, incentives adapted to personal development and autonomy may be more effective
Shorter Cycles in Material Rewards	Sectors with fast-paced surroundings and high levels of competition, such as technology and retail, may be more willing to adopt shorter cycles in material rewards to maintain employee engagement and drive production. However, industries with longer project timelines, such as construction or healthcare, may have problems in implementing this trend due to the nature of their work.	Cultures that value immediate gratification and efficiency may be more open-minded to shorter cycles in material rewards. Conversely, cultures that more value long-term planning and stability may be resistant to this trend, preferring to indicate patience and persistence in accomplishing goals.

Development of Employee's Personal Brand	Industries where personal expertise and reputation are significant, such as consulting, marketing, and creative fields, may see a higher adoption of initiatives aimed at developing employees' personal brands. However, sectors where teamwork and collective success are paramount, such as healthcare or education, may prioritize initiatives that strengthen the organization's brand over individual branding efforts	Cultures that value individualism and self-expression may embrace the development of personal brands more readily. Conversely, in cultures that prioritize humility and group harmony, employees may be more hesitant to promote their personal brands, preferring to align themselves with the collective identity of the organization.
Creation of Additional Sources of Income	Industries with flexible work arrangements, such as technology and finance, may be more conducive to the creation of additional income sources through freelancing or side projects. However, sectors with rigid work structures or high regulatory barriers, such as healthcare or government, may face challenges in accommodating additional income streams.	Cultures that value entrepreneurialism and innovation may encourage the creation of additional income sources as a means of personal empowerment. Conversely, in cultures where stability and job security are paramount, employees may prioritize traditional career paths over entrepreneurial endeavors.
Gamification	Industries that rely heavily on technology and digital platforms, such as gaming, e-commerce, and social media, may readily embrace gamification as a means of increasing engagement and motivation among employees. However, sectors with more traditional work environments, such as manufacturing or utilities, may be slower to adopt gamification due to concerns about its applicability and effectiveness	Cultures that value competition and achievement may be more receptive to gamification as a means of incentivizing performance and driving results. Conversely, in cultures where leisure and work-life balance are prioritized, employees may view gamification as intrusive or counterproductive to their well-being.
Note – compiled by the author		

Overall, while these trends may manifest differently across industries and cultural background, understanding their nuances is essential for enterprises. Through this exploration, we aim to provide insights into how organizations can tailor their motivational strategies to align with industry-specific norms and cultural preferences. By acknowledging and adapting to these nuances, businesses can cultivate a more enthusiastic and productive workforce, ultimately driving organizational success in today's competitive environment.

CONCLUSION

Thus, questions of motivation are very important and sensitive in enterprises. External factors have great impact on the motivation system and make adjustments to the strategies of enterprises, and, accordingly, to their motivational programs. In modern realities, company leaders must to adapt to them, taking into account the difference in generations, changes in the principles and requirements for work. There are new ways of motivation, new tools.

However, the developments that currently exist, both in Western and in domestic companies allow to develop and fill the motivation system with effective and working tools that correspond to the modern world

In consequence of the analysis of the above data, it is possible to make conclusion, that new tendencies of staff motivation are appeared in modern society. They are caused by changes in generations, in life-styles and many other socio-economical, behavioral situations. Generally, in this article 5 common tendencies in personnel motivation are identified. They are: significance of non-material tools, shorter cycles in the schemes of material rewards, development of employee's personal brand, creation of additional sources of income and gamification. In connection with the above data in table 1, it can be summed up, that mostly in sales sphere and customer service companies, such trends as an increasing significance of non-material tools and employee's personal brand are developed. Other given tendencies were noticed in all spheres of business, especially in commercial enterprises and in retail trade.

Further, based on these current trends in sphere of personnel management, it is possible to elaborate appropriate method for motivating workers of enterprises in different fields. Also, new staff motivation system

and development strategy can be formed with taking into account these actual tendencies in motivation. Its implementation will enhance the productivity of workers and, overall, efficiency of production activities

REFERENCES

1. Рулев В. А., Гуткевич С. О. Менеджмент: пособие на учебник. – М.: Академия, 2016. – 312 с.
2. Крыжко В. В., Павлютенков Е. М. Психология в практике менеджера образования. – СПб.: КАРО, 2001. – 304 с.
3. Токарева Ю. А., Глухенькая Н. М., Токарев А. Г. Мотивация трудовой деятельности персонала: комплексный подход: монография. – Шадринск: Шадринский государственный педагогический университет, 2021. – 216 с.
4. Иванилов О. С. Экономика предприятия: учеб. [для студ. высш. учеб. завед.] – М.: РГБ «Пашков дом», 2015. – 728 с.
5. Johnston M. P. Secondary data analysis: A method of which the time has come // Qualitative and quantitative methods in libraries. – 2014. – № 3(3). – P. 619-626.
6. Кошкина, Ю. А. Формы мотивации персонала и методы её оценки // Синергия Наук. – 2020. – № 54. – С. 349-355.
7. Минева О. К., Ахунжанова И. Н., Мордасова Т. А. Управление персоналом организации: технологии управления развитием персонала: Учебник. – М.: Инфра-М, 2017. – 539 с.
8. Нестеренко И. Е., Надина К. А. Мотивация в современной практике управления персоналом // Наука, творчество, инновации: Сборник научных трудов ученых, преподавателей, магистрантов, студентов и практических работников. – Краснодар: ФГБУ «Российское энергетическое агентство» Минэнерго России Краснодарский ЦНТИ- филиал ФГБУ «РЭА» Минэнерго России, 2020. – С. 104-108.
9. Белоусова А. Е. Геймификация как инструмент мотивации персонала: case Uniqlo // Цифровая трансформация общества, экономики, менеджмента и образования: материалы Международной конференции (Екатеринбург, 05–06 декабря 2019 года). Том 1. – Sedlčany: Ústav personalistiky, 2020. – С. 8-14.
10. Колот А. М. Мотивация персонала: учебник. – М.: высшая школа, 2014. – 337 с.
11. Новиков А. Пять шагов к удержанию талантливых сотрудников в компании: главные тренды и успешные кейсы [Electronic resource] // RossTelecom. Блог на VC.RU [website]. – 2022. – URL: <https://vc.ru/hr/423302-pyat-shagov-k-uderzhaniyu-talantlivyh-sotrudnikov-v-kompanii-glavnye-trendy-i-uspeshnye-keysy> (Accessed: 21.12.2023).
12. Якуба В. 10 эффективных способов нематериальной мотивации сотрудников [Electronic resource] // hh.ru [website]. – 2022. – URL: <https://hh.ru/article/29843> (Accessed: 21.12.2023).
13. Шевченко А. Менеджмент системы мотивации [Electronic resource] // Management.com.ua [website]. – 2022. – URL: <https://www.management.com.ua/hrm/hrm346.html> (Accessed: 23.12.2023).
14. Wyszowska Z. Contemporary trends in motivating employees // EasyChair Preprint. – 2019. – № 779. – P. 109-115.
15. Хафизова О. В. Современные тенденции и отличительные особенности мотивации сотрудников крупных предприятий // Ученые записки Российской академии предпринимательства. – 2017. – № 2(16). – P. 319-327.

REFERENCES

1. Rulev, V. A., & Gutkevich, S. O. (2016). *Menedzhment: posobie na uchebnik*. Moscow: Akademiya.
2. Kryzhko, V. V., & Pavlyutenkov, E. M. (2001). *Psikhologiya v praktike menedzhera obrazovaniya*. Saint-Petersburg: KARO.

3. Tokareva, Yu. A., Glukhenskaya, N. M., & Tokarev, A. G. (2021). *Motivatsiya trudovoy deyatel'nosti personala: kompleksnyy podkhod: monography*. Shadrinsk: Shadrinskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet.
4. Ivanilov, O. S. (2015). *Ekonomika predpriyatiya: uchebnik [dlya studentov vysshikh uchebnykh zavedeniy]*. Moscow: RGB "Pashkov dom".
5. Johnston, M. P. (2014). Secondary data analysis: A method of which the time has come. *Qualitative and Quantitative Methods in Libraries*, 3(3), 619-626.
6. Koshkina, Yu. A. (2020). Formy motivatsii personala i metody yeye otsenki. *Sinergiya Nauk*, 54, 349-355.
7. Mineva, O. K., Akhunzhanova, I. N., & Mordasova, T. A. (2017). *Upravlenie personalom organizatsii: tekhnologii upravleniya razvitiem personala: textbook*. Moscow: Infra-M.
8. Nesterenko, I. E., & Nadina, K. A. (2020). Motivatsiya v sovremennoy praktike upravleniya personalom. In *Nauka, tvorchestvo, innovatsii: Sbornik nauchnykh trudov uchenykh, prepodavateley, magistrantov, studentov i prakticheskikh rabotnikov* Krasnodar: FGBU "Rossiyskoye energeticheskoye agentstvo" Minenergo Rossii Krasnodarskiy TsNTI- filial FGBU "REA" Minenergo Rossii, 104-108 (In Russian)
9. Belousova, A. E. (2020). Gejmifikatsiya kak instrument motivatsii personala: case Uniqlo. In *Tsifrovaya transformatsiya obshchestva, ekonomiki, menedzhmenta i obrazovaniya: materialy Mezhdunarodnoy konferentsii (Yekaterinburg, 05-06 dekabrya 2019 goda)*. Vol. 1, 8-14, Sedlčany: Ústav personalistiky.
10. Kolot, A. M. (2014). *Motivatsiya personala: textbook*. Moscow: Vysshaya shkola.
11. Novikov, A. (2022). Pyat shagov k uderzhaniyu talantlivykh sotrudnikov v kompanii: glavnye trendy i uspeshnye keys. *RossTelecom. Blog on VC.RU*. Retrieved December 21, 2023, from <https://vc.ru/hr/423302-pyat-shagov-k-uderzhaniyu-talantlivykh-sotrudnikov-v-kompanii-glavnye-trendy-i-uspeshnye-keys> (In Russian).
12. Yakuba, V. (2022). 10 effektivnykh sposobov nematerial'noy motivatsii sotrudnikov. *Hh.ru*. Retrieved December 21, 2023, from <https://hh.ru/article/29843> (In Russian).
13. Shevchenko, A. (2022). Menedzhment sistemy motivatsii. *Management.com.ua*. Retrieved December 23, 2023, from <https://www.management.com.ua/hrm/hrm346.html> (In Russian).
14. Wyszowska, Z. (2019). Contemporary trends in motivating employees. *EasyChair Preprint*, 779, 109-115.
15. Khafizova, O. V. (2017). Sovremennye tendentsii i otlichitel'nye osobennosti motivatsii sotrudnikov krupnykh predpriyatiy. *Uchenye zapiski Rossiyskoy akademii predprinimatel'stva*, 2(16), 319-327 (In Russian).

ҚЫЗМЕТКЕРЛЕРДІ МОТИВАЦИЯЛАУДЫҢ ЗАМАНАУИ ТЕНДЕНЦИЯЛАРЫН САЛЫСТЫРМАЛЫ ТАЛДАУ

Т. Фукай¹, Ә.Д.Исахан^{2*}

¹Цукуба Университеті, Цукуба, Жапония

²Әл-Фараби атындағы Қазақ Ұлттық Университеті, Алматы, Қазақстан Республикасы

АНДАТПА

Бұл мақалада экономиканың барлық секторлары үшін қызметкерлерді ынталандырудың жалпы заманауи үрдістері көрсетілген.

Зерттеудің мақсаты – қазіргі экономикадағы еңбек мотивациясының барлық ағымдағы тенденцияларын анықтау және салыстыру.

Зерттеудің әдістемелік негізі – ғылыми әдебиеттерді талдауда қолданылған жалпылау, топтастыру және салыстыру әдістері. Салыстырмалы кестені құру және зерттеу нәтижелерін талқылау кезінде заманауи тенденцияларды зерттеу әдісі – талдау және синтез әдістері қолданылды. Барлық жинақталған

ғылыми әдебиеттерді қорытындылау нәтижесінде персоналды ынталандырудың 5 заманауи тенденциясы анықталды.

Зерттеудің бірегейлігі / құндылығы. Болашақта персоналды басқару саласындағы осы заманауи тенденцияларға сүйене отырып, әртүрлі қызмет салаларындағы кәсіпорындардың қызметкерлерін ынталандырудың тиісті әдістемесін әзірлеуге болады. Оны жүзеге асыру жұмысшылардың еңбек өнімділігін және жалпы алғанда өндірістік қызметтің тиімділігін арттырады. Әртүрлі мәдениеттер мен секторлардағы тенденциялардың салыстырмалы талдауын қолдана отырып, кез келген ұйым өзінің ерекшеліктеріне негізделген мотивацияның неғұрлым қолайлы әдісін таңдай алады.

Зерттеудің негізгі нәтижелері тенденциялар мен олардың пайда болу себептері, олардың негізгі белгілері және қай салаларды қамтитыны туралы ақпарат болды. Сондай-ақ ірі ұйымдарды мысалға ала отырып, трендтердің нақты жағдайлары келтірілді. Сонымен бірге, терең зерттеу жүргізу арқылы бұл трендтердің әр түрлі саладағы және мәдениеттегі айырмашылықтары анықталды.

Түйін сөздер: персоналды ынталандыру, қызметкерлерді ынталандыру жүйесі, мотивациялық факторлар, геймификация.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СОВРЕМЕННЫХ ТЕНДЕНЦИЙ В МОТИВАЦИИ ПЕРСОНАЛА

Т. Фукай¹, А.Д.Исахан^{2*}

¹Университет Цукубы, Цукуба, Япония

²Казахский Национальный Университет имени аль-Фараби, Алматы, Республика Казахстан

АННОТАЦИЯ

В данной статье представлены общие современные тенденции мотивации работников для всех отраслей экономики.

Цель исследования – определить и сравнить все актуальные тенденции мотивации труда в современной экономике.

Методологической основой исследования послужили методы обобщения, группировки и сравнения, которые использовались при анализе научной литературы. При построении сравнительной таблицы и обсуждении результатов исследования применялся метод исследования актуальных тенденций - методы анализа и синтеза. В результате обобщения всей собранной научной литературы было выявлено 5 современных тенденций в мотивации персонала.

Оригинальность / ценность исследования. В дальнейшем, основываясь на данных современных тенденциях в сфере управления персоналом, можно разработать соответствующую методику мотивации работников предприятий различных сфер деятельности. Ее внедрение позволит повысить производительность труда работников и, в целом, эффективность производственной деятельности. Благодаря данному сравнительному анализу современных тенденций в различных культурах и отраслях, любая организация может выбрать наиболее подходящий метод мотивации, исходя из ее собственных особенностей.

Основными результатами исследования стали тренды и причины их возникновения, их основные особенности и информация о том, какие отрасли они охватывают. Также, на примере крупных организаций были приведены реальные случаи присутствия тенденций. Кроме того, благодаря более глубокому анализу была раскрыта информация о том, как эти тенденции отличаются в различных отраслях и культурных традициях.

Ключевые слова: мотивация персонала, система мотивации сотрудников, мотивационные факторы, геймификация.

ABOUT THE AUTHORS

Fukai Taiyo – PhD in Economics, assistant professor, University of Tsukuba, Tsukuba, Japan, e-mail: fukai.taiyo.gb@u.tsukuba.ac.jp

Issakhan Assemay Dikhankyzy – master's student, Kazakh National University named after al-Farabi, Almaty, Kazakhstan, e-mail: asemaiisakhan@gmail.com*

МРНТИ 06.01

JEL Classification: O1

DOI: <https://doi.org/10.52821/2789-4401-2024-1-102-117>

СЫБАЙЛАС ЖЕМҚОРЛЫҚТЫҢ ЕЛДІҢ ЭКОНОМИКАЛЫҚ ҚЫЗМЕТІНЕ ӘСЕРІ

Б. Е. Айтжанова¹, Ж. З. Оралбаева¹, Г. К. Жанибекова¹

¹Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Экономика және бизнес жоғары мектебі, Алматы, Қазақстан Республикасы

АНДАТПА

Зерттеудің мақсаты: сыбайлас жемқорлықтың елдің экономикалық қызметіне әсерін талдау болып табылады, екі негізгі аспектіге ерекше назар аударылады: әлеуметтік теңсіздік және тұрақты экономикалық даму. Осы зерттеу шеңберінде сыбайлас жемқорлық тәжірибелері экономикалық ресурстардың бөлінуіне және әртүрлі әлеуметтік топтардың мүмкіндіктеріне, сондай-ақ ел экономикасының орнықты дамудың ұзақ мерзімді сын-қатерлеріне бейімделу қабілетіне қалай әсер ететінін жүйелі түрде зерделеуге әрекет жасалады. Зерттеу сыбайлас жемқорлықтың экономикалық процестерге кері әсерін тигізетін, әлеуметтік алшақтықтарды тереңдетуге және тұрақты даму негіздерін бұзуға әкелетін тетіктерді анықтауға бағытталған. Сыбайлас жемқорлық схемаларының нарықтық ынталандыруды және ресурстарды бөлуді қалай бұрмалауы, сол арқылы инновациялар мен адам және қаржылық капиталды тиімді пайдалануға кедергілер тудыруы мүмкін екендігін талдауға ерекше назар аударылады.

Әдіснамасы: статистикалық деректерді, халықаралық есептерді талдауды қоса алғанда, сандық және сапалық талдауды қолдану.

Зерттеудің бірегейлігі / құндылығы: сыбайлас жемқорлықтың экономикалық тиімділікке, инвестициялық ахуалға және ресурстарды бөлуге әсер ету тетіктеріне жаңа көзқарас ұсыну.

Зерттеу нәтижелері: сыбайлас жемқорлықтың экономикалық өсуге, инвестициялық климатқа теріс әсерін анықтау және әлеуметтік теңсіздікті күшейту. Сыбайлас жемқорлыққа қарсы тиімді күрес бойынша ұсынымдар ұсыну.

Түйін сөздер: сыбайлас жемқорлық, экономикалық қызмет, әлеуметтік теңсіздік, тұрақты даму, инвестициялық ахуал.

КІРІСПЕ

Қазіргі әлемде сыбайлас жемқорлық елдердің экономикалық дамуына әсер ететін негізгі факторлардың бірі болып табылады. Бұл құбылыс микроэкономикалық процестерден бастап жаһандық экономикалық тенденцияларға дейінгі экономикалық қызметтің барлық деңгейлеріне айтарлықтай әсер етеді. Сыбайлас жемқорлық нарықтық тетіктердің бұрмалануына, мемлекеттік басқару тиімділігінің төмендеуіне және инвестициялық ахуалдың нашарлауына алып келеді, бұл өз кезегінде экономикалық өсуді тежейді және әлеуметтік теңсіздікті тереңдетуге ықпал етеді. Сыбайлас жемқорлықтың елдің эконо-

микалық қызметіне әсерін зерттеу осы құбылыспен күресудің тиімді стратегияларын әзірлеу үшін өте маңызды.

Сыбайлас жемқорлықтың елдің экономикалық саласына әсері туралы зерттеу аясында Президенттің 2022 жылғы 1 ақпандағы мәлімдемесін атап өту маңызды. Сыбайлас жемқорлыққа қарсы күрес мәселелеріне арналған кеңес барысында Мемлекет басшысы мемлекеттік саясаттың негізгі аспектісі ретінде осы салада батыл әрекет ету қажеттігін атап өтті. Оның пікірінше, сыбайлас жемқорлықты ойдағыдай еңсеру заңдылық қағидаттарын бекіту және тиімді құқықтық мемлекет құру үшін маңызды фактор болып табылады [1].

Әдебиетке шолу. Соңғы онжылдықтарда сыбайлас жемқорлық мәселелері көптеген зерттеушілердің назарын аударды. Г. Е. Гендлер мен А. А. Паксюткин [2] сыбайлас жемқорлықтың түрлерін, соның ішінде саяси, экономикалық және әлеуметтік түрлерін анықтап, олардың әлеуметтік процестерге әсерін талдайды. Олардың пікірінше, саяси саладағы сыбайлас жемқорлық экономикаға ең жойқын әсер етуі мүмкін, өйткені ол ресурстардың тиімсіз бөлінуіне және елдің инвестициялық тартымдылығының төмендеуіне әкеледі. Н. Епифанова [3] өз еңбегінде сыбайлас жемқорлықты зерттеу үшін экономикалық теорияның әдістерін пайдаланып, сыбайлас жемқорлық транзакциялық шығындарды арттыру және кәсіпкерлік пен инвестицияға кедергілер жасау арқылы экономикалық қызметтің тиімділігін айтарлықтай төмендететінін анықтады.

А. В. Шашкова [4] сыбайлас жемқорлықты саяси теория мен практиканың проблемасы ретінде қарастырып, саяси сыбайлас жемқорлық мемлекеттік басқарудың тұрақсыздануына және азаматтардың мемлекеттік институттарға сенімінің төмендеуіне әкелетінін, бұл түптеп келгенде экономиканың дамуына кері әсерін тигізетінін атап көрсетеді. Ал А. Ж. Панзабекова [5] сыбайлас жемқорлықты қабылдауға әлеуметтік-мәдени факторлардың әсерін зерттейді және мәдени сипаттамалар мен әлеуметтік нормалар сыбайлас жемқорлық мінез-құлық үлгілерін қалыптастыруда шешуші рөл атқаратынын дәлелдейді. Бұл сыбайлас жемқорлыққа қарсы стратегияларды әзірлеу кезінде мәдени контекстті ескерудің маңыздылығын растайды.

С. Роуз-Акерман [6] «The Economics of Corruption» атты еңбегінде сыбайлас жемқорлық нарықтық механизмдерді бұзып, ресурстарды тиімсіз бөлуге және экономикалық өсудің төмендеуіне әкелетінін атап көрсетеді. Ол сондай-ақ сыбайлас жемқорлықпен күресу және экономикалық көрсеткіштерді жақсарту үшін институционалдық реформалар қажеттігін атап өтті.

Зерттеулердің көпшілігі сыбайлас жемқорлық пен экономикалық даму арасындағы байланысты талдауға және оны жеңу жолдарын зерттеуге бағытталған. Дегенмен, мәселені ғылыми тұрғыдан түсінуге қосқан елеулі үлесіне қарамастан, одан әрі терең және жан-жақты талдау қажет.

Жыл сайын Transparency International халықаралық ұйымы дүние жүзіндегі елдерге сыбайлас жемқорлықты қабылдау рейтингін береді. Ұзақ жылдар бойы Қазақстан бұл рейтингте тұрақты түрде көрініп, өзінің төменгі қатарын иеленіп келеді: 2022 жылы Қазақстан 180 елдің ішінде 101-ші орынға ие болды [7]. Бұл зерттеу сыбайлас жемқорлықтың елдің экономикалық белсенділігіне әсерін егжей-тегжейлі зерттеуге бағытталған. Статистикалық деректерді және халықаралық есептерді талдау негізінде зерттеу сыбайлас жемқорлықтың экономикалық көрсеткіштерге, инвестициялық ахуалға және ресурстарды бөлуге әсер ететін тетіктері туралы жаңа түсініктерді ұсынады. Әлеуметтік теңсіздік пен тұрақты экономикалық даму мәселелеріне ерекше назар аударылады. Бұл жұмыстың мақсаты проблеманы талдау ғана емес, сонымен қатар елдегі экономикалық жағдайды жақсартуға көмектесетін сыбайлас жемқорлықпен тиімді күресу бойынша ұсыныстар әзірлеу болып табылады.

ЗЕРТТЕУДІҢ НЕГІЗГІ БӨЛІГІ

Сыбайлас жемқорлық мәселесі халықаралық масштабтағы проблемаға айналды, өйткені ол саяси құрылымы мен экономикалық даму деңгейіне қарамастан барлық елдерге тән, сонымен қатар нарықтық экономикасы бар демократиялық мемлекеттерде де кездеседі. Бұл жеке пайда үшін берілген билікті немесе лауазымды теріс пайдалану. Біріккен Ұлттар Ұйымының Сыбайлас жемқорлыққа қарсы

халықаралық күрес жөніндегі негізгі құжатында: «Сыбайлас жемқорлық – жеке пайда үшін пайда алу мақсатында мемлекеттік билікті теріс пайдалану» анықтама берілген [8].

Сыбайлас жемқорлықтың бірнеше түрлері бар, соның ішінде:

1. Парақорлық белгілі бір қолайлылық немесе биліктегі адамнан қолайлы шешімдер алу үшін ақша, сыйлықтар немесе қызметтер сияқты материалдық құндылықтарды беру ретінде анықталады. Сыбайлас жемқорлықтың бұл түрі ең кең таралған және әртүрлі салаларда, мемлекеттік және жеке секторда болуы мүмкін. Мұндай транзакциялар әдетте рұқсаттарды, лицензияларды немесе басқа ресми құжаттарды алуды талап ететін бюрократиялық процестерді қамтиды және жеке пайда үшін мемлекеттік қызметті анық теріс пайдалануды білдіреді;

2. Непотизм – кәсіптік біліктілігіне немесе сіңірген еңбегіне қарамастан туыстары мен достарына жұмыс орындарын беру, жоғарылату, келісім-шарттар беру немесе жақсылық жасауды көздейтін сыбайлас жемқорлық әрекеттерінің түрлері. Сыбайлас жемқорлық қызметіндегі бұл құбылыс жеке байланыстар мен қарым-қатынастардың пайдасына кәсіби критерийлер мен құзыреттерді әдейі елемеймен байланысты.

Басқару және әкімшілік процестерде непотизм мен жақындықты пайдалану әділдік пен тең мүмкіндіктердің негізгі принциптерін бұзады. Бұл жеке байланыстар мен қарым-қатынастармен салыстырғанда кәсіби қасиеттер мен адал еңбек екінші орында тұратын жүйенің қалыптасуына әкеледі. Бұл жағдай ұйымдардың тиімділігі мен өнімділігіне нұқсан келтіріп қана қоймайды, сондай-ақ мұндай байланыстары жоқ білікті мамандардың демотивациясын тудырады. Кеңірек әлеуметтік-экономикалық орта жағдайында непотизм мен жақындық әлеуметтік теңсіздікті айтарлықтай арттырып, қоғамдағы сыбайлас жемқорлық мәселелерін тереңдете алады;

3. Сыбайлас жемқорлықтың жиі кездесетін көріністерінің бірі – жеке тұлғалардың мемлекеттік ресурстарды заңсыз пайдалануы. Сыбайлас жемқорлықтың бұл түрі жеке пайда үшін мемлекеттік мүлікті рұқсатсыз пайдалану немесе билік ету болып табылады. Сыбайлас жемқорлықтың бұл түрінің негізгі аспектілері құқық бұзушылықтың кең ауқымын қамтиды, бірақ олармен шектелмейді: мемлекеттік келісім-шарттардағы алаяқтық, мемлекеттік мүлікті ұрлау, мемлекет қаражатын мақсатсыз пайдалану және т.б.

Бұл әрекеттер заң мен этикалық нормаларды бұзу болып қана қоймай, қоғамның экономикалық және әлеуметтік әл-ауқатына айтарлықтай зиян келтіреді. Олар мемлекеттік институттарға деген сенімге нұқсан келтіреді, мемлекеттік басқарудың тиімділігін төмендетеді және мемлекет қаражатының ұтымсыз жұмсалыуына әкеледі. Бұдан шығатыны, сыбайлас жемқорлықтың мұндай түрлерімен күресу сыбайлас жемқорлыққа қарсы ұлттық саясат шеңберінде басымдыққа айналуы тиіс;

4. Жеке бас пайдасы үшін ережелер мен рәсімдерді бұрмалау ретінде анықталған әкімшілік сыбайлас жемқорлық мемлекеттік сектордағы сыбайлас жемқорлық мінез-құлқының кең таралған нысандарының бірі болып табылады. Сыбайлас жемқорлықтың бұл түрі жеке пайданы көздеу мақсатында белгіленген заңды рәсімдер мен ережелерді бұрмалайтын немесе бұзатын мемлекеттік қызметкерлердің әрекеттерінен көрінеді.

Әкімшілік сыбайлас жемқорлықтың ерекшелігі оның мемлекеттік қызмет көрсету процестеріне әсері болып табылады. Бұған ресми белгіленген процестер мен критерийлерді айналып өтетін рұқсаттарды, лицензияларды немесе басқа реттеу шешімдерін беру кіреді, бірақ олармен шектелмейді. Мұндай әрекеттер мемлекеттік басқарудағы әділдік, тиімділік және ашықтық қағидаттарының бұзылуына әкеліп соғады, халықтың мемлекеттік институттарға деген сеніміне нұқсан келтіреді.

Әкімшілік саладағы ережелер мен рәсімдерді бұрмалау тек құқықтық жүйеге зиянын тигізіп қана қоймайды, сонымен қатар азаматтар мен бизнес үшін тең емес бәсекелестік алаңын тудырады, бұл экономикалық тиімсіздікке және әлеуметтік толқулардың күшеюіне әкелуі мүмкін. Демек, әкімшілік сыбайлас жемқорлықпен күрес – заңдылықты нығайтудың және мемлекеттік басқарудың тиімділігін арттырудың негізгі аспектісі [2].

Сыбайлас жемқорлықтың осы түрлерін түсіну олардың алдын алу мен күресудің тиімді стратегиялары мен шараларын әзірлеуге көмектеседі. Бұл мемлекеттік және жеке секторда ашық және әділ басқару жүйелерін құру үшін де маңызды.

Сыбайлас жемқорлықтың себептері мен салдарын түсіндіретін теориялар талқылайтын болсақ:

Экономикалық теория сыбайлас жемқорлық заңсыз қызметтерге сұраныс пен ұсыныстың теңгерімсіздігінен туындайтын «сыбайлас жемқорлық нарығы» тұжырымдамасына негізделген. Теория сыбайлас жемқорлықты экономикалық ынталандыру және нарықтық принциптер тұрғысынан қарастырады. Ол сыбайлас жемқорлық заңсыз қызметтерге сұраныс пен ұсыныс арасындағы теңгерімсіздіктен туындайды деп болжайды. Бір жағынан, адамдар немесе компаниялар белгілі бір артықшылықтарға қол жеткізуге ұмтылған кезде сыбайлас жемқорлық қызметтерге сұраныс бар. Екінші жағынан, сыбайлас жемқорлық қызметтерді ұсыну шенеуніктер пара алу мүмкіндігіне азғырған кезде пайда болады. Бұл теория сыбайлас жемқорлықтың алдын алу үшін экономикалық ынталандырулар мен жазалардың маңыздылығын атап көрсетеді [3, 37 б.];

Саяси теория сыбайлас жемқорлықты саяси институттардың әлсіздігі мен мемлекеттік органдардың ашықтығының болмауының нәтижесі деп санайды. Бұл тәсіл сыбайлас жемқорлықтың негізгі себебі ретінде саяси институттардың әлсіз жақтарына назар аударады. Бұл теорияға сәйкес, сыбайлас жемқорлық саяси институттар тиімсіз, ашықтық пен есептілікті сақтауға қабілетсіз немесе мүдделі емес орталарда өркендейді. Ашықтықтың болмауы және есеп берудің әлсіз тетіктері сыбайлас жемқорлық әрекеттері үшін қолайлы жағдай туғызады. Демократиялық институттар мен құқықтық жүйені нығайту сыбайлас жемқорлықпен күресудің негізгі тәсілі ретінде қарастырылады [4];

Әлеуметтік-мәдени теория сыбайлас жемқорлықты белгілі бір қоғамдардағы әлеуметтік және мәдени нормалардың бөлігі ретінде қарастырады. Ол сыбайлас жемқорлықты өзара көмек, қайырымдылық және жеке байланыстар ерекше мәнге ие кейбір мәдениеттерде қалыпты жағдай ретінде қабылдауға болады деп болжайды. Мұндай қоғамдарда сыбайлас жемқорлық әдеттегі әлеуметтік тәжірибелер ретінде жасырылуы мүмкін. Әлеуметтік-мәдени тәсіл сыбайлас жемқорлықпен тиімді күресу үшін қоғамдық нормалар мен құндылықтарды өзгерту қажеттігін атап көрсетеді [5, 161 б.].

Бұл теориялар бір-бірін жоққа шығармайды, керісінше толықтырады, сыбайлас жемқорлықтың себептері мен салдары туралы көп деңгейлі түсінік береді. Олар сондай-ақ сыбайлас жемқорлықпен табысты күресу үшін экономикалық, саяси және әлеуметтік-мәдени факторларды ескеретін кешенді тәсіл қажет екенін атап көрсетеді.

Сыбайлас жемқорлық экономикалық саясат пен басқаруға айтарлықтай әсер етеді, жеке-жеке тоқталып кететін болсақ:

1. Экономикалық дамудың бұрмалануы, сыбайлас жемқорлық ресурстарды ұтымды бөлу принциптерінің бұрмалануына әкеледі. Ресурстар тиімділік, меритократия немесе экономикалық орындылық негізінде бөлінудің орнына, олар пара мен жеке байланыстар негізінде бөлінеді. Бұл ресурстарды оңтайлы пайдаланбауға, өнімділіктің төмендеуіне және сайып келгенде экономикалық өсудің баяулауына әкеледі. Инвестициялар мен дамудың басымдықтары бұрмалануы мүмкін, бұл елдің ұзақ мерзімді дамуына теріс әсер етеді;

2. Сыбайлас жемқорлықтың жоғары деңгейі болжанбайтын және сенімсіз бизнес-ортаны қалыптастырады. Шетелдік инвесторлар пара төлеу қажеттілігімен және ашық емес ережелермен бетпе-бет келіп, инвестициялау үшін балама нарықтарды іздей алады. Сыбайлас жемқорлық сонымен қатар компаниялардың операциялық шығындарын арттырады, бұл бизнесті жүргізуді тиімсіз етеді және экономикалық тәуекелдерді арттырады. Қылмысты зерттеуге экономикалық көзқарасқа сәйкес, С.Роуз-Аккерман сыбайлас жемқорлықты қылмыстың жасалуына және ол үшін ықтимал жазаға байланысты тәуекел жағдайында экономикалық мінез-құлықтың бір түрі ретінде қарастырады [6, 189 б.];

3. Сыбайлас жемқорлық мемлекеттік бюджетте айтарлықтай шығындарға әкеледі. Бұл мемлекеттік қаражатты заңсыз пайдалану, салық төлеуден жалтару және мемлекеттік сатып алудағы алаяқтық түрінде көрінуі мүмкін. Бюджет қаражатының ағуы және салық түсімдерінің төмендеуі мемлекеттің әлеуметтік бағдарламалар мен инфрақұрылымға инвестицияларды қаржыландырудағы мүмкіндіктерін шектейді, бұл қоғамдық әл-ауқат пен экономикалық дамуға теріс әсер етеді.

Бұл саладағы зерттеулерді Дүниежүзілік банк, Халықаралық валюта қоры және Transparency International сияқты көптеген халықаралық ұйымдар жүргізді, олар сыбайлас жемқорлықтың елдердің экономикалық дамуы мен саясатына терең әсерін көрсетеді.

Сыбайлас жемқорлықтың елдің экономикалық қызметіне әсерін зерттеу үшін талдаудың сапалық және сандық әдістерін қамтитын кешенді тәсіл қолданылады. Қолданылатын деректерді жинау және талдау әдістерінің сипаттамасы:

1. Сандық талдау:

– Статистикалық деректерді жинау – Transparency International және Дүниежүзілік банк сияқты беделді халықаралық ұйымдардың сыбайлас жемқорлық деректерін пайдалану сандық талдаудың негізгі элементі болып табылады. Сыбайлас жемқорлықты қабылдау индексі және басқа да жаһандық есептер әртүрлі елдердегі сыбайлас жемқорлық деңгейлерін салыстыру және талдау үшін құнды деректерді ұсынады. Бұл деректер сыбайлас жемқорлық деңгейі мен экономикалық көрсеткіштер арасындағы тенденцияларды, заңдылықтарды және корреляцияларды анықтау үшін пайдаланылуы мүмкін;

– Жылы эконометрикалық модельдеу, регрессиялық талдауды қолдану сыбайлас жемқорлық деңгейі мен жалпы ішкі өнімнің (ЖІӨ), инвестиция деңгейі және кедейлік сияқты экономикалық айнымалылар арасындағы байланысты сандық бағалауға мүмкіндік береді. Бұл сыбайлас жемқорлық деңгейіндегі өзгерістер елдің экономикалық жағдайына қалай әсер ететінін түсінуге көмектеседі. Регрессиялық талдау сонымен қатар сыбайлас жемқорлықпен қандай факторлар қатты байланысты екенін және бұл қатынастардың әртүрлі контексттерде қалай өзгеретінін анықтай алады.

2. Сапалық талдау ретінде құжаттарды талдау – заңнамалық және нормативтік актілерді, үкіметтік және үкіметтік емес ұйымдардың есептерін зерделеу қолданылды.

Сыбайлас жемқорлықтың экономикаға қалай әсер ететінін бағалау үшін әртүрлі негізгі көрсеткіштерді қарастыру маңызды. Бұл көрсеткіштер сыбайлас жемқорлықтың экономикалық құрылымдарға қаншалықты терең енетінін және оның елдің экономикалық дамуына қалай әсер ететінін түсінуге көмектеседі.

Елдің экономикалық өсуі әдетте жалпы ішкі өнімнің (ЖІӨ) өсу қарқынымен өлшенеді. Зерттеулер көрсеткендей, сыбайлас жемқорлық экономикалық өсуге қысқа мерзімді және ұзақ мерзімді әсер етуі мүмкін. Сыбайлас жемқорлық көбінесе экономикалық шешімдердің бұрмалануына және ресурстардың мисаллокациясына әкеледі, бұл экономиканың тиімділігін төмендетеді және оның өсуін тежейді. Сыбайлас жемқорлық деңгейі жоғары елдерде инвестициялар көбінесе ең өнімді секторларға емес, максималды пара немесе рента алуға болатын салаларға бағытталады. Бұл экономиканың жалпы тиімділігінің төмендеуіне және оның өсуінің тежелуіне әкеледі. Дүниежүзілік Банктің зерттеулеріне сәйкес, сыбайлас жемқорлық елдің ЖІӨ-нің жылдық өсімін айтарлықтай төмендетуі мүмкін, мұны 1-кестеден, 2020 жылдан 2022 жылға дейінгі кезеңде Қазақстан Республикасындағы жан басына шаққандағы ЖІӨ динамикасы бойынша байқауға болады [9].

Кесте 1 – Соңғы 3 жылдағы Қазақстандағы ЖІӨ

Жан басына шаққандағы жалпы ішкі өнім			
	2020	2021	2022
Ағымдағы бағалардағы жалпы ішкі өнім, млн теңге ¹⁾²⁾	70 649 033,2	83 951 587,9	103 765 518,2
Доллар бағамы, 1 АҚШ доллары үшін теңге ³⁾	412,95	426,03	460,48
Жалпы ішкі өнім ағымдағы бағамен, миллион АҚШ доллары ³⁾	171 083,7	197 055,6	225 342,1
Халықтың орташа жылдық саны, адам	18 755 665	19 000 987	19 634 983
Жан басына шаққандағы жалпы ішкі өнім, теңге ¹⁾	3 766 810,4	4 418 275,1	5 284 726,7

Жан басына шаққандағы жалпы ішкі өнім, АҚШ доллары ^{2) 3)}	9 121,7	10 370,8	11 476,6
Жан басына шаққандағы жалпы ішкі өнімнің НКІ, өткен жылға %-бен	96,2	103,0	99,9
Жан басына шаққандағы жалпы ішкі өнімнің дефляторы, өткен жылға %-бен	104,3	114,0	119,9
Ескертпе – зерттеу авторлармен құрастырылған ¹⁾ - 1990-1992 жылдары миллион рубльмен есептелген, 1993 жылдан бастап - млн.теңге. ²⁾ - жан басына шаққандағы ЖІӨ-ні АҚШ долларымен есептеу 1993 жылдан бастап жүргізіле бастады. ³⁾ - АҚШ долларына аудару кезінде Қазақстан Республикасының Ұлттық Банкінің орташа жылдық айырбас бағамы қолданылады. ⁴⁾ - 2017 жылдан бастап ЖІӨ-нің өндіріс әдісімен есептеулері Қазақстан Республикасының Әділет министрлігінде 8.08.2019 ж. №19215 тіркелген бақыланбайтын экономиканы бағалаудың жаңа әдістемесіне сәйкес жүргізілді. ⁵⁾ - 2021 жылғы халықтың орташа жылдық саны бойынша деректер 2021 жылы жүргізілген халық санағының нәтижелері бойынша жаңартылды.			

Сыбайлас жемқорлық елдің инвестициялық ахуалына айтарлықтай әсер етеді. Тікелей шетелдік инвестициялар (ары қарай – ТШИ) экономикалық дамудың маңызды көзі болып табылады, алайда сыбайлас жемқорлықтың жоғары деңгейі шетелдік инвесторлар үшін жағдайды айтарлықтай нашарлатады. Сыбайлас жемқорлық инвесторлар үшін белгісіздік пен тәуекелдерді тудырады, бизнес шығындарын арттырады және инвестициялардың ықтимал кірістілігін төмендетеді. Зерттеулер көрсеткендей, сыбайлас жемқорлық деңгейі жоғары елдер сыбайлас жемқорлық деңгейі төмен елдермен салыстырғанда ТШИ-ны айтарлықтай аз тартады. Сондай-ақ, сыбайлас жемқорлық схемаларымен бұрмалануы мүмкін ішкі инвестициялық ағындарды қарастырған жөн, мысалы, мемлекеттік келісімшарттар мен инвестициялар ашық емес жобаларға немесе жоғары лауазымды тұлғалармен байланысты компанияларға жіберілген кезде.

Екі жағдайда да сыбайлас жемқорлық пен экономикалық көрсеткіштер арасындағы байланысты зерттеу үшін халықаралық ұйымдар мен Transparency International сыбайлас жемқорлықты қабылдау индексі (ары қарай – ЖҚИ) және Дүниежүзілік Банктің ЖІӨ мен ТШИ статистикасы сияқты жаһандық экономикалық индекстердің деректері пайдаланылады. Бұл деректер сыбайлас жемқорлықтың елдердің экономикалық дамуына тікелей ғана емес, жанама салдарын да анықтай отырып, терең және көпжақты талдау жүргізуге мүмкіндік береді.

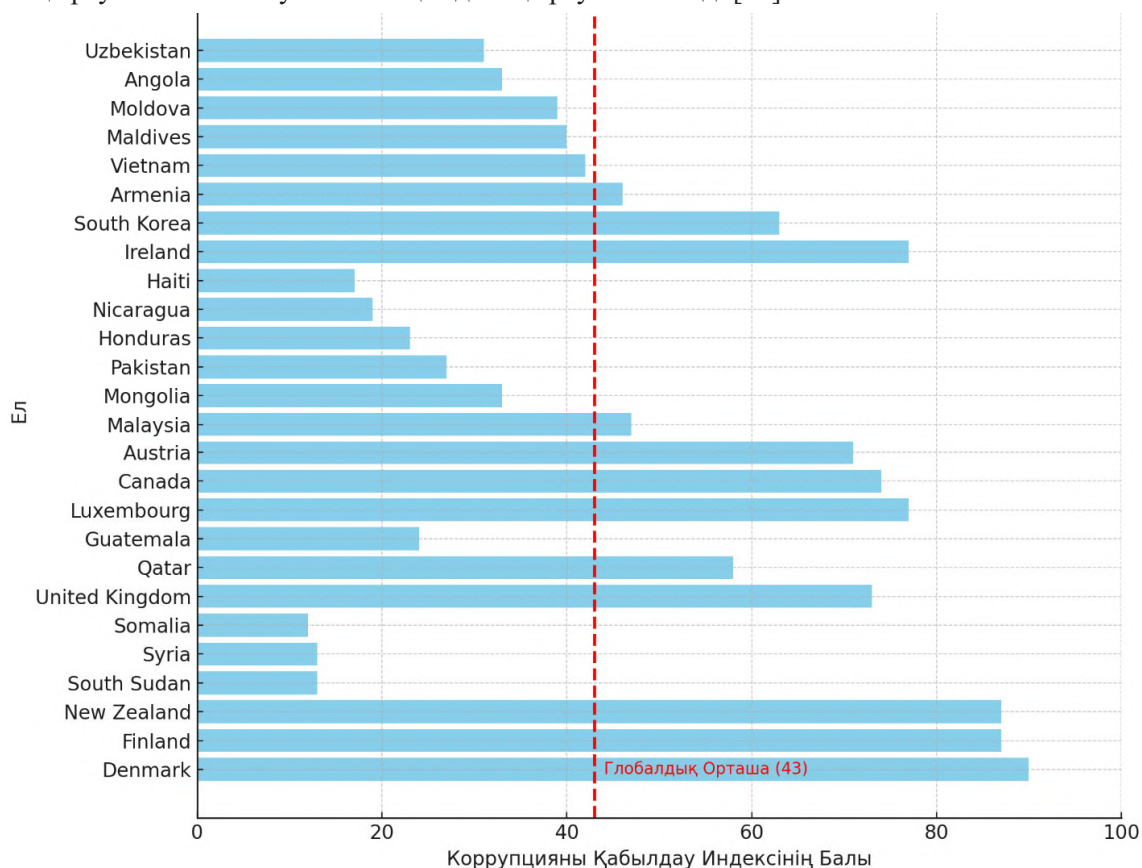
Бүгін Transparency International жариялаған 2022 жылғы сыбайлас жемқорлықты қабылдау индексі (ЖҚИ) әлемнің көптеген елдері әлі де сыбайлас жемқорлыққа қарсы күресте табысқа жете алмайтындығын көрсетеді: 2017 жылдан бастап олардың 95 % іс жүзінде ешқандай оң динамиканы көрсетпейді.

1-сурет 2022 жылы кейбір елдер үшін ЖҚИ ұпайларын көрсетеді. Графикта қай елдердің жоғары ұпай жинағаны (мысалы, Дания, Финляндия және Жаңа Зеландия) және төмен ұпай жинаған елдер (мысалы, Оңтүстік Судан, Сирия және Сомали), сондай-ақ олардың көрсеткіштерінде айтарлықтай өзгеріс болған елдер (мысалы, Ұлыбритания, Канада, Люксембург және басқалар) көрсетілген. Қызыл нүктелі сызық 43 ұпайдың жаһандық орташа ЖҚИ ұпайын көрсетеді [10].

Сыбайлас жемқорлық мемлекет қаражатының сыртқа шығуына және мемлекеттік шығыстардың тиімділігінің төмендеуіне әкеледі. Мемлекеттік қаржы саласындағы сыбайлас жемқорлық деңгейін бағалау мемлекеттік қаражатты бөлуді, келісім-шарттық тағайындауларды және бюджеттік қаражатты бөлуді талдауды қамтиды. Осы саладағы зерттеулер сыбайлас жемқорлық әрекеттерімен байланысты бюджеттік тікелей және жанама шығындарды анықтауға мүмкіндік береді.

Сыбайлас жемқорлық әлеуметтік-экономикалық теңсіздікті күшейтеді, себебі ол көбінесе ресурстардың шағын топтың пайдасына тең емес бөлінуіне әкеледі. Бұл тұрғыда ол сыбайлас жемқорлықтың елдегі табыстарды бөлуге және кедейлік деңгейіне қалай әсер ететінін зерттейді. Бұл талдау әр түрлі әлеуметтік-экономикалық топтардағы табыс көрсеткіштері мен өмір сүру деңгейін салыстыруға негіз-

делген. Нигериядағы халықаралық Shell мұнай компаниясының пара алу мысалы бұл мәселені айқын көрсетеді. Мұндай жағдайда ел дамуы мен халықтың әл-ауқатының артуына ықпал ете алатын қомақты қаржы ресурстары жемқор шенеуніктердің қалтасына қайта бағытталды. Дүниежүзілік банктің 2019 жылғы деректеріне сәйкес, бұл халықтың 50 %-дан астамы өте кедейлікте өмір сүретін елде кедейліктің артуына және әлеуметтік теңсіздіктің артуына әкелді [11].

Сурет 1 – 2022 жылғы сыбайлас жемқорлықты қабылдау индексі баллдары

Ескертпе – зерттеу авторлармен құрастырылған

Бұл бағалау критерийлері сыбайлас жемқорлықтың ел экономикасына көп өлшемді әсерін түсінуге кешенді көзқарасты қамтамасыз етеді. Олар сыбайлас жемқорлықтың жағымсыз салдарын анықтап қана қоймай, оларды барынша азайту және алдын алу бойынша тиімді шараларды әзірлеуге мүмкіндік береді.

Сыбайлас жемқорлықтың экономикаға әсері тақырыбын зерттеуді жалғастыра отырып, бұл бөлім оның инвестициялық климатқа, сыртқы саудаға, мемлекеттік бюджетке және экономикалық өсуге, сондай-ақ әлеуметтік-экономикалық теңсіздікке әсерін талдауға арналады.

Сыбайлас жемқорлық елдің инвестициялық ахуалына айтарлықтай әсер етеді. Дүниежүзілік банк зерттеулеріне сәйкес, сыбайлас жемқорлықтың жоғары деңгейі бизнесті жүргізуге кететін шығындар мен тәуекелдердің өсуімен байланысты, бұл өз кезегінде елдің отандық және шетелдік инвесторлар үшін тартымдылығын төмендетеді. Пара түріндегі сыбайлас жемқорлық тосқауылдары, мемлекеттік саясаттың болжамсыздығы және анық емес заңнама экономикалық өсуге нұқсан келтіретін инвестициялық шешімдерге әсер етеді. Сыбайлас жемқорлықты капиталдың өнімі ретінде де қарастыруға болады. Капитал барлығын тауарға айналдырады, соның ішінде. мемлекеттік билік пен басқару қызметтерін коммерцияландыруға ұмтылады [12, 183 б.].

Сыртқы сауда саласында сыбайлас жемқорлық нарықтық тетіктердің және бәсекелестіктің бұрмалануына, нарықтарды монополиялау үрдісінің күшеюіне және жосықсыз бәсекеге әкелуі мүмкін. Бұл өз кезегінде экспорт пен импорт көлемінің төмендеуіне, тауарлар мен қызметтердің сапасының нашарлауына және соның салдарынан елдегі жалпы әл-ауқат деңгейінің төмендеуіне әкелуі мүмкін.

Мемлекеттік бюджет жемқорлықтың негізгі құрбандарының біріне айналуға. Мемлекеттік сатып алулардағы сыбайлас жемқорлық схемалары, салық төлеуден жалтару және мемлекет қаражатын ысырап ету бюджет ресурстарының айтарлықтай шығынына әкеп соғады. Бұл мемлекеттік инвестициялар мен әлеуметтік бағдарламалардың тиімділігін төмендетеді, экономикалық өсу мен инфрақұрылымды дамыту мүмкіндіктерін шектейді. Қадағалау тәжірибесі көрсеткендей, сыбайлас жемқорлықтың ең көп зардап шеккен салалары мемлекеттік және муниципалдық меншікке билік ету, сондай-ақ бюджет қаражатының жұмсалуды болып табылады. Мемлекеттік және муниципалдық шарттарды жасау және орындау кезінде көптеген бұзушылықтарға жол беріледі [13]. Осылайша, сыбайлас жемқорлық мемлекеттік ресурстарды тиімді және ашық бөлуге кедергі келтіреді, оңтайлы емес инвестициялауға және мемлекеттік шығыстардың ұлғаюына әкеледі. Бұл мемлекеттік институттарға деген қоғамдық сенімге нұқсан келтіреді, мемлекеттік қызметтердің сапасына нұқсан келтіреді және тұрақты экономикалық өсу мен әлеуметтік даму мүмкіндіктерін төмендетеді.

Сыбайлас жемқорлыққа байланысты әлеуметтік-экономикалық даму да баяулайды. Халықаралық валюта қорының зерттеулері көрсеткендей, сыбайлас жемқорлық әлеуметтік теңсіздікті күшейте отырып, кірістерді бөлуді нашарлатады. Сыбайлас жемқорлықпен шиеленіскен ресурстар мен мүмкіндіктердің біркелкі бөлінбеуі әлеуметтік наразылықтың күшеюіне әкеледі және саяси тұрақсыздықты туғызуы мүмкін.

Сыбайлас жемқорлық халықтың әртүрлі топтарына пропорционалды емес әсер етеді. Қоғамның кейбір топтары көбінесе сыбайлас жемқорлық тәжірибесінен зардап шегеді, өйткені оларға Жемқор шеңберіне монополиялаған негізгі қызметтер мен ресурстарға қол жеткізу қиынырақ. Бұл кедейлік пен әлеуметтік алып тастау мәселелерін күшейтеді.

Бұдан басқа, сыбайлас жемқорлық инвестициялық климатқа, сыртқы саудаға, мемлекеттік бюджетке және экономикалық өсуге әсер етіп, сондай-ақ әлеуметтік-экономикалық теңсіздікті күшейте отырып, елдің экономикалық қызметіне терең және көп қырлы әсер етеді. Сыбайлас жемқорлыққа қарсы тиімді күрес және мемлекеттік басқарудағы ашықтық пен есептілікті нығайту елдегі экономикалық жағдайды едәуір жақсартып тұрақты дамуға ықпал етуі мүмкін.

Дүниежүзілік банк түрлі елдерде инновациялық тәсілдерді қолдана отырып, сыбайлас жемқорлыққа қарсы күреске белсенді қатысады. Замбияда тау-кен өнеркәсібі үшін әкімшілік деректердің сапасы мен қолжетімділігін жақсартып, минералдардың өндірістік-өткізу тізбегін бақылау үшін цифрлық платформа енгізілуде. Мадагаскарда 2016 жылдан бастап кеденшілермен жұмыс нәтижелері бойынша ақы төлеу туралы шарттарды және машиналық оқыту әдістерін қолдана отырып, салық төлеушілердің бірегей нөмірлері жүйесін енгізуді қоса алғанда, реформалар жүргізілуде. Уганда үкіметтегі ашықтықты қамтамасыз ететін және азаматтарға мемлекеттік қаражатты пайдаланудағы заңсыздықтар туралы жасырын түрде хабарлауға мүмкіндік беретін «Өз бюджетіңді біл» порталын құрды. Бұл бастамалар елдердің экономикалық дамуына үлес қоса отырып, ашықтықты арттыруға және сыбайлас жемқорлықпен күресуге бағытталған [14].

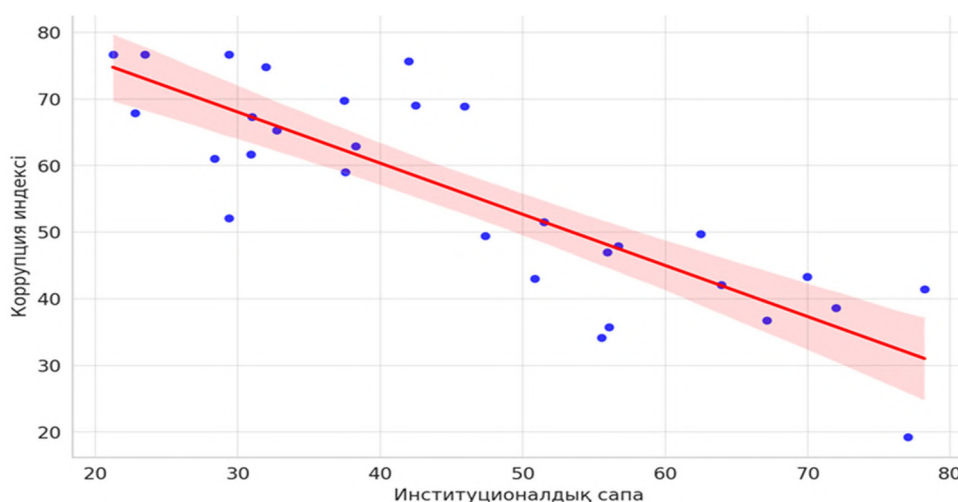
Сыбайлас жемқорлықтың экономикаға әсерін Transparency International және басқа да халықаралық ұйымдардың деректеріне негізделген сыбайлас жемқорлық деңгейі әртүрлі елдердің жағдайлық зерттеулерінен көре аламыз. Мысал ретінде сыбайлас жемқорлық деңгейі жоғары елдер мен сыбайлас жемқорлық деңгейі салыстырмалы түрде төмен елдер таңдалды, бұл олардың экономикалық көрсеткіштерін салыстырмалы талдауға мүмкіндік береді [15].

Қазіргі заманғы экономикалық және саясаттану әдебиетінде сыбайлас жемқорлық оны зерттеу мен оған қарсы іс-қимылға кешенді көзқарасты талап ететін көп қырлы және күрделі құбылыс ретінде қарастырылады. Бұл саладағы ғылыми зерттеулер әртүрлі теориялық тәсілдерге негізделген, олардың

әрқайсысы сыбайлас жемқорлыққа қарсы күрестің себептері, салдары мен тетіктері туралы өзіндік көзқарасын ұсынады:

1. Сыбайлас жемқорлықты зерттеудегі негізгі бағыттардың бірі институционалдық талдау болып табылады. Дуглас Норт және Оливер Уильямсон сияқты зерттеушілер сыбайлас жемқорлық мінез-құлқына әсер ететін экономикалық ынталандырулар мен шектеулерді қалыптастырудағы институттардың рөлін атап көрсетеді. Бұл теорияға сәйкес, тиімді институттар мен ашық құқықтық жүйе сыбайлас жемқорлық деңгейін айтарлықтай төмендетуі мүмкін.

Төменде ұсынылған графикте (Сурет 2) институционалдық ортаның сапасы мен гипотетикалық деректер негізінде сыбайлас жемқорлық индексі арасындағы өзара байланыс айқын көрсетілген. Көріп отырғаныңыздай, институционалдық орта сапасының жақсаруымен (көлденең ось бойынша мәnniң артуы) сыбайлас жемқорлық индексінің төмендеуі (тік ось бойынша мәnniң төмендеуі) байқалады, бұл күшті институттардың сыбайлас жемқорлық деңгейінің төмендеуіне оң әсері туралы гипотезаны растайды. Осы қатынастың тенденциясын көрсететін регрессия сызығы екі айнымалы арасындағы кері пропорционалды байланысты растайды.

Сурет 2 – Институционалдық ортаның сапасына байланысты сыбайлас жемқорлық индексі
Ескертпе – зерттеу авторлармен құрастырылған

2. Рационалды таңдау теориясы. Гэри Беккер сияқты экономистер әзірлеген бұл теория сыбайлас жемқорлықты адамдардың ұтымды таңдауының нәтижесі ретінде қарастырады. Бұл модельге сәйкес, шенеуніктер мен бизнесмендер сыбайлас жемқорлық мәмілелерін күтілетін пайда тәуекелдерден және әлеуетті шығындардан, оның ішінде анықтау және жазалау ықтималдығынан асып түскен жағдайда жасайды;

3. Мәдени-тарихи көзқарас. Ғалымдар сыбайлас жемқорлық көбінесе қоғамның мәдени және тарихи дәстүрлерінен туындайтынын айтады. Бұл тұрғыда сыбайлас жемқорлық әрекеттерін өзгерту ұзақ мерзімді әлеуметтік және мәдени өзгерістерді талап етеді.

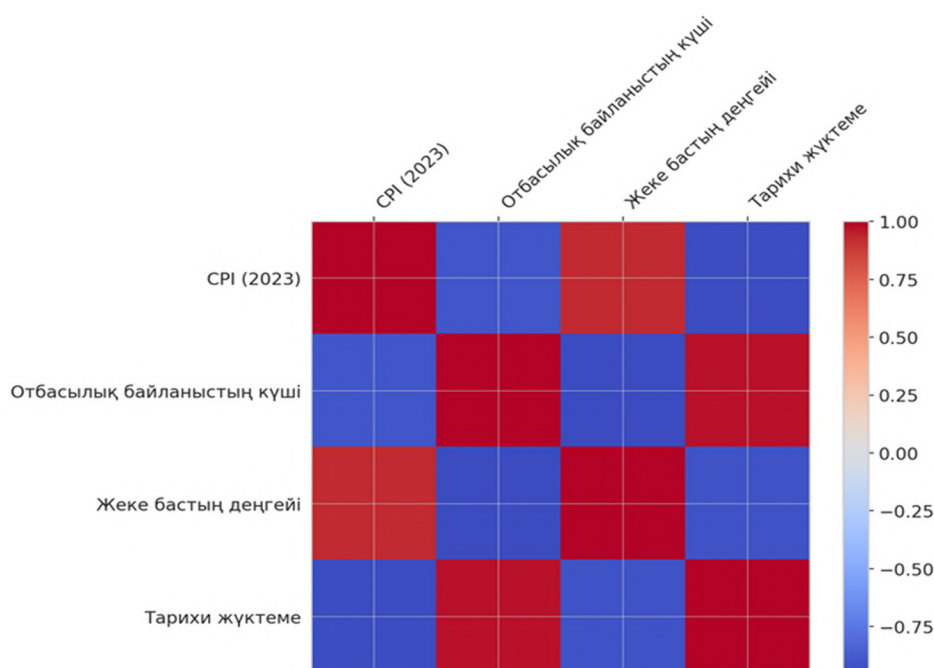
Сыбайлас жемқорлықты қабылдау индексі (CPI) мен мәдени факторлар арасындағы ұсынылған деректерді талдау (Сурет 3) бірнеше маңызды ескертулер жасауға мүмкіндік береді:

– CPI мен отбасылық байланыстардың беріктігі арасында күшті теріс корреляция (-0,90) бар, бұл күшті отбасылық байланыстар сыбайлас жемқорлықтың жоғары деңгейімен байланысты болуы мүмкін екенін көрсетеді. Бұл отбасылық байланыстар маңызды рөл атқаратын қоғамдарда сыбайлас жемқорлық мінез-құлқын күшейтетін бейресми ықпал ету және блат желілері пайда болуы мүмкін;

– Жеке бастың деңгейі (0.92) CPI-мен оң корреляцияны көрсетеді, бұл индивидуалистік қоғамдарда сыбайлас жемқорлықты қабылдау деңгейі төмен болуы мүмкін екенін көрсетеді. Бұл мұндай қоғамдардағы сенім мен ашықтықтың жоғарылауымен, сондай-ақ бейресми келісімдер мен ұрыларға бейімділіктің төмендеуімен байланысты болуы мүмкін;

– Тарихи жүктеме сонымен қатар CPI-мен күшті теріс корреляцияны (-0,94) көрсетеді, бұл сыбайлас жемқорлықтың тарихи мұрасы және институционалдық дисфункциясы бар елдерде сыбайлас жемқорлықтың қабылданатын деңгейі жоғары екенін көрсетуі мүмкін.

Бұл нәтижелер әртүрлі елдердегі сыбайлас жемқорлық деңгейін қалыптастырудағы мәдени және тарихи факторлардың маңыздылығын көрсетеді. Мұндай талдаулар тереңірек себеп-салдар байланыстарын анықтауға және сыбайлас жемқорлыққа қарсы тиімді стратегияларды әзірлеу бағыттарын ұсынуға көмектеседі.

Сурет 3 – CPI мен мәдени факторлар арасындағы корреляция
Ескертпе – зерттеу авторлармен құрастырылған

4. Саяси-экономикалық модель. Сюзан Роуз-Акерман сияқты зерттеушілер әзірлеген бұл модель сыбайлас жемқорлықты саяси экономия контекстінде қарастырады. Бұл тәсіл саяси билік, экономикалық мүдделер және сыбайлас жемқорлық схемалары арасындағы байланыстарды талдайды [6, 93 б.].

Нақты деректермен талдауды көрсету үшін әртүрлі CPI деңгейлері және әртүрлі мәдени сипаттамалары бар бес елді таңдап, Transparency International компаниясының 2023 жылғы CPI деректерін және Герт Хофстедтің мәдени индекстерін қолданамыз.

Таңдалған елдер және олардың сипаттамалары:

- Дания – көбінесе CPI-де жоғары орын алады, индивидуализмнің жоғары деңгейі, биліктің төмен қашықтығы;
- Сингапур – жоғары CPI, индивидуализмнің орташа деңгейі, биліктің жоғары қашықтығы;
- Ресей – төмен CPI, индивидуализмнің орташа деңгейі, биліктің жоғары қашықтығы;
- Бразилия – орташа CPI, индивидуализмнің орташа төмен деңгейі, биліктің орташа жоғары қашықтығы;
- Швеция – жоғары CPI, индивидуализмнің жоғары деңгейі, биліктің төмен қашықтығы.

Мысалы, бізде осы елдер үшін индекстердің келесі мәндері бар делік (Кесте 2):

Кесте 2 – кей мемлекеттер үшін мәдени 2023 жылғы CPI деректері индекстердің көрсеткіштері

Мемлекет	2023 жылғы CPI	Жеке бастылық	Билік қашықтығы
Дания	88	74	18
Сингапур	85	20	74
Ресей	30	39	93
Бразилия	38	38	69
Швеция	89	71	31
Ескертпе – зерттеу авторлармен құрастырылған			

Осы деректерді негізінде корреляциялық талдау жасадық. Таңдалған елдер бойынша нақты деректер негізінде корреляциялық талдау мыналарды көрсетеді:

– 2023 жылғы CPI мен жеке бастылық арасында оң корреляция бар (0.43), бұл қоғамдағы жеке бастылықтың жоғары деңгейі сыбайлас жемқорлықты қабылдаудың төмен деңгейімен байланысты болуы мүмкін екенін көрсетеді. Бұл жеке бастылық деңгейі жоғары қоғамдарда бақылау мен ашықтықтың институционалдық тетіктері жақсы жұмыс істейді деген теорияға сәйкес келеді;

– 2023 жылғы CPI мен билік қашықтығы арасында күшті теріс корреляция бар (-0.75), бұл жоғары билік қашықтығы, яғни басшылық пен бағыныштылар арасындағы билік пен билікті бөлудегі үлкен айырмашылық сыбайлас жемқорлықтың жоғары деңгейіне ықпал етуі мүмкін деген болжамды растайды;

– Жеке бастылық пен билік қашықтығы арасындағы корреляция да күшті және теріс (-0.87), бұл екі мәдени өлшем әр түрлі қоғамдарда бір-біріне қарама-қайшы келеді деген болжамды қолдайды.

Бұл нәтижелер әртүрлі елдердегі сыбайлас жемқорлықты түсіну мен талдаудағы мәдени және саяси факторлардың маңыздылығы, сондай-ақ Сюзан Роуз-Акерман әзірлеген сыбайлас жемқорлықтың саяси және экономикалық моделі бұл деректерді сыбайлас жемқорлық схемаларын және олардың қоғамдардың мәдени және институционалдық ерекшеліктерімен байланысын терең талдау үшін қалай пайдалана алатынын көрсетеді.

5. Психологиялық көзқарас. Соңғы жылдары сыбайлас жемқорлықтың психологиялық аспектілеріне көбірек көңіл бөлінуде. Бұл саладағы зерттеулер сыбайлас мінез-құлыққа ықпал ететін тұлғалық қасиеттерге, мотивацияларға және сенімдерге бағытталған.

2023 жылы CPI орташа әлемдік көрсеткіші 100-ден 43-ті құрады, бұл жаһандық деңгейде сыбайлас жемқорлыққа қатысты маңызды проблемаларды көрсетті.

Бұл тұрғыда Финляндия, Нигерия, Жапония, Венесуэла және Нидерланды сияқты әртүрлі CPI деңгейлері бар бес елдің тұрғындарының психологиялық сипаттамаларына салыстырмалы талдау жүргізу орынды болып көрінеді. Мұндай талдау халықтың психологиялық ерекшеліктері мен сыбайлас жемқорлық деңгейі арасындағы байланысты бағалауға мүмкіндік береді. Өзін-өзі бақылау деңгейі жоғары және тәуекелге бейімділігі төмен елдер CPI көрсеткіштерінің төмендеуін көрсетеді деп күту керек, бұл сыбайлас жемқорлықтың аз таралуын көрсетеді.

Осылайша, сыбайлас жемқорлықты зерттеудегі психологиялық және әлеуметтанулық тәсілдерді интеграциялау осы күрделі әлеуметтік құбылыстың тетіктерін түсінуге және оның алдын алудың тиімді стратегияларын әзірлеуге жаңа перспективалар ашады.

Сыбайлас жемқорлық деңгейі жоғары және төмен елдердің мысалдары:

1. Сыбайлас жемқорлық деңгейі жоғары, сыбайлас жемқорлықты қабылдау индексі бойынша рейтингі төмен елдер – мысалы, Африка мен Латын Америкасының кейбір елдері);

2. Сыбайлас жемқорлық деңгейі төмен елдер: Бұл индексте жоғары ұпай жинаған елдерге, мысалы, Скандинавия елдері (Дания, Швеция, Финляндия) кіреді.

Осы елдер топтарының экономикалық көрсеткіштерін салыстыра отырып, келесі тенденцияларды байқауға болады:

- Сыбайлас жемқорлық деңгейі төмен елдерде жан басына шаққандағы ЖІӨ жоғары болады. Бұл ресурстарды тиімдірек пайдаланумен, инвестицияның жоғары деңгейімен және дамыған жеке сектормен байланысты;

- Сыбайлас жемқорлық деңгейі төмен елдер ашық құқықтық жүйе мен тұрақты экономикалық жағдайдың арқасында шетелдік инвестицияларды көбірек тартады;

- Білім беру, денсаулық сақтау және әлеуметтік қамсыздандыру сияқты әлеуметтік дамудың жоғары көрсеткіштері әдетте сыбайлас жемқорлық деңгейі төмен елдерде байқалады;

- Сыбайлас жемқорлығы жоғары елдерде әлеуметтік-экономикалық теңсіздіктің жоғары деңгейі жиі байқалады, ал сыбайлас жемқорлығы төмен елдерде бұл құбылыс аз байқалады.

Бұл салыстырмалы талдау сыбайлас жемқорлықтың елдердің экономикалық дамуы мен әлеуметтік тұрақтылығына кері әсерін тигізетінін растайды. Ол сондай-ақ сыбайлас жемқорлыққа қарсы іс-қимыл экономикалық және әлеуметтік көрсеткіштердің жақсаруына әкелуі мүмкін екенін көрсетеді.

Сыбайлас жемқорлықтың экономикалық қызметтің әртүрлі аспектілеріне әсері туралы тұжырымдар:

Біріншіден, сыбайлас жемқорлық экономикалық дамуға теріс әсер етеді, мемлекеттік басқарудың нарықтық тетіктері мен тиімділігінің бұрмалануына әкеледі.

Екіншіден, сыбайлас жемқорлық әлеуметтік теңсіздік деңгейін арттырады, инвестициялық ахуалды бұзады, елдің шетелдік инвесторлар үшін тартымдылығын төмендетеді.

Сонымен қатар, сыбайлас жемқорлық ресурстарды оңтайлы пайдаланбауға, өнімділіктің төмендеуіне және экономикалық өсудің баяулауына әкеледі.

АЛЫНҒАН НӘТИЖЕЛЕР (ҚОРЫТЫНДЫЛАР)

Зерттеу көрсеткендей, сыбайлас жемқорлық елдің экономикалық қызметіне жан-жақты және терең теріс әсер етеді. Бұған экономикалық өсудің баяулауы, инвестициялық ахуалдың нашарлауы және әлеуметтік теңсіздіктің күшеюі жатады. Мұндай тұжырымдар тұрақты экономикалық даму мен әлеуметтік әл-ауқатты қамтамасыз ету үшін сыбайлас жемқорлыққа қарсы күрес бойынша тиімді стратегияларды әзірлеу және іске асыру қажеттігін көрсетеді.

Қосымша сыбайлас жемқорлыққа қарсы күрестің мысалы ретінде Сингапурдың тәжірибесін келтіруге болады. 1959 жылы тәуелсіздік алғаннан бері ел айтарлықтай өзгерістерге ұшырады. Шенеуніктердің жалақысын көтеру және мемлекеттік қызметте меритократияға көшу сыбайлас жемқорлықтың төмендеуіне ықпал етті. Сондай-ақ, экономиканы реттеу және сыбайлас жемқорлыққа қарсы қуатты агенттік құру маңызды қадам болды. Саяси ерік-жігер мен шаралар кешенін қамтитын жүйелі тәсіл табысқа жетудің кілті болды.

Осыған ұқсас мысалдарға Гонконг, Грузия және аз дәрежеде Израиль жатады. Швеция мен АҚШ сияқты дамыған елдердің оқиғалары да сыбайлас жемқорлықпен күрес ұзақ және біртіндеп процесс болуы мүмкін екенін көрсетеді, оның ішінде баспасөз бостандығы, биліктің бөлінуі, саяси бәсекелестік және қоғамдық пікірдің ықпалы сияқты кешенді тәсіл қажет [16].

Сыбайлас жемқорлықтың экономикаға кері әсерін азайту бойынша ұсыныстар:

- Құқықтық жүйе мен мемлекеттік институттарды нығайту. Бұл сыбайлас жемқорлықпен күресу үшін құқықтық базаны қамтамасыз етеді және сыбайлас жемқорлық әрекеттеріне тиімді қарсы тұра алатын құрылымдарды құрады;

- Мемлекеттік басқарудағы ашықтық пен есептілікті арттыру. Мемлекеттік қызметтің ашықтығы және халық алдындағы есеп беруі сыбайлас жемқорлықтың алдын алудың негізгі элементтері болып табылады;

- Мінез-құлық нормасы ретінде сыбайлас жемқорлықты болдырмау, әлеуметтік нормалар мен құндылықтарды өзгерту бойынша әлеуметтік-мәдени бастамаларды дамыту. Мұндай бастамалардың мақсаты мінез-құлық нормасы ретінде сыбайлас жемқорлықтың алдын алуға әкелетін әлеуметтік нормалар

мен құндылықтарды өзгерту болып табылады. Бұған білім беру науқандары, әлеуметтік нормалар мен құндылықтар туралы хабардар болу, этикалық мінез-құлық стандарттарын әзірлеу және енгізу кіреді.

Болашақ зерттеу бағыттары бойынша ұсыныстар:

– Сыбайлас жемқорлықтың экономиканың жекелеген салаларына тигізетін әсерін егжей-тегжейлі зерделеу. Мұндай талдау сыбайлас жемқорлықтың энергетика, денсаулық сақтау, білім беру және т.б. сияқты әртүрлі салаларға қалай әсер ететінін анықтауға көмектеседі. Бұл зерттеу әр сектордағы сыбайлас жемқорлықтың дәрежесі мен салдарын толық түсіну үшін сапалық және сандық әдістерді қамтуы керек;

– Сыбайлас жемқорлыққа қарсы табысты халықаралық тәжірибелерді және оларды бейімдеу және әртүрлі елдерде қолдану мүмкіндіктерін зерделеу. Сыбайлас жемқорлықпен күресу үшін әртүрлі елдерде қолданылатын әртүрлі стратегиялар мен әдістерді зерттеу және салыстыру маңызды. Бұған заңнамалық базаны, институционалдық шараларды, қоғамдық және халықаралық қатысуды талдау кіреді. Бұл тәжірибелерді әртүрлі мәдени және саяси контексттерде бейімдеуге және қолдануға ерекше назар аудару керек;

– Сыбайлас жемқорлықтың таралуына немесе оның алдын алуға ықпал ететін әлеуметтік-мәдени факторларды талдау. Бұл зерттеу мәдени нормалардың, құндылықтардың және әлеуметтік үміттердің сыбайлас жемқорлыққа қалай әсер ететінін қарастыруы керек. Сыбайлас жемқорлыққа қандай факторлар ықпал ететінін және әртүрлі әлеуметтік-мәдени контексттерде оны азайту үшін қандай стратегиялар тиімді болуы мүмкін екенін түсіну маңызды.

Бұл бағыттар сыбайлас жемқорлық мәселесін жақсы түсінуге және оны жеңудің тиімді әдістерін әзірлеуге көмектеседі.

ӘДЕБИЕТТЕР ТІЗІМІ

1. Қасым-Жомарт Тоқаев Сыбайлас жемқорлыққа қарсы іс-қимыл мәселелері жөнінде кеңес өткізді [Электрондық ресурс] // Қазақстан Республикасы Президентінің ресми сайты [web-портал]. – 2022. – URL: <https://www.akorda.kz/ru/glava-gosudarstva-provel-soveshchanie-po-voprosam-protivodeystviya-korrupcii-1128> (Қарау уақыты: 25.07.2023).
2. Гендлер Г. Е., Паксюткин А.А. Типология форм коррупции // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2006. – № S22. – С. 12-16.
3. Епифанова Н. Исследование коррупции на основе методов экономической теории // Вопросы экономики. – 2007. – № 1. – С. 33-44. – DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2007-1-33-44>.
4. Шашкова А. В. Коррупция как проблема политической теории и практики // Вестник МГИМО. – 2015. – № 6(45). – С. 64-73.
5. Панзабекова А. Ж. Влияние социально-культурных факторов на формирование моделей восприятия коррупции // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. – 2019. – № 1(8). – С. 158-169.
6. Rose-Ackerman S. The Economics of Corruption // Journal of Public Economics. – 1975, – № 2(4). – P. 187-203.
7. Eastern Europe and Central Asia. Kazakhstan. Corruption Perceptions Index [Электронды ресурс] // Transparency International [web-портал]. – 2022. – URL: <https://www.transparency.org/en/cpi/2022/index/kaz> (Қарау уақыты: 20.10.2023).
8. Background paper / prepared by the Secretariat on international action against corruption. A/CONF.169/14. – Vienna: UN, 1995. – 27 p.
9. Валовой внутренний продукт методом производства с выделением доли нефтегазового сектора в ВВП (2022 г.) [Электрондық ресурс] // Бюро национальной статистики РК [web-портал]. – 2023. – URL: <https://stat.gov.kz/ru/industries/economy/national-accounts/publications/4960/> (Қарау уақыты: 03.08.2023).
10. Индекс восприятия коррупции за 2022 год свидетельствует о незначительном прогрессе в борьбе с коррупцией в условиях общемирового роста насилия [Электронды ресурс] // Transparency International

[web-портал]. – 2023. – URL: <https://www.transparency.org/ru/press/2022-corruption-perceptions-index-reveals-scant-progress-against-corruption-as-world-becomes-more-violent> (Қарау уақыты: 03.08.2023).

11. Module 1: What Is Corruption and Why Should We Care? // In Knowledge tools for academics and professionals. UNODC Module Series on Anti-Corruption. – Vienna: UNODC, 2023. – 51 p.

12. Колесников В. В. Криминогенность современных моделей экономики – источник глобального финансово-экономического кризис // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2010. – № 1(18). – С. 163-191.

13. Севрук М., Наиболее поражены коррупцией сферы распоряжения государственным и муниципальным имуществом, а также расходования бюджетных средств... [Электронды ресурс] // Коммерческие вести [web-портал]. – 2020. – URL: <https://kvnews.ru/news-feed/117972> (Қарау уақыты: 27.11.2023).

14. Anticorruption Fact Sheet [Электронды ресурс] // The World Bank [web-портал]. – 2020. – URL: <https://www.worldbank.org/en/news/factsheet/2020/02/19/anticorruption-fact-sheet> (Қарау уақыты: 14.02.2023).

15. The ABCS of the CPI: How the corruption perceptions index is calculated [Электронды ресурс] // Transparency International [web-портал]. – 2021. – URL: <https://www.transparency.org/en/news/how-cpi-scores-are-calculated> (Қарау уақыты: 26.04.2023).

16. Другов М. Непобедимая коррупция: во сколько она обходится обществу и как ее лечить [Электронды ресурс] // Forbes.Ru [web-портал]. – 2020. – URL: <https://www.forbes.ru/obshchestvo/403071-nerobedimaya-korrupciya-vo-skolko-ona-obhoditsya-obshchestvu-i-kak-ee-lechit> (Қарау уақыты: 18.10.2023).

REFERENCES

1. Kasym-Zhomart Tokaev Sybajlas zhemkorlykka karsy is-kimyl maseleleri zhoninde kenes otkizdi. (2022). Official website of the President of the Republic of Kazakhstan. Retrieved July 25, 2023, from <https://www.akorda.kz/ru/glava-gosudarstva-provel-soveshchanie-po-voprosam-protivodeystviya-korrupcii-1128> (In Kazakh).

2. Gendler, G. E., & Paksyutkin, A. A. (2006). Tipologiya form korrupcii. Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskij region. Seriya: Obshchestvennye nauki, S22, 12-16 (In Russian).

3. Epifanova, N. (2007). Issledovanie korrupcii na osnove metodov ekonomicheskoy teorii. Voprosy ekonomiki, 1, 33-44. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2007-1-33-44> (In Russian).

4. Shashkova, A. V. (2015). Korrupciya kak problema politicheskoy teorii i praktiki. Vestnik MGIMO, 6(45), 64-73 (In Russian).

5. Panzabekova, A. Zh. (2019). Vliyanie social'no-kul'turnyh faktorov na formirovanie modelej vospriyatiya korrupcii. Social'naya integraciya i razvitie etnokul'tur v evrazijskom prostranstve, 1(8), 158-169 (In Russian).

6. Rose-Ackerman, S. (1975). The Economics of Corruption. Journal of Public Economics, 2(4), 187-203.

7. Transparency International. (2022). Eastern Europe and Central Asia. Kazakhstan. Corruption Perceptions Index. Retrieved October 20, 2023, from <https://www.transparency.org/en/cpi/2022/index/kaz>.

8. United Nations. (1995). Background paper / prepared by the Secretariat on international action against corruption. A/CONF.169/14. Vienna: UN. 27 p.

9. Valovoj vnutrennij produkt metodom proizvodstva s vydeleniem doli neftegazovogo sektora v VVP (2022 g.). (2023). Bureau of National Statistics of the Republic of Kazakhstan. Retrieved August 3, 2023, from <https://stat.gov.kz/ru/industries/economy/national-accounts/publications/4960/> (In Russian).

10. Transparency International. (2023). Indeks vospriyatiya korrupcii za 2022 god svidetel'stvuet o neznachitel'nom progresse v bor'be s korrupciej v usloviyah obshchemirovogo rosta nasiliya. Retrieved August 3, 2023, from <https://www.transparency.org/ru/press/2022-corruption-perceptions-index-reveals-scant-progress-against-corruption-as-world-becomes-more-violent> (In Russian).

11. UNODC. (2023). Module 1: What Is Corruption and Why Should We Care? In Knowledge tools for academics and professionals. UNODC Module Series on Anti-Corruption. Vienna: UNODC. 51 p.

12. Kolesnikov, V. V. (2010). Kriminogennost' sovremennykh modelej ekonomiki – istochnik global'nogo finansovo-ekonomicheskogo krizis. Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra, 1(18), 163-191 (In Russian)
13. Sevruk, M. (2020). Naibolee porazheny korrupciej sfery rasporyazheniya gosudarstvennym i municipal'nym imushchestvom, a takzhe raskhodovaniya byudzhetnyh sredstv... Kommercheskie vesti. Retrieved November 27, 2023, from <https://kvnews.ru/news-feed/117972> (In Russian).
14. Anticorruption Fact Sheet. (2020). The World Bank. Retrieved February 14, 2023, from <https://www.worldbank.org/en/news/factsheet/2020/02/19/anticorruption-fact-sheet>.
15. Transparency International. (2021). The ABCS of the CPI: How the corruption perceptions index is calculated. Retrieved April 26, 2023, from <https://www.transparency.org/en/news/how-cpi-scores-are-calculated>.
16. Drugov, M. (2020). Nepobedimaya korrupciya: vo skol'ko ona obhoditsya obshchestvu i kak ee lechit'. Forbes.Ru. Retrieved October 18, 2023, from <https://www.forbes.ru/obshchestvo/403071-nepobedimaya-korrupciya-vo-skolko-ona-obhoditsya-obshchestvu-i-kak-ee-lechit>.

THE IMPACT OF CORRUPTION ON THE ECONOMIC ACTIVITY OF THE COUNTRY

B. E. Aitzhanova^{1*}, Zh. Z. Oralbayeva¹, G. K. Zhanibekova¹

¹ Al-Farabi Kazakh National University, Higher School of Economics and Business, Almaty, Republic of Kazakhstan

ABSTRACT

The purpose of the study: is to analyze the impact of corruption on the economic activity of the country, with special emphasis on two key aspects: social inequality and sustainable economic development. This study attempts to systematically examine how corrupt practices affect the distribution of economic resources and the capabilities of various social groups, as well as the ability of a country's economy to adapt to long-term challenges of sustainable development.

The study is aimed at identifying the mechanisms through which corruption has a negative impact on economic processes, leading to deepening social gaps and undermining the foundations of sustainable development. Particular attention is paid to the analysis of how corruption schemes can distort market incentives and resource allocation, thereby creating obstacles to innovation and the effective use of human and financial capital

Methodology: the use of quantitative and qualitative analysis, including analysis of statistical data, opinion polls and international reports.

Originality / value of the research: offering a new perspective on the mechanisms of corruption's impact on economic efficiency, investment climate and resource allocation

Findings: identification of the negative impact of corruption on economic growth, the investment climate, and the strengthening of social inequality. Recommendations on effective fight against corruption have been proposed.

Keywords: corruption, economic activity, social inequality, sustainable development, investment climate.

ВЛИЯНИЕ КОРРУПЦИИ НА ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СТРАНЫ

Б. Е. Айтжанова^{1*}, Ж. З. Оралбаева¹, Г. К. Жанибекова¹

¹Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Высшая школа экономики и бизнеса,
Алматы, Республика Казахстан

АННОТАЦИЯ

Цель исследования: заключается в анализе влияния коррупции на экономическую деятельность страны, с особым акцентом на два ключевых аспекта: социальное неравенство и устойчивое экономическое развитие. В рамках данного исследования предпринимается попытка систематического изучения того, как коррупционные практики влияют на распределение экономических ресурсов и возможности различных социальных групп, а также на способность экономики страны адаптироваться к долгосрочным вызовам устойчивого развития.

Исследование направлено на выявление механизмов, через которые коррупция оказывает негативное воздействие на экономические процессы, ведущие к углублению социального разрыва и подрыву основ устойчивого развития. Особое внимание уделяется анализу того, как коррупционные схемы могут исказить рыночные стимулы и аллокацию ресурсов, тем самым создавая препятствия для инноваций и эффективного использования человеческого и финансового капитала.

Методология исследования: использование количественного и качественного анализа, включая анализ статистических данных, социологических опросов и международных отчетов.

Оригинальность / ценность исследования: предложение нового взгляда на механизмы влияния коррупции на экономическую эффективность, инвестиционный климат и распределение ресурсов.

Результаты исследования: выявление негативного влияния коррупции на экономический рост, инвестиционный климат, и усиление социального неравенства. Предложено рекомендации по эффективной борьбе с коррупцией.

Ключевые слова: коррупция, экономическая деятельность, социальное неравенство, устойчивое развитие, инвестиционный климат.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ:

Айтжанова Бақытжамал Ерланқызы – 3-курс докторанты, Экономика және бизнес Жоғары мектебі, әл-Фараби атындағы Қазақ Ұлттық Университеті, Алматы, Қазақстан Республикасы, e-mail: bktajtzanova@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-4803-9285>*

Оралбаева Жанар Закарияновна – экономика ғылымдарының кандидаты, профессор м.а., Экономика және бизнес Жоғары мектебі, әл-Фараби атындағы Қазақ Ұлттық Университеті, Алматы, Қазақстан Республикасы, e-mail: oralbaeva_zhanar@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0817-5756>.

Жанибекова Гаухар Калдановна – PhD, доцент м.а., Экономика және бизнес Жоғары мектебі, әл-Фараби атындағы Қазақ Ұлттық Университеті, e-mail: gaukhar-k@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2262-5816>.

MPHTH 06.81.85

JEL Classification: M41; M42; P4

DOI: <https://doi.org/10.52821/2789-4401-2024-1-118-129>

QUALITY PROBLEMS OF THE ENTERPRISE'S FINANCIAL STATEMENT AS A RESULT OF DISTORTION OF INDICATORS

A. I. Kidirmaganbetova^{1*}, O. Yu. Kogut¹, A. Z. Nurmagambetova¹

¹Al-Farabi Kazakh National university, Almaty, Republic of Kazakhstan

ABSTRACT

Financial statements are an important tool for assessing the financial condition of an organization, and their distortions can have serious consequences for investors and the market. This article provides an overview of existing research on the problem of distortions and possible manipulation of indicators in the enterprise's financial statement.

The purpose of the work is to disclose the types of misstatements of financial statements, to identify the main problems because of these misstatements and to show the real consequences of presenting falsified information in case of carelessness.

The methodology of the study was the theoretical basis of the conceptual apparatus on the distortion of financial statements and its types, a literary review, data collection as a result of statistical research of the authors. The research methods are described in more detail in the chapter below.

The originality / value of the study shows how deplorable the results of the business sphere can be because of falsification of work. This is a moving lever for improving methods of detecting distortions in financial statements. The article touches on the importance of conducting regular audits, increasing employee qualification requirements, and regulating regulatory laws and regulations for economic entities. However, this is only a small part for creating methods to eradicate falsified information

Findings. The results of the study are disclosed in the final part, showing the output of the collected data based on a survey of international firms according to the American global portals with a description of the consequences that may arise for business and investors of an economic entity.

Keywords: financial statement, distortion, falsification, fraud, internal control, manipulation, misstatement.

INTRODUCTION

To date, most management decisions are based on accounting (financial) statements. Reported data is one of the most important part of information in the company's management, enabling external and internal users to monitor and control the organization's economic activities, evaluate the results obtained, and make important and timely decisions regarding finance, production, and personnel issues. In this regard, ensuring the information quality content of accounting (financial) documents is of particular importance [1]

The prestige of the company depends on the quality of the financial statements, which in turn depends on the opinion of third-party users of the information from the financial statements. Investors can directly invest their funds in the development of the company if the quality of information is promising. Tax authorities and creditors also have a direct interest in the quality of the report information, since faith in the legality and solvency of the company's work depends on it.

In other words, the company's financial statements are one of the main tools for assessing and analyzing its financial condition. However, its reliability and reliability are not always sufficient

At the same time, the distortion of financial statements has emerged as a critical concern, entailing risks for investors, lenders, borrowers, and other stakeholders reliant on accurate reporting. This problem encompasses

various forms of financial statement misrepresentation, including fraudulent activities, accounting errors, and noncompliance with established standards. Given the current state of accounting practices, certain distortions within accounting data, which may be advantageous to specific parties, can easily escape detection due to imperfect methodologies, nonadherence to legal frameworks, and other contributing factors. Falsifying balance sheets not only distorts economic information but also represents the outcome of accounting and reporting manipulations that are in contravention of governing laws. To address this issue comprehensively, both national and international professionals are actively engaged in resolving challenges associated with accounting (financial statement) falsification. [2]

For example, during Covid 19, most businesses switched to online platforms and faced fraud problems [3]; according to the PwC Global Economic Crime and Fraud Survey 2022, the average organization currently uses four platforms. However, the study, which involved 1,296 CEOs in 53 countries and territories, also shows that scammers react quickly to an increase in the number of platforms and notice cracks in the borders. 51 % of the surveyed organizations stated that experienced fraud in the past two years, which is the highest figure in our study for 20 years [4].

As a result of the above-mentioned study for 2022, the following consequences of financial fraud were identified. The data is presented in figure

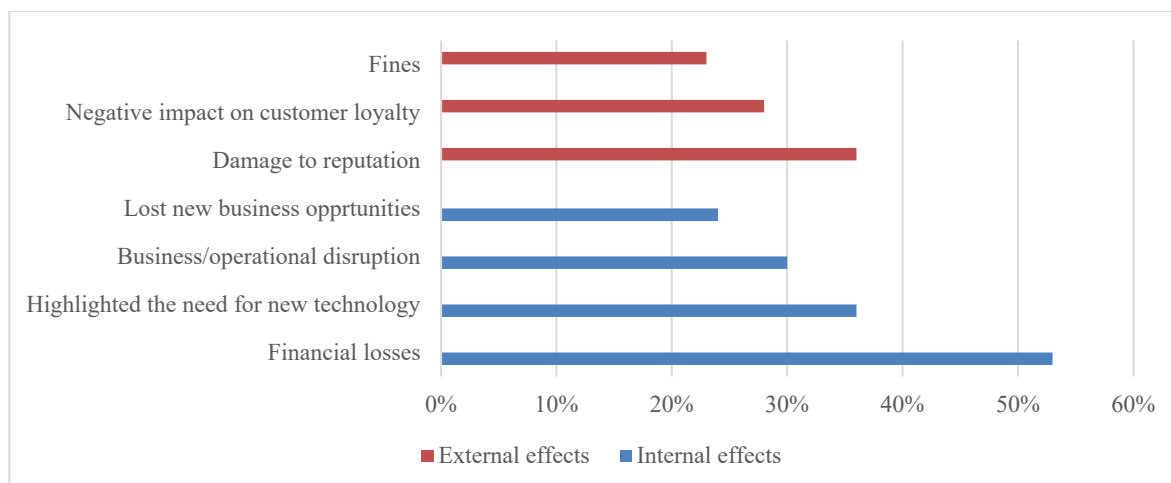

Figure 1 – Consequences of fraud with financial indicator

Note – compiled by the authors based on the source [4]

Based on figure 1, internal and external risks, and fears of companies because of fraud on the online platform are visible, which originated since Covid-19, but are relevant at the end of 2022. More than half of the organizations said they suffered financial losses because of platform fraud, and more than a quarter of them suffered losses more than \$1 million [4]

The representatives of the Soviet scientific school had varying perspectives on the falsification of accounting (financial) reports. Nikolay Arinushkin, for instance, identified tampering issues in the manipulation of estimated balances and balance sheet items. Ivan Nikolayev, another prominent scientist, emphasized the importance of accurately reflecting the reality of the balance sheet, highlighting the potential for a dual-wall concept in valuing assets as a result of different valuation approaches [5]

In his scientific works, N.R. Weizman paid special attention to veiling the balance sheet when studying the issue of misstatement of financial statements. Professor Nathan points out that when an organization tries to hide important commercial information to obtain certain advantages and at once tries to meet the requirements of accounting standards. He points out that balance sheets can be "veiled" if they try to meet the requirements of accounting standards [6].

The contributions of these scientists have significantly enhanced the significance of developing theoretical concepts pertaining to the falsification of financial statements. Nonetheless, a select group of domestic researchers alone have tackled the issue of falsifying financial statements within the framework of evolving trends. It is worth noting that the article will also highlight the invaluable contributions made by foreign researchers in this domain.

J.F. Schär, a Swiss scientist and the founder of German balanceology, played a crucial role in classifying and analyzing the primary methods used to distort balances. According to Professor Schär, these methods include combining disparate asset values under a single name, unjustified depreciation, incorporating fictitious debtors and creditors, manipulation through revaluation, as well as the creation of fictitious funds and reserves. First of all, Johann Friedrich proposed using the phenomenon of accounting uncertainty, pointing out that the balance sheet conditions themselves are usually arbitrary and unclear, and this ambiguity can be deliberately used and veiled. Professor Johann pointed out that veiling the balance sheet can make economic facts unclear by means of understandable forms of balance sheet compilation, which make it clear or difficult to obtain an inaccurate or fuzzy picture of the economic situation of the relevant company. Often the names not only cover concepts that are not defined at all, but the same expression can be used in completely different ways [6]

For example, according to Mr. Schär, by material means of hiding the balance sheet, they are trying to increase their cash, turn legal values into substantial ones, create large accounts receivable for claims whose value is insignificant, and hide losses. All this is done with the help of transfers and fictitious operations that can be performed before the balance is drawn up [7].

R.R. Elliott, D. Willingham, and D. Robertson equates financial statement falsification with managerial falsification and argues that the entity responsible for financial statement falsification is usually the entity's management. R. Elliott and D. Willingham also point out that financial statement falsification harms investors and creditors because of material misstatements in financial statements

These authors laid the terminological basis for the falsification of financial statements and its subjects, presented the purposes of distortion and their possible distinguishing features.

However, in this article, we have paid more attention to a detailed consideration of the types of distortions and the causes of their occurrence, as well as the consequences that arise.

DISCUSSION AND RESEARCH METHODS

The purpose of misrepresentation of financial statement is not always to solve the problem of obtaining additional funds from external sources by economic agents. In many cases, the problem is that financial statements are distorted to steal credit funds, turn them into cash and spend them at their own discretion in the interests of the head or owner of the organization [8]. Thus, financial statements are falsified to "document" the income of an economic entity. They may look like this to hide embezzlement or asset withdrawal.

The purpose of this study is to uncover the significance of detecting inaccuracies in financial statements, and to subsequently determine the types, causes, and repercussions of such discrepancies. Additionally, this study aims to emphasize the importance of auditing through the collection of organizational data and insights from investors.

To obtain the results of this study, we used the following methods such as description, data collection, literature research, analysis of textual information including auditor's comments during the evaluation of financial statements, data collection based on interviews with employees of the organization, and methods of analysis and synthesis of the issues related to the quality of financial statements of the company. In our opinion, these methods could help to get additional information about the quality problems of the enterprise's financial statements without the need for a detailed analysis of calculations.

One of the fundamental requirements for accounting financial statements is the reliability of the data presented, as previously mentioned. Nevertheless, due to a variety of factors, the financial statements could potentially contain erroneous or inaccurate information, a situation referred to as distortion.

In the following table 1, we presented the types of misstatements of financial statements

Table 1 – Varieties of financial statement misstatement

№	Category of distortions	Types of distortions	Description of information quality
1	- the purpose of distortion	Intentional	The distortion arises from falsification, which is the consequence of intentional actions or inaction by the organization's accounting staff. It is only possible for such misrepresentation to take place when the report preparer is driven by self-serving motives and seeks to mislead the report's users
		Unintentional	The distortions stem from inadvertent actions or inaction by the organization's accounting staff. They arise from non-malicious accounting miscalculations and logical errors
2	- degree of influence	Essential	The more likely it is that users of financial statements will draw incorrect conclusions about the entity's condition and make erroneous decisions, the more likely it is that the reliability of the financial statements will be affected
		Inessential	It cannot influence the decisions of qualified users of the accounting statements

Note - compiled by the authors based on the source [9]

Misstatements in financial statements take various forms and depend on the methods used by companies. According to the Global Economic Crime and Fraud Survey 2022, distortions in accounting and reporting can be extracted from the following chart (Figure 2).

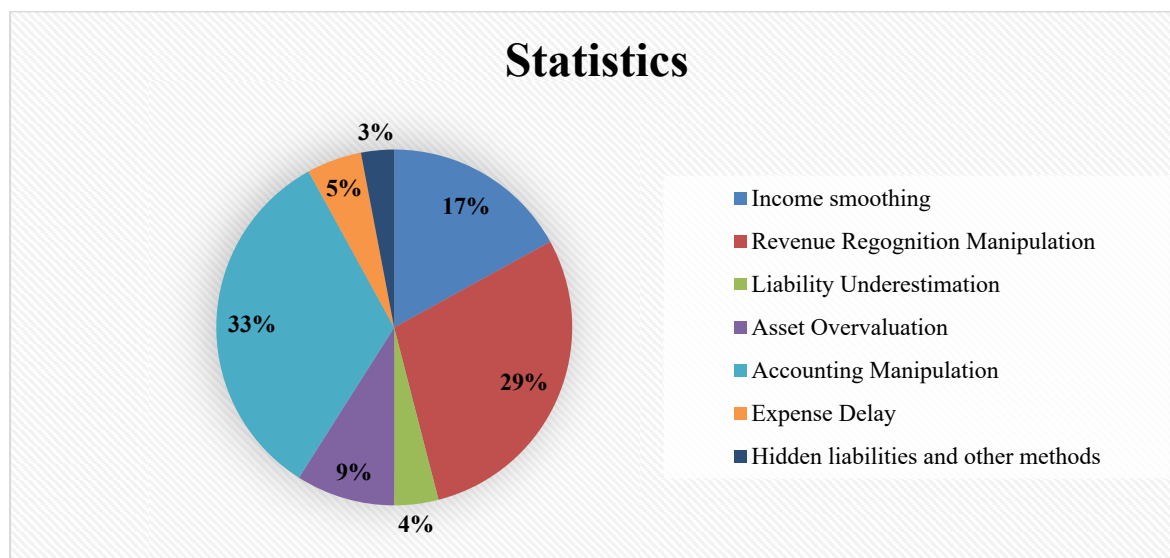

Figure 2 – Common ways of misrepresentation of financial statement

Note – compiled by the authors based on the source [4]

Based on the mentioned model, we will delve further into the following types of financial statement distortions in the subsequent section below.

1. Income smoothing. Companies can reduce or hide losses by redistributing them for future periods. This creates the appearance of stable profits, attracts investors, and supports shareholder value

2. Manipulation of revenue recognition. Companies can increase revenue by registering non-existent sales or accelerating revenue recognition before it is actually received [10].

3. Revaluation of assets. Companies may overestimate the value of assets such as property and inventory, which leads to an overestimation of equity and profit

4. Underestimation of liabilities. Incorrect assessment of liabilities such as debt, credit and pension obligations can create a false impression of the financial stability of the company [11]

5. Late write-off of expenses (Deferred expenses). Companies can postpone or reduce expenses, thereby overestimating the current year's profit

6. Accounting manipulations. Include a wide range of accounting manipulations, such as changing valuation methods, creating reserves and reclassifying assets and liabilities [12].

7. Off-balance sheet liabilities. Companies may use special structures or transactions to conceal liabilities that are not reflected in the balance sheet but may have a significant impact on their financial position [1]

8. Using non-standard accounting methods. Some businesses may use non-standard reporting methods to create a false impression about their finances, although this may violate generally accepted accounting principles.

These are just some examples of techniques for distorting financial statements. It is important to note that manipulations can be different and depend on the specific circumstances and goals of the company. Regulators and auditors are working to identify and stop such manipulations to ensure transparency and fairness of financial statements

Causes and consequences of misstatements in financial statements. There are main reasons that lead to misrepresentation of information in financial statements, such as: a) Veiling is a distortion of data in accordance with accounting norms and standards. b) Falsification is a deliberate distortion or omission of figures or Disclosure of information in financial statements misleads internal and external users. This problem affects many companies, including those in developed market economies.

Falsification exhibits the following features: a) Intention for criminal activities; b) Harm inflicted upon reporting users; c) Deliberate action or inaction to either enforce or bypass the implementation of accounting standards during the creation of financial statements

Such actions lead to accounting errors. This result served as the idea for writing this scientific work [14]

Thus, problems with distortions can manifest themselves in different ways. It is important to understand their features and causes.

1. **Fraud:** Companies may behave in a way that misleads investors and analysts. This includes overstating profits, hiding liabilities, and misrepresenting financial result

2. **Accounting errors:** Distortions may be caused by errors in accounting records or incorrect interpretation of accounting standards.

3. **Non-compliance with accounting standards:** Companies may not comply with accounting standards or use questionable accounting methods [15].

An optimal combination of internal and external accounting and control functions would undoubtedly contribute to the absolute reliability of reporting, but it is very difficult to achieve this

Factors affecting the likelihood of the existence of distortions in reported data include: - Absence of a single legal mechanism to regulate reporting and submission procedures; - Lack of qualified personnel to perform accounting and analytical tasks; - Insufficient understanding by the management of economic organizations of the importance of publicly available financial information, or deliberate distortion of data due to the desire of management to avoid taxes; - Creation of a unified information database that allows government agencies to monitor the activities and economic organizations.

The problem of distortion of information provided by public companies to investors is extremely relevant since it affects the investment dynamics in the global economy and has the following consequences

Firstly, this problem is of serious concern to participants in the global economy in general and international securities markets. This is since unfair financial reporting, characteristic of companies in various industries, causes serious damage to investors in stocks and bonds of public companies.

For example, according to The Impact of Financial Statement Restatements on Investor and Investment, the opinions of 100 investors were singled out, who chose the following reasons for the decline in investor interest because of checking the quality of financial statements [16]

These expectations are shown in Figure 3.

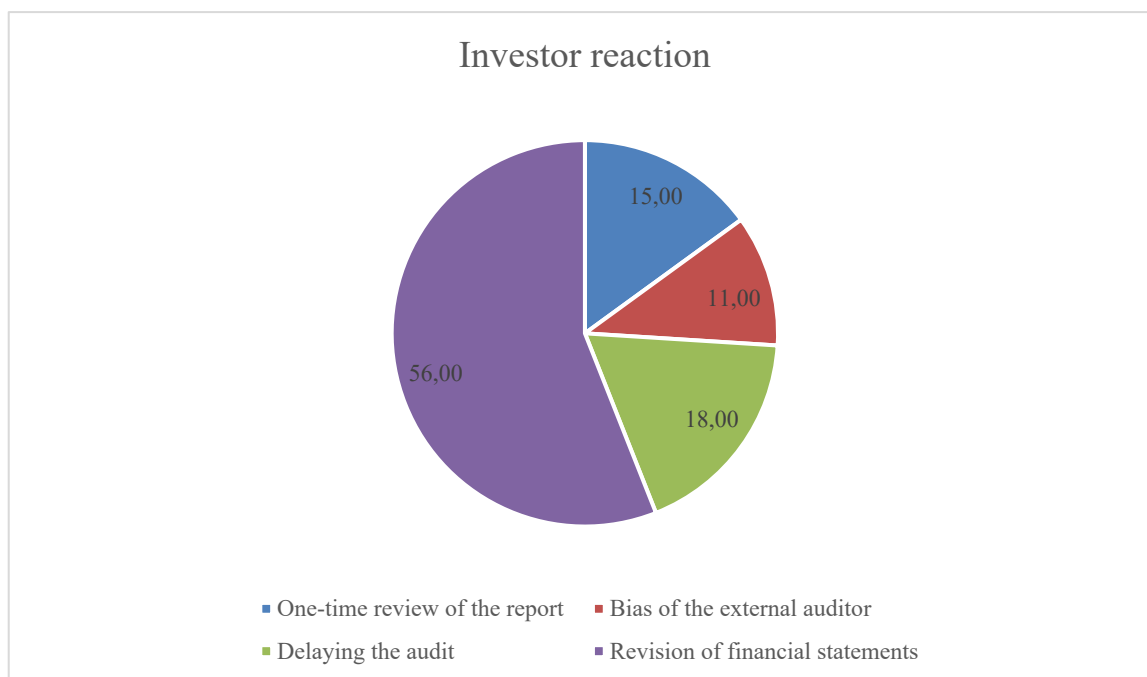

Figure 3 – Investor's reaction when checking the report

Note – compiled by the authors based on the source [17]

Moreover, the Audit Committee Transparency Barometer study showed that 95 % of large companies in the United States audit their financial statements to ensure transparency and compliance with reporting standards [18].

Audit standards should develop and reflect uniform basic requirements and conditions that establish standards of audit quality and reliability and provide a sufficient level of confidence in the auditor's work to comply with these standards. Ultimately, these standards serve as the basis for ensuring the quality of the audit in court and establish the measure of the auditor's responsibility [19].

The second consequence shows the importance of the problem of misstatement of financial statements for specialists in the field of accounting, auditing, and financial analysis, for employees of companies involved in the process of preparing financial statements, as well as for economic regulators developing measures to combat such practices.

The third result is especially relevant in the context of the financialization of the economy, characterized by a significant excess of financial assets over real ones. In such a situation, overheating of financial markets is inevitable and leads to a financial crisis. During the economic crisis, the risk of intentional omission of negative financial information in published statements is especially high [20]

In addition, if the auditor allows deviations from certain rules in his activities, he must provide factual justifications for his actions. Problems arise when the question of the substantive content of the concept of materiality in the audit is solved both from the qualitative and quantitative side. When assessing the impact of the identified distortions on the reliability of financial statements and when choosing the format of the auditor's report (a public document with a legal status) and the level of materiality, the criteria for assessing reliability

should be adequately shown and approved in legal acts of a specific regulatory nature. Therefore, we believe that the audit should not be limited to the statement of formal compliance of financial statements with accounting and reporting standards and rules but should also analyze data on accounting factors for the most accurate and effective business assessment. The future of classical independent auditing should manifest itself, for example, in increasing public confidence in the activities of auditors. This also means that the situation of States under economic sanctions cannot be allowed to reach a critical state [19].

In addition, it is very important that audit, as a form of financial control in any organization, be based on truthful and reliable information to solve the tasks set for the preservation of property and the most effective use of financial, material, qualitative and labor resources of economic objects

RESEARCH RESULTS

Upon analyzing the results of conducted studies, we can argue that unreliable reporting may arise due to factors such as inadequate oversight by the audit committee or board of directors, ineffective internal control systems, complex transactions, and transactions requiring significant subjective evaluation by the management of the economic entity.

Specific statistics on financial reporting quality issues related to distortions may vary by region, entity, and period. However, based on the collected data, the following conclusions of the study should be highlighted.

1. **Detection of financial fraud:** In the "Global Economic Crime and Fraud Survey 2022" report, PwC companies indicate that 51 % of the surveyed organizations of the international market have encountered financial fraud, including misrepresentation of financial statements, which is relevant to our topic. As per Schedule 1, the most concerning outcomes included financial losses, business infractions, the requirement for new technologies, deterioration of brand reputation, company image, and missed business prospects. This leads to the conclusion that it is necessary to increase the qualification requirements of employees involved in the internal control of digging.

2. **Overstating profits** According to the study shown in Figure 2, one of the most common methods of manipulating financial statements is overstating profits. This can be revealed by comparing the actual profit with analysts' forecasts.

3. **Legal Consequences:** According to a study conducted by the SEC's Accounting and Auditing Compliance Department, the average fine for an American company involved in financial reporting fraud is more than \$10 million. The risk to investors in the form of fines per company can also be traced according to Schedule 1. Both facts indicate the need to modernize the activities of companies and introduce mandatory internal and external regulation in all countries [21].

4. **The importance of audit:** According to the Transparency Barometer study conducted by the Audit Commission, 95 % of large American companies audit their financial statements to ensure their transparency and compliance with reporting standards

5. **Investor reaction:** According to the study "The impact of the recalculation of financial statements on investors and investments", investors react negatively to the announcement of the recalculation of the company's financial statements. This is evidenced by the responses of 56 investors presented in Figure 3 of the study

These are just a few examples of statistics and studies concerning the quality problems of financial statements caused by distortions. It is important to remember that the scale and nature of such problems vary greatly from company to company and from case to case.

Based on the data obtained, it can be concluded that the three primary indicators defining the activity of economic entities (net income, total assets, and total liabilities) are susceptible to significant distortions. Consequently, to meet anticipated targets, organizational management distorts data by inflating assets and revenues, deflating liabilities and expenses, or by avoiding full disclosure in accounting (financial) reports [22]. For instance, the most prevalent methods of distorting data in accounting (financial) documents/statements can be included in the table below (Table 2).

Table 2 – The most common methods of data distortion in accounting (financial) report

Method	Description
Distorting the organization's revenues and profit	Falsifying an organization's revenues and profits by settling through front organizations for non-existent goods, incomplete work, services, and other economic activities, thereby violating revenue and expense recognition standards, hiding incurred expenses, capitalizing expenses, and skewing the organization's profit indicator
Misstatement of information about the organization's assets and liabilities	Misreporting information regarding the organization's assets and liabilities, such as misrepresenting the value of assets and liabilities, incorporating fictitious liabilities in accounts receivable, accounting for non-existent fixed assets, and overestimating asset value
Intentional misstatement of information regarding the financial position of the economic entity	Deliberate misrepresentation of information about the financial position of the economic entity in the notes to the accounting (financial) documents, including but not limited to related parties, government aid, estimated and contingent liabilities, and suppression of information concerning contingent assets (including provided guarantees, issued securities, and guarantees issued) and failure to reflect changes in accounting policy
Note – compiled by the authors	

All this illustrates the negative aspects of deliberate and illegal distortion of the quality of financial statements to avoid additional taxation, fines or bankruptcy

Thus, the intentional misrepresentation of financial data is most frequently encountered in significant areas such as inventories, accounts payable, accounts receivable, financial investments, profits, and off-balance sheet accounting information. Distorting information or metrics not only generates a misleading portrayal of an organization's financial stability and influences the adoption of flawed management decisions, but also undermines asset security.

Indicators of misrepresentation in financial statements do not necessarily indicate that an organization is engaged in illicit activities or that management intends to divert the company's assets. Nonetheless, such disclosures should be approached with heightened vigilance.

As demonstrated by this research, the issue of preventing the falsification of financial statements is interconnected and should be addressed from two perspectives: identifying instances of falsified financial statements and implementing legal mechanisms to deter such falsification. Routine preliminary audit is an effective way to identify inaccuracies in accounting and reporting that cannot be detected by the company's internal controls.

REFERENCES

1. Шуан Ч. Организационно-методическое обеспечение качества учетной информации. Диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук. – Москва, 2017 – 185 с.
2. Соколов Я.В., Соколов В.Я. История бухгалтерского учета: Учебник. – Москва: «Финансы и статистика», 2004 – 272 с.
3. Kozhamzharova, G., Omarbakiyev, L., Kogut, O., Zhumasheva, S., Saulembekova, A., Abdrakhmanova, G. Banking risks and lending to tourism and hotel businesses amid the COVID-19 pandemic // Journal of Environmental Management & Tourism. – 2022. – № 2(13). – P. 427-437.
4. PwC. PwC's Global Economic Crime and Fraud Survey 2022. – 2022. – 14 p.
5. Николаев И. Р. Проблема реальности баланса. – Ленинград: Экономическое образование, 1926. – 398 с.
6. Шер И. Ф. Бухгалтерия и баланс. – 4-е изд. – М.: Экон. жизнь, 1926. – 576 с.
7. Брюханов М. Ю. Фальсификация финансовой отчетности: обнаружение и предотвращение. – Москва, 2009. – 195 с.
8. Сотникова, Л. В., Мошенничество в финансовой отчетности: обнаружение и предупреждение: учебник. – Москва: Русайнс, 2022. – 394 с.

9. Гринавцева Е. В., Шарова Т. А. Ошибки и фальсификации в бухгалтерской (финансовой) отчетности: понятие и приемы их выявления // Социально-экономические явления и процессы. – 2017. – № 6(12). – С. 49-57.
10. Marciukaityte D., Varma R. Consequences of overvalued equity: Evidence from earnings manipulation // Journal of Corporate Finance. – 2008. – № 4(14). – P. 418-430.
11. Dimitrijević D. The detection and prevention of manipulations in the balance sheet and the cash flow statement // Ekonomski horizonti. – 2015. – № 2(17). – С. 137-153.
12. Adkins T. Financial Statement Manipulation [Electronic resource] // Investopedia [website]. – 2021 – URL: <https://www.investopedia.com/articles/fundamental-analysis/financial-statement-manipulation.as> (Accessed: 14.10.2023).
13. Hayes A. Off-Balance Sheet (OBS) Activities: Types and Examples [Electronic resource] // Investopedia [website]. – 2023 – URL: <https://www.investopedia.com/terms/o/off-balance-sheet-bs.asp> (Accessed: 15.10.2023).
14. Махмутова Э. М. Искажения в бухгалтерской отчетности, способы их выявления и роль аудита в оценке достоверности бухгалтерской отчетности // Молодой ученый. – 2016. – № 4. – С. 446-448.
15. Mohamed N., Handley-Schachler M. Roots of responsibilities to financial statement fraud control // Procedia Economics and Finance. – 2015. – № 28. – P. 46-52.
16. Рушева И. А., Синянская Е. Р. Проблемы формирования и контроля за достоверностью показателей бухгалтерской отчетности // Российские регионы в фокусе перемен: Сборник докладов со специальных мероприятий.—Екатеринбург, 2018. – 2018. – С. 337-340.
17. Financial statement restatements. Trends, Market Impacts, Regulatory Responses, and Remaining Challenges. Report to the Chairman, Committee on Banking, Housing, and Urban Affairs, U.S. Senate. – United States General Accounting Office, 2002. – 262 p
18. Center for Audit Quality (CAQ). 2022 Committee Transparency Barometer. – 2022. – 40 p.
19. Никандрова Д. И. Проблемы достоверности финансовой отчетности и роль аудита в выявлении ее искажений // Молодой ученый. – 2014. – № 21-2. – С. 74-76.
20. Дорохова М. В. Воздействие искажений финансовой отчетности компаний на экономические интересы инвесторов: международный опыт на примере США. – Москва, 2021. – 191 с.
21. Сардарова Б. М. Мошенничество с финансовой отчетностью //Обзор судебных разбирательств [Electronic resource] // Корпоративная финансовая отчетность. Международные стандарты [website]. – 2016. – № 10. – URL: <http://finotchet.ru/articles/1021/> (Accessed: 15.10.2023)
22. Бычкова С. М., Итыгилова Е. Ю. Искажения в системе координат бухгалтерского учета // Аудит и финансовый анализ. – 2013. – № 1. – С. 42-43.

REFERENCES

1. Shuan, Zh. (2017). Organizacionno-metodicheskoe obespechenie kachestva uchetnoj informacii (Dissertatsiya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata ekonomicheskikh nauk). Moscow. 185 p. (In Russian).
2. Sokolov, Ya. V., & Sokolov, V. Ya. (2004). Istoriya bukhgalterskogo ucheta: Uchebnik. Moscow: «Finansy i statistika». 272 p. (In Russian).
3. Kozhamzharova, G., Omarbakiyev, L., Kogut, O., Zhumasheva, S., Saulembekova, A., & Abdrakhmanova, G. (2022). Banking risks and lending to tourism and hotel businesses amid the COVID-19 pandemic. Journal of Environmental Management & Tourism, 2(13), 427-437.
4. PwC. (2022). PwC's Global Economic Crime and Fraud Survey 2022. 14 p.
5. Nikolaev, I. R. (1926). Problema real'nosti balansa. Leningrad: Ekonomicheskoe obrazovanie. 398 p. (In Russian).
6. Sher, I. F. (1926). Bukhgalteriya i balans (4th ed.). Moscow: Ekonomicheskaya zhizn. 576 p. (In Russian).
7. Bryukhanov, M. Yu. (2009). Falsifikatsiya finansovoj otchetnosti: obnaruzhenie i predotvrashchenie. Moscow. 195 p. (In Russian).

8. Sotnikova, L. V. (2022). Moshenichestvo v finansovoj otchetnosti: obnaruzhenie i preduprezhdenie: textbook. Moscow: Rusains. 394 p. (In Russian).
9. Grinavceva, E. V., & Sharova, T. A. (2017). Oshibki i falsifikacii v bukhgalterskoj (finansovoj) otchetnosti: ponyatie i priemy ikh vyjavleniya. Social'no-ekonomicheskie yavleniya i processy, 6(12), 49-57 (In Russian).
10. Marciukaityte, D., & Varma, R. (2008). Consequences of overvalued equity: Evidence from earnings manipulation. Journal of Corporate Finance, 4(14), 418-430.
11. Dimitrijević, D. (2015). The detection and prevention of manipulations in the balance sheet and the cash flow statement. Ekonomski horizonti, 2(17), 137-153
12. Adkins, T. (2021). Financial statement manipulation. Investopedia. Retrieved October 14, 2023, from <https://www.investopedia.com/articles/fundamental-analysis/financial-statement-manipulation.asp>
13. Hayes, A. (2023). Off-Balance Sheet (OBS) Activities: Types and Examples. Investopedia. Retrieved October 15, 2023, from <https://www.investopedia.com/terms/o/off-balance-sheet-obs.asp>
14. Makhmutova, E. M. (2016). Iskazheniya v bukhgalterskoj otchetnosti, sposoby ikh vyjavleniya i rol' audita v ocenke dostovernosti bukhgalterskoj otchetnosti. Molodoj uchenyj, 4, 446-448 (In Russian).
15. Mohamed, N., & Handley-Schachler, M. (2015). Roots of responsibilities to financial statement fraud control. Procedia Economics and Finance, 28, 46-52.
16. Rusheva, I. A., & Sinyanskaya, E. R. (2018). Problemy formirovaniya i kontrolya za dostovernost'yu pokazatelej bukhgalterskoj otchetnosti. In Rossijskie regiony v fokuse peremen: Sbornik dokladov so special'nyh meropriyatij. Ekaterinburg. 337-340 (In Russian).
17. United States General Accounting Office (2002). Financial statement restatements. Trends, Market Impacts, Regulatory Responses, and Remaining Challenges. Report to the Chairman, Committee on Banking, Housing, and Urban Affairs, U.S. Senate. 262 p
18. Center for Audit Quality (CAQ). (2022). 2022 Committee Transparency Barometer. 40 p.
19. Nikandrova, D. I. (2014). Problemy dostovernosti finansovoj otchetnosti i rol' audita v vyjavlenii ee iskazhenij. Molodoj uchenyj, 21-2, 74-76 (In Russian).
20. Dorokhova, M. V. (2021). Vozdejstvie iskazhenij finansovoj otchetnosti kompanii na ekonomicheskie interesy investorov: mezhdunarodnyj opyt na primere SSHA. Moscow. 191 p. (In Russian).
21. Sardarova, B. M. (2016). Moshenichestvo s finansovoj otchetnost'yu. Korporativnaya finansovaya otchetnost'. Mezhdunarodnye standarty. Retrieved October 15, 2023, from <http://finotchet.ru/articles/1021/> (In Russian).
22. Bychkova, S. M., & Itygilova, E. Yu. (2013). Iskazheniya v sisteme koordinat bukhgalterskogo ucheta. Audit i finansovyj analiz, 1, 42-43 (In Russian)

ПРОБЛЕМЫ КАЧЕСТВА ФИНАНСОВОЙ ОТЧЕТНОСТИ КОМПАНИИ В РЕЗУЛЬТАТЕ ИСКАЖЕНИЯ ПОКАЗАТЕЛЕЙ

А. И. Кидирмаганбетова^{1*}, О. Ю. Когут¹, А. З. Нурмагамбетова¹

¹Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алматы, Республика Казахстан

АННОТАЦИЯ

Финансовая отчетность является важным инструментом оценки финансового состояния организации, и ее искажения могут иметь серьезные последствия для инвесторов и рынка в целом. В данной статье представлен обзор существующих исследований по проблеме искажений и возможного манипулирования показателями в финансовой отчетности компаний.

Целью работы является раскрытие видов искажений финансовой отчетности, выявление основных проблем в результате этих искажений и показать реальные последствия от представления фальсифицированной информации в случае неосмотрительности.

Методологией исследования послужили теоретическая база понятийного аппарата об искажении финансовой отчетности и его видов, литературный обзор, сбор данных в результате статистического исследования авторов. Методы исследования более подробно описаны в главе ниже.

Ценность исследования показывает насколько плачевными могут быть результаты бизнес сферы в результате фальсификации работы. Это является движущимся рычагом для улучшения методов обнаружения искажений показателей финансовой отчетности. В статье затрагивается важность проведения регулярных аудитов, повышения требований к квалификации сотрудников и регулирования нормативных актов для хозяйствующих субъектов. Но это является лишь малой частью для создания методов искоренения фальсифицируемой информации.

Результаты исследования раскрыты в заключительной части, показывающая вывод собранных данных на основе опроса международных фирм по версии американских глобальных порталов с описанием последствий, которые могут возникнуть для бизнеса и инвесторов хозяйствующего субъекта.

Ключевые слова: финансовая отчетность, искажение, фальсификация, мошенничество, внутренний контроль, манипулирование, искажение информации.

КӨРСЕТКІШТЕРДІҢ БҰРМАЛАНУЫ НӘТИЖЕСІНДЕ КОМПАНИЯНЫҢ ҚАРЖЫЛЫҚ ЕСЕПТІЛІГІ САПАСЫНЫҢ МӘСЕЛЕЛЕРІ

А. И. Кидирмаганбетова^{1*}, О. Ю. Когут¹, А. З. Нурмагамбетова¹

¹Өл-Фараби Қазақ ұлттық университеті, Алматы, Қазақстан Республикасы

АНДАТПА

Қаржылық есеп беру ұйымның қаржылық жағдайын бағалаудың маңызды құралы болып табылады және оның бұрмалануы инвесторлар мен жалпы нарық үшін ауыр зардаптарға әкелуі мүмкін. Бұл мақалада компаниялардың қаржылық есептілігіндегі көрсеткіштерді бұрмалау және ықтимал манипуляциялау мәселесі бойынша бар зерттеулерге шолу берілген.

Жұмыстың мақсаты қаржылық есептіліктің бұрмалану түрлерін ашу, осы бұрмаланулардың нәтижесінде негізгі проблемаларды анықтау және абайсызда жалған ақпарат берудің нақты салдарын көрсету болып табылады.

Зерттеу әдістемесі қаржылық есептілікті және оның түрлерін бұрмалау туралы тұжырымдамалық аппараттың теориялық базасы, әдеби шолу, авторлардың статистикалық зерттеулері нәтижесінде мәліметтер жинау болды. Зерттеу әдістері төмендегі тарауда толығырақ сипатталған.

Зерттеудің құндылығы жұмыстың бұрмалануы нәтижесінде бизнес саласының нәтижелері қаншалықты қайғылы болуы мүмкін екенін көрсетеді. Бұл қаржылық есептілік көрсеткіштерінің бұрмалануын анықтау әдістерін жақсартудың қозғалмалы тұтқасы. Мақалада тұрақты аудит жүргізудің, қызметкерлердің біліктілігіне қойылатын талаптарды арттырудың және шаруашылық жүргізуші субъектілер үшін нормативтік актілерді реттеудің маңыздылығы қозғалады. Бірақ бұл жалған ақпаратты жою әдістерін құрудың аз ғана бөлігі.

Зерттеу нәтижелері бизнес пен шаруашылық жүргізуші субъектінің инвесторлары үшін туындауы мүмкін салдарларды сипаттай отырып, американдық жаһандық порталдар нұсқасы бойынша халықаралық фирмалардың сауалнамасы негізінде жиналған деректердің қорытындысын көрсететін қорытынды бөлімде ашылды.

Түйін сөздер: қаржылық есептілік, бұрмалау, бұрмалау, алаяқтық, ішкі бақылау, айла-шарғы жасау, ақпаратты бұрмалау.

ABOUT THE AUTHORS

Kidirmaganbetova Anar Ibragimovna – Master of Economic sciences in Accounting and audit, PhD student, Al-Farabi Kazakh National university, Almaty, Republic of Kazakhstan, e-mail: cg.anar.ik@gmail.com*

Kogut Oksana Yuryevna – PhD, Acting associate Professor, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan, email: kogut.1108@gmail.com; ORCID ID <https://orcid.org/0000-0002-4996-1254>.

Nurmagambetova Azhar Zeynullayevna – PhD, Acting Professor, Head of the Department of Finance and Accounting, Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty, email: nazhar1977@gmail.com; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9142-4420>.

МРНТИ 06.81.12

JEL Classification: M40; M41

DOI: <https://doi.org/10.52821/2789-4401-2024-1-129-142>

ОПТИМИЗАЦИЯ УЧЕТНЫХ ПРОЦЕДУР АВИАКОМПАНИЙ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ АНТИКРИЗИСНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Е. Е. Таниртаева¹, Г. К. Нургалиева¹, Г. К. Муханова^{2*}

¹Казахский Национальный университет имени аль-Фараби, Алматы, Республика Казахстан

²АО «Академия финансового мониторинга «AML ACADEMY», Астана, Республика Казахстан

АННОТАЦИЯ

Цель исследования: рассмотреть характерные особенности антикризисного управления и направления совершенствования управленческого учета авиакомпании Emirates.

Методология исследования: в ходе исследования использовались методы статистической оценки, также метод сравнения, аналитический, табличный, графический.

Оригинальность / ценность исследования: исследование расширяет ограниченные теоретические знания об антикризисном управлении в современных авиакомпаниях, изучая особенности антикризисного управления на примере авиакомпании Emirates, и предлагает практические рекомендации для совершенствования управленческого учета.

Результаты исследования заключены в разработке рекомендаций по совершенствованию антикризисного управления и управленческого учета авиакомпании Emirates. Данные рекомендации также могут быть частично применяться и для совершенствования деятельности других авиакомпаний.

В результате написания статьи основной концепцией явилось то, что оптимальная деятельность авиакомпаний зависит от эффективности антикризисного управления.

В статье описано общее содержание антикризисной программы компании Emirates, которая может использовать свои инструменты не только на стадии кризиса, но и на этапе предкризисного состояния, а именно, при первом проявлении проблем, ведущих к нарушению функционирования и развития организации.

В статье делается вывод о том, что наиболее распространенным аспектом рыночных изменений в авиакомпаниях является то, что руководители работают в неблагоприятной внешней среде.

Наиболее важным фактором успеха в восстановлении управления рисками является разработка и внедрение стратегии управления рисками для организации.

Ключевые слова: антикризисное управление, управленческий учет, авиакомпания, рынок пассажирских авиаперевозок; развитие рынка авиаперевозок.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность. Авиаперевозки считаются в современное время самым быстрым методом перемещения людей и грузов. В некоторых ситуациях авиаперевозкам нет альтернативы.

Проблема антикризисного управления в теоретических и практических аспектах современного управления является наиболее актуальной. Это объяснено тем, что для всех государств процессы антикризисного управления считаются неотъемлемым фактором развития личности, общества, государства и бизнеса во всех областях жизнедеятельности. Конкурентоспособность авиакомпании состоит, в первую очередь, в ее возможности успешно применять кризисы и пути совершенствования управленческого учета для выхода на новую ступень развития. В современных условиях теория и практика антикризисного управления и управленческого учета являются крайне востребованными, продолжающаяся мировая экономическая рецессия сделала их самыми актуальными для авиакомпаний.

Обзор литературы. В статье анализируются труды различных авторов, которые исследовали аспекты антикризисного управления, учетных процедур и специфики авиационной отрасли.

Труд К. Т. Ауезовой [1] представляет собой комплексное исследование антикризисного управления в Казахстане, сопоставляя его с практиками зарубежных стран. К. Т. Ауезова рассматривает теоретические основы и применимые методы, подчеркивая важность адаптации международного опыта к специфике казахстанского рынка. А. С. Абдулваганов [2] подчеркивает важность внедрения гибких учетных систем, которые позволяют быстро адаптироваться к изменяющимся условиям и минимизировать финансовые риски. А. Н. Ряховская [3] выделяет важность интеграции учетных процедур в общую систему антикризисного управления для обеспечения слаженной работы всех элементов системы. По мнению А. Demirguc-Kunt: исследование, проведенное в 2000 году в 53 странах, показало, что финансовая уязвимость компаний увеличивает риск кризиса, но снижает вероятность рецессии [4].

В работах G. Jr. Carpio рассматриваются причины и следствия этих кризисов и то, как отреагировали правительства. В них делается вывод, что проблемы кризиса компаний связаны как с подъемом, так и спадом экономики, и, основываясь на разработанных здесь критериях, было лишь немного предприятий, которые успешно отреагировали на эти области [5].

D. C. Cole отметил: эффективные финансовые системы способствуют лучшей адаптации и использованию ресурсов за счет ускорения процесса экономического роста [6].

Привлечение иностранных инвестиций в авиационную отрасль представляет интерес для всех стран и наряду с использованием внутренних инвестиций способствует экономическому развитию государства, как и было подчеркнуто в исследованиях Э. А. Рузиевой и др. [7].

Согласно исследованиям, американского ученого А. Demirguc-Kunt имеет место взаимообусловленность между финансовой либерализацией и кризисами компании, а рост и повышение институционального качества позволяет выйти компаниям из кризиса [8].

По мнению М. Е. Dabla-Norris, в понимании сложности управления рисками предприятий эту работу следует рассматривать как следствие некоторых стратегических действий работников компании по предотвращению платежей (убытков) компании [9].

Также, исследование А. М. Нургалиевой основано на предпосылке, что управленческий учет согласован со многими факторами, такими как качество, надежность, цена, анализом стоимости и сертификацией оказываемых услуг. Кроме того, планирование и обмен информацией тесно связаны с управленческим учетом [10].

В трудах автора А. Багиенска было указано, что эффективное и результативное прогнозирование является предметом исследований в теории и практике финансового менеджмента и управленческого учета [11].

Основные положения исследования. Исследование проводилось с использованием методов прогнозирования, моделирования, ситуационного анализа внутренней и внешней среды предприятия, реального анализа финансово-экономической ситуации и экспертной оценки. В статье предлагается комплекс мер по финансовому оздоровлению предприятия с использованием системы антикризисного управления.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Антикризисное управление — результат применения различных форм, методов для социального и экономического улучшения финансово-хозяйственной деятельности предприятия, создания и разработки проблем для преодоления рисков. Основными проблемами, с которыми сталкивается финансово-хозяйственная деятельность хозяйствующих субъектов, являются стратегический риск, стратегический риск затрат.

К. Т. Ауезова рассматривает термин «антикризисное управление» как процесс, возникающий в результате целенаправленной работы предприятия, который считается уникальным фактором модернизации казахстанской экономики и постепенного вхождения нашего государства в зону кризисного развития [1, 27 с.].

А. С. Абдулваганов считает, что «управление стратегией по предотвращению потерь должно начинаться с того момента, когда для компании разработаны общие цели, основы ее деятельности, структура и поддержание стратегического потенциала компании должны пребывать на должном уровне» [2, 44 с.].

Антикризисное управление организацией представлено на рисунке 1.

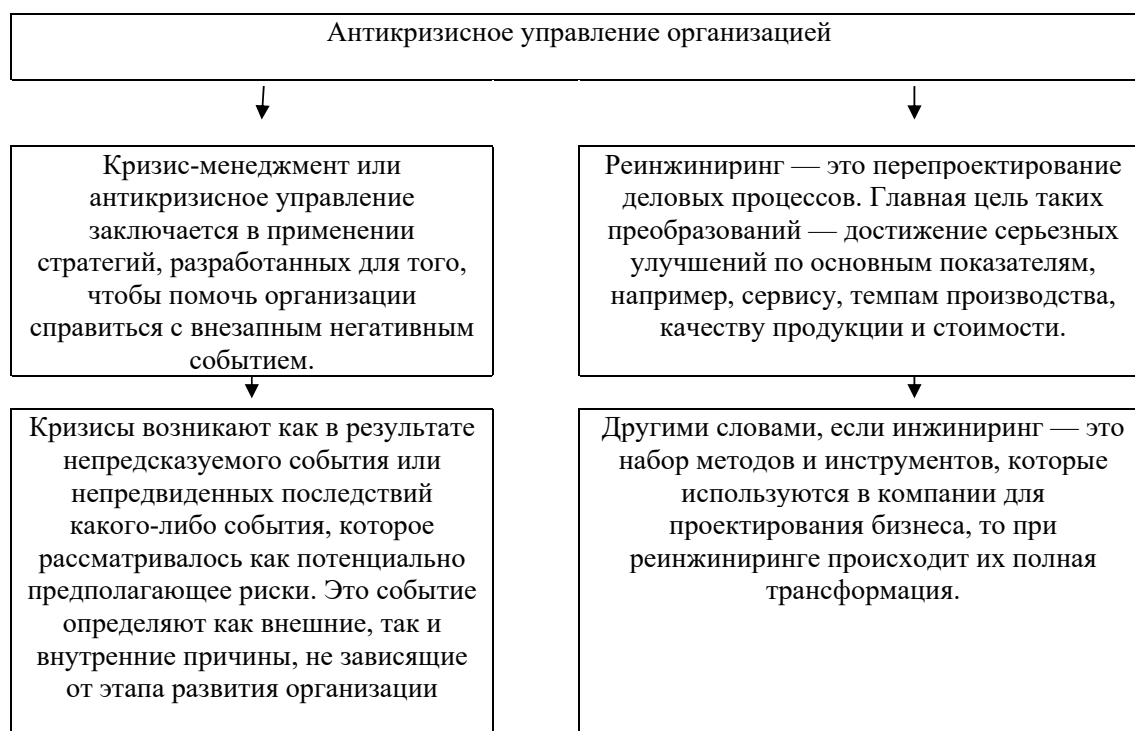

Рисунок 1 – Антикризисное управление организацией

Примечание – составлено автором на основе источника [1]

На основании данных в таблице сделаем следующий вывод: антикризисное управление организацией включает в себя кризис-менеджмент и реинжиниринг.

Кризис-менеджмент — это деятельность, имеющая начало и конец во времени, направленная на достижение заранее определённого результата (цели) при заданных ограничениях по ресурсам и срокам.

Реинжиниринг — радикальная перестройка организации вследствие перепроектирования ключевых бизнес-процессов.

К появлению кризиса на уровне авиакомпаний могут приводить такие факторы, как:

- внешние связи - неэффективная финансовая политика, неравномерная система доходов и расходов, отсутствие стабильности, дохода и рентабельности, отставание в научно-техническом развитии, чрезмерная конкуренция;

- внутренние проблемы - серьезные ошибки в экономической стратегии, финансах, маркетинге, недостаточное использование ресурсов, неэффективное управление, неадекватная организационная и корпоративная культура;

- информационные проблемы - постоянное отсутствие точности данных, используемых при управлении объектом, из-за маркетинговых стратегий политических факторов, подрядчиков и/или конкурентов.

Управленческий учет - структура финансовых отчетов, которая позволяет точно анализировать результативность бизнеса и утверждать необходимые стратегические решения. Его нужно вводить, чтобы осознавать, в каком направлении развивать предприятие, находить слабые места и повышать чистую прибыль.

По мнению А. Н. Ряховской «все данные предпосылки финансовой несостоятельности необходимо группировать на внешние, на которые предприятие не может оказывать влияние, и внутренние, которые зависят от деятельности самого предприятия» [3, с.14].

Схема управленческого учета на предприятии представлена на рисунке 2.

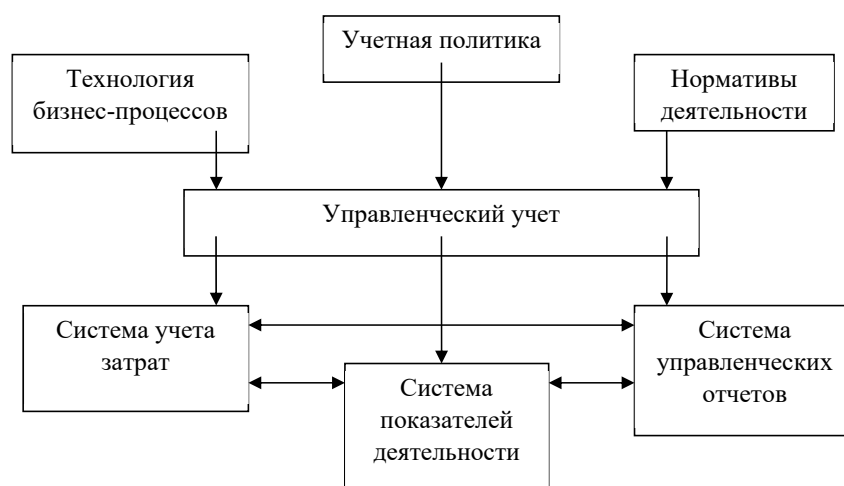

Рисунок 2 – Схема управленческого учета на предприятии

Примечание – составлено автором на основе источника [3]

Согласно данным в таблице, управленческий учет состоит из ряда взаимосвязанных направлений, которые в целом формируют систему управленческого учета компании. Информация о доходах, расходах и движении денежных средств собирается по направлениям бизнеса, филиалам, проектам, отделам. Руководитель управляет бизнесом и принимает решения на основе собранных данных.

Ведение учёта позволяет собрать финансовую и нефинансовую информацию из внутренних и внешних источников, детализировать её до нужной степени и предоставить лицам, принимающим решения, — например, генеральному директору компании.

Для эффективного управления управленческого учета сначала следует провести классификацию постоянных затрат в зависимости от производственных характеристик предприятия и поставленных целей. Это поможет создать: центры загрузки; места появления расходов; центры ответственности; носители расходов. После этого необходимо найти наиболее подходящий вариант для создания учетной записи управленческого учета.

Далее рассмотрим особенности антикризисного управления и совершенствование управленческого учета на примере авиакомпании Emirates.

Emirates - одна из ведущих мировых авиакомпаний, базирующаяся в Дубае (ОАЭ). Компания была основана в Дубае в 1985 году руководителями Эмиратов для продвижения туризма и инфраструктуры в Арабских Эмиратах. Она считается дочерней компанией Emirates Group. Это ведущая авиакомпания на Ближнем Востоке, выполняющая более 3600 рейсов в неделю почти по 150 направлениям в 80 странах на шести континентах [12, с. 36].

Emirates - одна из немногих универсальных авиакомпаний (за исключением Emirates Executive), чей парк состоит исключительно из самолетов общего назначения производства Airbus и Boeing.

Emirates Group предоставили основные результаты 2022-2023 финансового периода, который был самым прибыльным годом за всю историю функционирования, поскольку Группа компаний увеличила объемы воздушно-транспортных функций и туристических услуг после снятия почти всех ограничений на путешествия, которые были связаны с пандемией. Финансовая реструктуризация компании Emirates предполагает поиск решения проблем путем компромисса.

По итогам финансового года, который завершился 31 марта 2023 года, Emirates Group установила рекордную чистую прибыль на уровне US\$ 3 млрд., хотя в прошлом году у компании был убыток на уровне US\$ 1 млрд. Выручка Emirates Group составляет US\$ 32,6 млрд., что на 81 % больше чем в прошлом году.

Баланс денежных средств компании Emirates Group возрос на 65 % в сопоставлении с предыдущим годом и составил US\$ 11,6 млрд., являясь наилучшим показателем компании, в результате стабильного спроса в основных подразделениях и на ключевых рынках.

В прошлом году штат работников Emirates Group возрос на 20 % до 102 379 человек, которые представляют больше 160 национальностей. Группа инвестировала более US\$ 2 млрд. в новые самолеты и объекты инфраструктуры, специальное оборудование, компании и современные технологии для достижения будущего роста бизнеса.

В ряде подобных инициатив находятся глобальная многомиллиардная программа по улучшению салонов самолетов; покупка пяти новых грузовых авиалайнеров Boeing 777; разработка нового тренировочного зала для пилотов; создание крупной в мире вертикальной фермы Bustanica в Дубае в партнерстве с CropOne; покупка новых учебно-тренировочных самолетов для учеников авиакомпании; формирование новой передовой грузовой инфраструктуры в Эрбиле (Ирак).

Уровень грузовых и пассажирских провозных емкостей Emirates увеличился на 32 % до 48,2 млрд. располагаемых тонно-километров в 2022-2023 финансовом году, поскольку авиакомпания восстанавливала пассажирские рейсы по собственной маршрутной сети вместе со снятием ограничений на путешествия и полеты в результате пандемии.

Emirates осуществила перевозку 43,6 млн. пассажиров в 2022-2023 финансовом году, что на 123 % выше данного показателя предыдущего года. Наряду с запуском рейсов в Тель-Авив компании Emirates восстановила полеты по шести направлениям и повысила количество рейсов в 62 города своей маршрутной сети на протяжении года в ответ на максимальный спрос клиентов. К 31 марта 2023 года маршрутная сеть Emirates реализует 150 направлений на пяти континентах, в частности 9 городов, которые обслуживаются лишь грузовыми самолетами.

В эксплуатации компании Emirates по состоянию на 01.01.2023г. находятся 272 самолётов. Для сравнения показатель American Airlines – 913 самолётов. Delta Air Lines – 848 самолетов.

Внутренние факторы возникновения кризиса в авиакомпании представлены на рисунке 3.

Внутренние факторы возникновения кризиса в авиакомпании зависят от ряда факторов. В целом отраслевой структурный кризис на рынке авиаперевозок обусловлен целым рядом факторов. В зависимости от воздействия на деятельность авиакомпании их можно структурировать в три группы:

- усилившаяся конкуренция со стороны смежных видов транспортных услуг;
- рост ценовой и неценовой, внутренней и межгрупповой конкуренции между регулярными, чартерными и низкобюджетными авиаперевозчиками;
- удорожание обслуживания самолетов и рейсов (в зависимости от типа самолета).

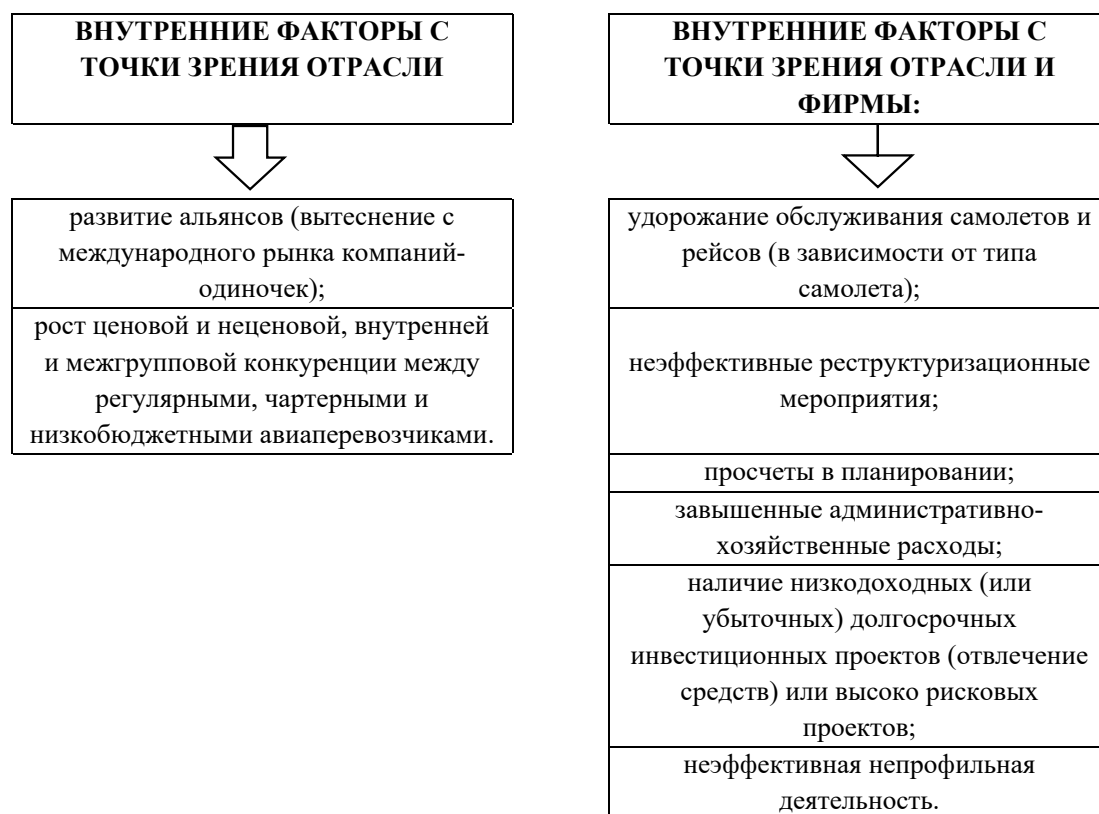

Рисунок 3 – Внутренние факторы возникновения кризиса в авиакомпании

Примечание – составлено автором на основе источника [12]

Суть оперативного учета компании Emirates должна определяться совокупностью норм, правил и предписаний, которые обеспечивают отражение объектов бухгалтерского учета в информационной системе предприятия.

Методы оперативной реструктуризации для авиакомпании представлены на рисунке 4.

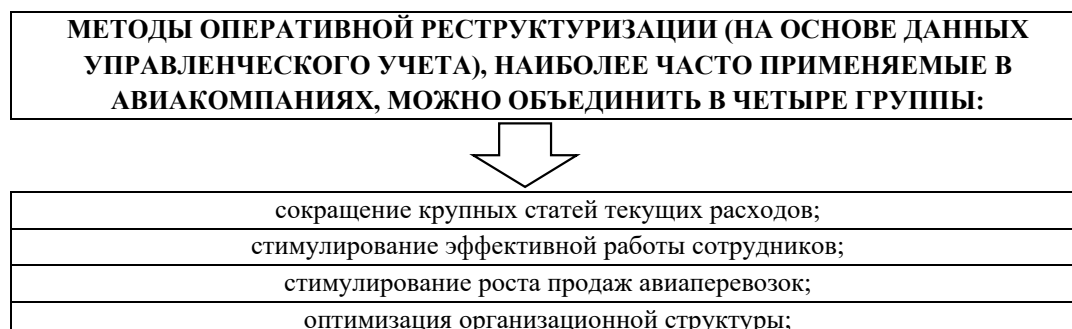

Рисунок 4 – Методы оперативной реструктуризации для авиакомпании

Примечание – составлено автором на основе источника [13]

Проведя анализ таблицы, сделаем следующий вывод: внедрение различных методов реструктуризации позволит эффективно осуществлять процесс управленческого учета и антикризисное управление авиакомпанией, то есть - сокращение крупных необоснованных статей расходов, которые не влияют

на процесс производства полетов, мотивирование сотрудников и повышение их производительности труда, развитие бренда и маркетинга для увеличения продаж, развитие корпоративной и организационной структуры компании.

В авиакомпании планируются основные направления финансового развития на краткосрочный период, определяются цели использования, принципы финансовых отношений с государством (налогоплательщиком) и партнерами (подрядчиками, поставщиками, кредиторами и т.д.). Однако выбор стратегии не обеспечивает запланированной эффективности, на которую влияют внешние факторы, в частности, ситуация на финансовом рынке, налоговая, таможенная и денежно-кредитная политика правительства [13, с.27].

Неотъемлемой частью финансовой политики Emirates является долгосрочное финансовое планирование, которое направлено на решение наиболее важных вопросов компании: объем и себестоимость продаж, ценообразование, окупаемость инвестиций, финансовая стабильность и доступность [14, с.34].

Стратегия и тактика финансового оздоровления авиакомпании очень тесно взаимосвязаны. Правильно выбранная стратегия создает хорошие возможности для реализации стратегических целей. Финансовая политика определяет ключевые финансовые показатели и влияет на финансовые процессы с целью их постоянного улучшения, используя текущие возможности и тенденции [15, с.22].

Изучая структуру финансовой стратегии, можно сказать, что на данный момент важно подтвердить эффективное решение всех текущих вопросов.

На этом этапе происходит комплексное обследование, оценка и поиск возможностей восстановления или поддержки финансового положения заемщика. Кроме того, создается список документов, показывающий сумму кредита. Этот процесс может длиться около семи месяцев.

Следующий шаг – финансовая реструктуризация компании Emirates, которая предполагает поиск решения проблем путем компромисса. В тот момент, когда платежеспособность будет восстановлена, суд назначит управляющего для погашения долгов и формирования отчета о проделанной работе [16, с.39].

В результате такого исследования требуется полный контроль в рабочем процессе для того, чтобы реализовать возможность погашения долга или реструктуризации, а также для устранения безнадежных долгов и необеспеченных кредитов.

ПОЛУЧЕННЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ (ВЫВОДЫ)

Финансовая стратегия компании Emirates основана на международных целях социально-экономической политики компании.

Как показывает международный опыт, достижение главной цели антикризисного управления Emirates – восстановление имущественных связей в результате текущей деятельности авиакомпании происходит только при соблюдении определенных условий:

1. Создание эффективных механизмов, направленных на представление преимуществ определенных элементов системы ликвидации последствий риска неплатежеспособности и обеспечение адекватного распределения активов.

2. Создание системных функций для активизации бизнеса.

3. Разработка связей и структуры надлежащей процедуры разрешения спорных вопросов.

Все данные предпосылки финансовой несостоятельности необходимо группировать на внешние, на которые предприятие не может оказывать влияние, и внутренние, которые зависят от деятельности самого предприятия.

Финансовая стратегия компании Emirates должна быть направлена на реализацию конкретных целей определенного этапа развития компании в результате соответствующих и необходимых изменений в способе установления финансовых отношений, перераспределения финансовых ресурсов между различными типами и разновидностями платежных систем и подразделений [17, с.36].

При составлении учетной политики Emirates можно рекомендовать определить такие методы расчета себестоимости, которые гарантируют точное отражение состава производственных затрат, уровня постоянных и переменных издержек, а также доли коммерческих издержек.

Экономическим службам Emirates необходимо анализировать структуру производственных затрат, сравнивать их с основными видами информации и изучать характер отклонений от них.

Для того чтобы создать требования к эффективной аудиторской практике и повысить качество внедряемых финансово-экономических решений, необходимо более точно определять фактические затраты для следующих сторон и управлять ими:

- себестоимость, которая растет или падает в зависимости от фактора роста. К ним относятся продажа услуг, потребление электроэнергии, транспортные расходы, торговые комиссии и другие расходы;
- стабильная ценовая политика, изменение которой не зависит от изменения деятельности компании. К этим затратам относятся общие издержки, налоговые поступления, лизинг, расходы на техническое обслуживание текущего оборудования, и т.д.; [18, с. 27].

- обмен реализованными ресурсами из основного и альтернативного секторов. Эти расходы включают, например, расходы на техническое обслуживание оборудования, почтовые и телефонные расходы и т.д.

Перечень краткосрочных и долгосрочных мероприятий, принятие которых даст возможность увеличить поток денежных средств в компании Emirates отражен на рисунке 5.

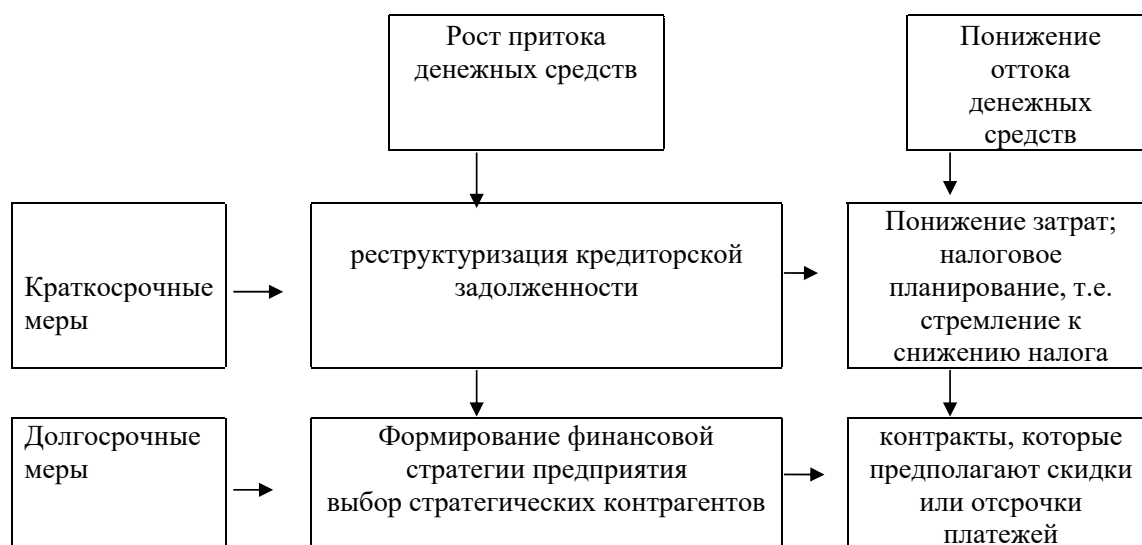

Рисунок 5 – Мероприятия по увеличению потока денежных средств компании Emirates

Примечание – составлено автором на основе источника [16]

Анализируя таблицу можно предположить, что мероприятия по увеличению потока денежных средств компании Emirates включают в себя комплекс мероприятий, которые в целом будут способствовать эффективной финансовой, налоговой и ценовой политики; повышению эффективности работы с претензиями для взыскания вовремя и в полном объеме дебиторской задолженности и штрафных санкций; сокращению расходов в текущей деятельности организации.

Необходимо уделить особое внимание выявлению и мобилизации внутренних резервов для роста доходов, существенному снижению стоимости товаров и услуг, разработке правильной политики распределения доходов, рационализации капитала Emirates на всех этапах его расследования.

Важно помнить, что во многих случаях трудно провести четкую грань между альтернативными ценами и фиксированными ценами.

Например, цена на электроэнергию может включать в себя другую составляющую, непосредственно связанную с объемом производства, и, например, в стоимость, связанную с функционированием систем безопасности, компьютерных сетей и т.д.

Во всех случаях руководство авиакомпании должно учитывать классификацию всех расходов таким образом, чтобы они были четко сфокусированы.

Управление этим процессом является способом достижения целей на высокоэффективной основе и реализуется по следующей схеме: «цель – стратегия – тактика – оперативное управление – практическое исполнение». Когда дело доходит до финансового управления предприятием, этот процесс определяет доход от финансовых продуктов как доход или задолженность, включая периоды, в течение которых эти ресурсы привлекаются и используются.

Интегрированная система финансового управления должна обеспечивать, чтобы все уровни управления функционировали и работали сообща: стратегически и оперативно.

Конкурентоспособность авиакомпании состоит, в первую очередь, в ее возможности успешно применять кризисы и пути совершенствования управленческого учета для выхода на новую ступень развития. В современных условиях практика антикризисного управления и управленческого учета являются крайне востребованными, и способствуют стабилизации деятельности компании.

Мероприятия по улучшению эффективности финансового состояния Emirates отражены на рисунке 6.

Рисунок 6 – Основные мероприятия по улучшению финансовых показателей деятельности Emirates

Примечание – составлено автором на основе источника [16]

Реализация данных направлений будет способствовать эффективной оптимизации финансовой политики компании.

Финансовой службе Emirates можно порекомендовать формирование эффективной системы управления финансами. На тактическом уровне должны приниматься решения, осуществление которых призвано формировать стратегическую политику предприятия в сфере использования финансовых ресурсов.

Основная цель управленческого учета компании Emirates – предоставить руководству необходимую информацию для принятия обоснованных управленческих решений, соответствующих следующим задачам:

1. Проинформировать всех сотрудников авиакомпании об информации, необходимой для идентификации и внедрения продуктов / услуг как можно скорее. Это может относиться к проектам и клиентам; это также может относиться к продуктовой матрице, запасам и многому другому.

2. Прогнозирование, отслеживание и анализ экономических показателей предприятия.

3. Оптимальное распределение ресурсов компании.

Основной функцией управленческого учета компании Emirates является систематизация заполненных отчетов и предоставление информации посредством подготовки отчетных материалов. Характер и структура этих отчетов зависят от их назначения и варьируются в зависимости от опыта работы в компании.

Разработанный метод позволяет организации принимать решения с использованием быстрой и надежной информации и обеспечивает анти-конкурентные преимущества.

Роль управленческого учета заключается в том, чтобы помочь организации принимать оперативные решения для достижения ее целей.

Существуют две разные сферы влияния планов: трансформация запланированных целей в запланированные действия и влияние фактических отличий от запланированных действий.

Формирование структуры управленческого учета компании Emirates открывает возможность решения следующих задач:

1) Сбор и сравнение информации о типе финансовых ресурсов, деловой активности и материальных ресурсах предприятия и анализ этой информации.

2) Анализ разницы между снятиями средств и поступлениями от утвержденных вознаграждений.

3) Оперативный расчет и планирование ценовых показателей на услуги авиакомпании, анализ их отличий от планов.

4) Учет финансовой деятельности предприятия. Необходимо анализировать финансовые результаты авиакомпании и отдельных ее подразделений.

5) Управление и прогнозирование деловой активности компании.

6) Прогнозировать ожидаемые тенденции в различных видах деятельности компании на основе предыдущих результатов.

7) Удобная отчетность для всех заинтересованных сотрудников.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исходя из вышеизложенного, можем сделать вывод, что важность учета методов управленческого учета компании Emirates должна определяться их самостоятельной ролью в организационных вопросах и анализе организационной эффективности.

Таким образом, неотъемлемой частью финансовой политики Emirates является долгосрочное финансовое планирование, которое направлено на решение наиболее важных вопросов компании: объем и себестоимость продаж, ценообразование, окупаемость инвестиций, финансовая стабильность и доступность.

Стратегия и тактика финансового оздоровления авиакомпании очень тесно взаимосвязаны. Правильно выбранная стратегия создает хорошие возможности для реализации стратегических целей. Финансовая политика определяет ключевые финансовые показатели и влияет на финансовые процессы с целью их постоянного улучшения, используя текущие возможности и тенденции.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ауезова К. Т. Антикризисное управление в Казахстане: теория и практика зарубежных стран. – Алматы: Ғылым, 2019. – 609 с.

2. Абдулваганов А. С. Стратегия антикризисного управления предприятием. – Алматы: Санат, 2019. – 154 с.

3. Ряховская А. Н. Комплексный подход к антикризисному управлению государством в условиях кризиса. – М.: ИТК Дашков и К, 2020. – 304 с.
4. Demirguc-Kunt A., Detragiache E. Financial Liberalisation and Financial Fragility // Annual World Bank Conference on Development Economics, IMF Working Paper. – 2022. – № 117. – P. 22-25.
5. Caprio G. Jr., Klingebiel D. Bank Insolvency: Bad Luck, Bad Policy? // Annual World Bank Conference on Development Economics. – Washington, D.C.: The World Bank, 2018 – P. 79-104.
6. Cole D. C. Financial development in Asia // Asian-Pacific Economic Literature. – 1988. – № 2(2). – P. 26-47.
7. Ruziyeva E. A., Nurgaliyeva A. M., Duisenbayeva B. B., Assanova A. B., Shtiller M. V. Analysis of investments role in the economic development // Bulletin of National Academy of sciences of the Republic of Kazakhstan. – 2019. – № 2(378). – P. 189-198.
8. Demirguc-Kunt A., Detragiache E. Financial Liberalisation and Financial Fragility // Annual Conference on Development Economics, IMF Working Paper. – 2021. – № 117. – P. 60-66.
9. Dabla-Norris M. E., Daniel M. J., Nozaki M. M., Alonso C., Balasundharam V., Bellon M. M., ... Kilpatrick M. J. Fiscal policies to address climate change in Asia and the Pacific: opportunities and challenges. – IMF, 2021. – 124 p.
10. Nurgaliyeva A. M. The role of management accounting techniques in determining the relationship between purchasing and supplier management: A case study of retail firms in Kazakhstan // Uncertain Supply Chain Management. – 2020. – 8. – P. 149-164.
11. Bagińska A. Budżetowanie jako instrument zarządzania finansami – wyniki analizy bibliometrycznej // Akademia Zarządzania. – 2023. – 7(1). – P. 54-71.
12. Скляревская В. А. Антикризисные меры. – М.: ИТК Дашков и К, 2020. – 310 с.
13. Экономика труда и социально – трудовые отношения / Под ред. Г.Г. Меликьяна, Р.П. Колосовой. – М.: Издательство МГУ, 2019. – 623 с.
14. Орехов В. И. Антикризисное управление. Учебное пособие. – А.: Санат: 2019. – 155 с.
15. Казахстанские авиакомпании терпят миллиардные убытки [Электронный ресурс] // Kazakhstan Today [web-сайт]. – 2020. – URL: https://www.kt.kz/rus/ekonomika/kazahstanskije_aviakompanii_terpyat_milliardnye_ubytki_1377902763.html https://www.kt.kz/rus/ekonomika/kazahstanskije_aviakompanii_terpyat_milliardnye_ubytki_1377902763.html (Дата обращения: 03.02.2024).
16. About us [Электронный ресурс] // Официальный сайт компании Emirates [web-сайт]. – n.d. – URL: <https://www.emirates.com/english/> (Дата обращения: 03.02.2024).
17. Ушморова О. В. Особенности реструктуризации авиакомпаний в условиях кризиса отрасли // Экономический анализ: теория и практика. – 2006. – № 19. – С. 43-52.
18. Спекторов Ю. Д. Как авиакомпаниям выйти из пике [Электронный ресурс] // Ведомости [web-сайт]. – 2020. – URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/columns/2020/04/01/826852-kak-aviakompaniyam> (Дата обращения: 03.02.2024).

REFERENCES

1. Auezova, K. T. (2019). Antikrizisnoe upravlenie v Kazahstane: teoriya i praktika zarubezhnyh stran. Almaty: Gylym. 609 p. (In Russian).
2. Abdulgaganov, A. S. (2019). Strategiya antikrizisnogo upravleniya predpriyatiem. Almaty: Sanat. 154 p. (In Russian).
3. Ryahovskaya, A. N. (2020). Kompleksnyj podhod k antikrizisnomu upravleniyu gosudarstvom v usloviyah krizisa. M.: ITK Dashkov i K. 304 p. (In Russian).
4. Demirguc-Kunt, A., & Detragiache, E. (2022). Financial Liberalisation and Financial Fragility. Annual World Bank Conference on Development Economics, IMF Working Paper, 117, 22-25.
5. Caprio, G. Jr., & Klingebiel, D. (2018). Bank Insolvency: Bad Luck, Bad Policy? Annual World Bank Conference on Development Economics. Washington, D.C.: The World Bank, 79-104.

6. Cole, D. C. (1988). Financial development in Asia. *Asian-Pacific Economic Literature*, 2(2), 26-47
7. Ruziyeva, E. A., Nurgaliyeva, A. M., Duisenbayeva, B. B., Assanova, A. B., & Shtiller, M. V. (2019). Analysis of investments role in the economic development. *Bulletin of National Academy of sciences of the Republic of Kazakhstan*, 2(378), 189-198.
8. Demirguc-Kunt, A., & Detragiache, E. (2021). Financial Liberalisation and Financial Fragility. *Annual Conference on Development Economics, IMF Working Paper*, 117, 60-66.
9. Dabla-Norris, M. E., Daniel, M. J., Nozaki, M. M., Alonso, C., Balasundharam, V., Bellon, M. M., ... & Kilpatrick, M. J. (2021). Fiscal policies to address climate change in Asia and the Pacific: opportunities and challenges. *IMF*, 124 p.
10. Nurgaliyeva, A. M. (2020). The role of management accounting techniques in determining the relationship between purchasing and supplier management: A case study of retail firms in Kazakhstan. *Uncertain Supply Chain Management*, 8, 149-164.
11. Bagieńska, A. (2023). Budżetowanie jako instrument zarządzania finansami – wyniki analizy bibliometrycznej. *Akademia Zarządzania*, 7(1), 54-71 (In Russian).
12. Sklyarevskaya, V. A. (2020). *Antikrizisnye mery*. M.: ITK Dashkov i K. 310 p. (In Russian).
13. Melikyana, G. G., & Kolosovoj, R. P. (Eds.). (2019). *Ekonomika truda i social'no – trudovye otnosheniya*. M.: MGU Publishing house. 623 p. (In Russian).
14. Orekhov, V. I. (2019). *Antikrizisnoe upravlenie*. Uchebnoe posobie. A.: Sanat. 155 p. (In Russian).
15. Kazahstanskije aviakompanii terpyat milliardnye ubytki. (2020). *Kazakhstan Today*. Retrieved February 3, 2024, from https://www.kt.kz/rus/ekonomika/kazahstanskije_aviakompanii_terpyat_milliardnye_ubytki_1377902763.html (In Russian).
16. About us. (n.d.). Emirates. Retrieved February 3, 2024, from <https://www.emirates.com/english/>.
17. Ushmorova, O. V. (2006). Osobennosti restrukturizacii aviakompanij v usloviyah krizisa otrasli. *Ekonomicheskij analiz: teoriya i praktika*, 19, 43-52 (In Russian).
18. Spektorov, Yu. D. (2020). Kak aviakompaniyam vyjti iz pike. *Vedomosti*. Retrieved February 3, 2024, from <https://www.vedomosti.ru/opinion/columns/2020/04/01/826852-kak-aviakompaniyam> (In Russian).

OPTIMIZATION OF AIRLINE ACCOUNTING PROCEDURES IN THE CONTEXT OF CRISIS MANAGEMENT TRANSFORMATION

Y. Y. Tanirtayeva¹, G. K. Nurgalieva¹, G. K. Mukhanova^{2*}

¹Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan

²JSC «Academy of Financial Monitoring «AML ACADEMY», Astana, Republic of Kazakhstan

ABSTRACT

Purpose of the research: to consider the characteristic features of crisis management and the directions for improving the management accounting of Emirates Airline.

Methodology: in the course of the study, methods of statistical assessment, the method of expert assessments, as well as the method of comparison, analytical, tabular, graphical were used.

Originality / value of the study: the study expands the limited theoretical knowledge about crisis management in modern airlines, studying the features of crisis management on the example of Emirates Airline, and offers practical recommendations for improving management accounting.

Findings are concluded in the development of recommendations for improving the anti-crisis management and management accounting of Emirates Airline. These recommendations can also be partially applied to improve the activities of other airlines.

As a result of writing the article, the main concept was that the optimal operation of airlines depends on the effectiveness of crisis management. The article substantiates the expanded content of the concept of Emirates anti-crisis management, which allows the use of its tools not only at the crisis stage, but also at the pre-crisis stage, that is, at the first manifestations of factors leading to a radical disruption of the normal functioning and development of the organization

The article concludes that a characteristic feature of the current stage of market transformations in airlines is that organizations operate in an unfavorable external environment and are in a state of crisis. The main success factor in the process of an organization's recovery from crisis is the development and implementation of an anti-crisis management strategy for the organization.

Keywords: crisis management, management accounting, airline, passenger air transportation market; development of the air transportation market.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЖАҒДАЙЫНДА АВИАКОМПАНИЯЛАРДЫҢ ЕСЕПКЕ АЛУ РӘСІМДЕРІН ОҢТАЙЛАНДЫРУ ДАҒДАРЫСТЫ БАСҚАРУ

Е. Е. Таниртаева¹, Г. К. Нургалиева¹, Г. К. Муханова^{2*}

¹Әл-Фараби атындағы Қазақ Ұлттық университеті, Алматы, Қазақстан Республикасы

²АО «Академия финансового мониторинга «AML ACADEMY», Астана, Қазақстан Республикасы

АННОТАЦИЯ

Зерттеу мақсаты: дағдарысты басқарудың тән ерекшеліктерін және Emirates авиакомпаниясының Басқару есебін жетілдіру бағыттарын қарастыру.

Әдіснамасы: зерттеу барысында статистикалық бағалау әдістері, сараптамалық бағалау әдісі, сондай-ақ салыстыру әдісі, аналитикалық, кестелік, графикалық әдістер қолданылды.

Зерттеудің бірегейлігі / құндылығы: зерттеу Emirates авиакомпаниясының мысалында дағдарысты басқарудың ерекшеліктерін зерттей отырып, қазіргі авиакомпаниялардағы дағдарысты басқару туралы шектеулі теориялық білімді кеңейтеді және басқару есебін жетілдіру үшін практикалық ұсыныстар береді.

Зерттеу нәтижелері Emirates әуекомпаниясының дағдарысқа қарсы басқару және басқару есебін жетілдіру бойынша ұсынымдар әзірлеуге жасалған. Бұл ұсынымдар ішінара басқа авиакомпаниялардың қызметін жетілдіру үшін де қолданылуы мүмкін.

Мақала жазу нәтижесінде негізгі тұжырымдама авиакомпаниялардың оңтайлы қызметі дағдарысты басқарудың тиімділігіне байланысты болды. Мақалада Emirates авиакомпаниясының дағдарысқа қарсы басқару тұжырымдамасының кеңейтілген мазмұны негізделеді, бұл оның құралдарын дағдарыс кезеңінде ғана емес, сонымен қатар дағдарыс алдындағы кезеңде, яғни ұйымның қалыпты жұмыс істеуі мен даму процесінің түбегейлі бұзылуына әкелетін факторлардың алғашқы көріністерінде пайдалануға мүмкіндік береді.

Мақалада авиакомпаниялардағы нарықтық өзгерістердің қазіргі кезеңінің ерекшелігі-ұйымдар өз қызметін қолайсыз сыртқы орта жағдайында жүзеге асырады және дағдарыс жағдайында болады деген қорытындыға келді. Ұйымның дағдарыстан шығу үдерісіндегі табыстың негізгі факторы ұйымды дағдарысқа қарсы басқару стратегиясын әзірлеу және іске асыру болып табылады.

Түйін сөздер: дағдарысқа қарсы басқару, басқару есебі, авиакомпания, жолаушылар авиатасымалдары нарығы; авиатасымалдар нарығын дамыту.

ОБ АВТОРАХ

Таниртаева Еркежан Ерлановна – докторант PhD, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алматы, Республика Казахстан, e-mail: t.erkejan@bk.ru, ORCID ID: 0009–0004–0412–1691

Нургалиева Гульнар Казыбековна – кандидат экономических наук, доцент, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алматы, Республика Казахстан, e-mail: nurgalyeva.gulnara@kaznu.kz, ORCID ID: 0009–0002–5391–0297

Муханова Гайни Казыбаевна – кандидат экономических наук, PhD, доцент, директор научно-исследовательского института АО «Академия финансового мониторинга «AML ACADEMY», Астана, Республика Казахстан, e-mail: gaini.mukhanova@gmail.com, ORCID ID: 0000–0002–6953–2756*

МРНТИ 06.75.02

JEL Classification: L5

DOI: <https://doi.org/10.52821/2789-4401-2024-1-142-154>

ЭФФЕКТИВНОСТЬ МЕХАНИЗМОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ ИННОВАЦИОННОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

А. Д. Ибыжанова¹, Э. А. Рустенова¹, Н. С. Нуркашева^{2*}

¹Западно-Казахстанский аграрно-технический университет имени Жангир хана, Уральск,
Республика Казахстан

²Университет Нархоз, Алматы, Республика Казахстан

АННОТАЦИЯ

Цель исследования заключается в оценке эффективности мер государственной поддержки малого и среднего бизнеса (МСБ) в Казахстане, включая финансовую поддержку, субсидирование процентных ставок и гарантирование кредитов. Исследование направлено на анализ влияния этих мер на развитие и инновационную активность МСБ в стране. Анализ также будет включать оценку того, какие секторы экономики наиболее активно используют государственную поддержку и какие факторы могут влиять на ее эффективность. В результате исследования будет дана оценка текущей ситуации и сделаны рекомендации для улучшения мер государственной поддержки МСБ в Казахстане с целью дальнейшего стимулирования их развития и инновационной активности.

Методология исследования. В исследовании применялись различные методы, включая исторический анализ, диалектический подход, монографические и графические методы. В качестве исходных данных использовались показатели, предоставленные АО «Фонд развития предпринимательства «Даму»», Национальным Банком Республики Казахстан и Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан за период с 2011 по 2022 год.

Оригинальность / ценность исследования. Исследование фокусируется на оценке конкретных мер государственной поддержки и их воздействия на развитие малых и средних предприятий. Это позволяет определить, насколько успешно данные меры достигают своих целей.

Результаты исследования. Результаты исследования показали успешность государственной поддержки предпринимательства в технологической сфере в Республике Казахстан. Особое внимание уделяется контексту Казахстана, где активно внедряются меры по поддержке технологических стартапов и инновационных проектов.

Ключевые слова: малое и среднее предпринимательство, инновации, государственная поддержка, стабильность экономики, государственная программа.

ВВЕДЕНИЕ

В стратегических и плановых документах, а также в ежегодных посланиях Президента Республики Казахстан, уделяется значительное внимание вопросам, связанным с укреплением предпринимательской среды. Этот акцент создал определенную основу для развития сектора малых и средних предприятий (МСП) в республике. В Казахстане поддержка МСП осуществляется при участии Фонда «Даму», который предоставляет содействие МСП через реализацию специальных программ, включая проектное финансирование, лизинг и развитие микрофинансирования. Фонд действует в качестве гаранта для МСП при получении займов от коммерческих банков второго уровня и выполняет функции оператора при размещении средств, выделяемых в рамках стабилизационных программ, реализуемых Правительством Республики Казахстан [1].

Согласно Глобальному инновационному индексу, который был разработан совместно Корнельским университетом, бизнес-школой INSEAD и Всемирной организацией интеллектуальной собственности, и оценивающему потенциал и результаты инноваций, ведущими странами в области инноваций в 2022 году оказались Швейцария, Соединенные Штаты Америки, Швеция и Великобритания, Нидерланды, Южная Корея, Сингапур, Германия, Финляндия и Дания. Республика Казахстан занимает 83-е место среди 132 стран и территорий мира (75-е место в 2021 году). Такое снижение Глобального инновационного индекса свидетельствует об уязвимости страны в реализации инновационных, технопредпринимательских проектов [1]. Глобальный инновационный индекс включает семь аналитических блоков. Наиболее сильные позиции Казахстана наблюдаются в таких блоках, как «Институты» и «Инфраструктура» (52 и 58 места). В этом разделе оценивались политический климат, регулятивные факторы (такие, как «роль закона») и деловой климат, т.е. в Казахстане заметно стремление государства развивать этот сектор экономики.

Обзор литературы. Технологическое предпринимательство является мощным инструментом для МСП, помогающим им решать задачи и использовать возможности современной цифровой экономики. Оно стимулирует инновации, рост и устойчивость, делая МСП более конкурентоспособными и адаптированными к требованиям современного рынка.

М. Г. Полозков и др. [2] определили, что технологическое предпринимательство – это инвестиции в проект, который объединяет и использует специализированных людей и разнородные активы для создания и генерирования стоимости для фирмы. Авторы сформулировали отличия технологического предпринимательства от других видов предпринимательства, выделил признаки и характеристики, которые делают его уникальным.

Так, в Е. Badzinska [3] предложено понимание технологического предпринимательства как процесса, сочетающего в себе элементы академического и интеллектуального предпринимательства с предпринимательством коммерческих организаций, внедряющих новые технологии и инновационные бизнес-решения в рыночную среду. В этой связи можно отметить, что технологическое предпринимательство по своей сути основано именно на сотрудничестве компаний как из академического сектора, так и из бизнес-среды.

Исследования [4] показали, что доля вклада технологического предпринимательства в общее развитие мировой экономики составляет 35 % от мирового ВВП. Это, несомненно, подтверждает важность и влияние сектора технологического предпринимательства на мировой экономической арене.

В работе А. Colovic [5] представлены результаты исследования взаимосвязи между технологической средой (измеряемой объемом инвестиций в НИОКР и доступом к инфраструктуре информационно-коммуникационных технологий) и технологическим предпринимательством в 54 странах за пятилетний период. На основе данных Global Entrepreneurship Monitor и World Bank Development Indicators была обнаружена значимая и устойчивая перевернутая U-образная зависимость между инвестициями в НИОКР на уровне страны и вероятностью развития технологического предпринимательства.

Развитие технологического предпринимательства на уровне транснациональных компаний рассматривается в работе R. Luis de Moura [6], авторы отмечают, что разработка и внедрение новых технологий способствует повышению их конкурентоспособности на мировой арене. Например, некоторые транснациональные компании используют новые технологические аспекты, связанные с Data Science, для повышения эффективности принятия решений на нескольких этапах производственного процесса.

Исследование S. Shan [7] показало, что с 2010 по 2014 год в Китае увеличивается количество технологических предприятий, растет их вклад в стоимость продукции, экспорт, занятость и налоги. Так, стоимость промышленной продукции технологического предпринимательства составила 41,49 % от среднего прироста ВВП, общая стоимость экспорта высокотехнологичной продукции – около 22,6 %, а вклад технологического предпринимательства в налоговые поступления государства – около 8,49 %.

Государственная поддержка технологического предпринимательства играет важную роль в стимулировании инновационной активности и экономического развития. Поддержка технологического предпринимательства способствует развитию научно-технического потенциала страны, что влияет на ее инновационное развитие в долгосрочной перспективе [8].

В статье J. Wu [9] отмечается, что Азия отличается от остального мира своими уникальными и давно сложившимися культурными, социальными, экономическими и технологическими особенностями. Однако эти особенности до сих пор недостаточно изучены учеными, занимающимися вопросами предпринимательства. Это создает уникальный предпринимательский контекст в регионе.

Исследователь Г. Б. Саханова [10] подчеркивает динамичность предпринимательского рынка, связанную с появлением новых технологий, поэтому предпринимателям необходимо активно адаптировать свои бизнес-модели к этой динамике. В этой ситуации на помощь приходят организации, оказывающие поддержку предпринимателям. Программы акселерации стартапов, такие как Astana HUB и Tech Garden, создают платформу для взаимодействия основателей стартапов и инвесторов. Создание высокотехнологичных производств, ориентированных на инновации, способствует разработке будущих продуктов и их успешной экспортной стратегии.

Исследование эффективности государственной поддержки позволяет определить, насколько эффективно используются государственные ресурсы, направленные на поддержку технологического предпринимательства. Так, в работе P. Kurmaiev et.al. [11] была представлена система оценки эффективности стратегий государственной поддержки инновационного предпринимательства, а с помощью применения соответствующих экономических методов [12] можно выявить перспективные пути развития предпринимательства в республике, в том числе совершенствование инновационного законодательства в области государственной поддержки.

Несмотря на широкое освещение в экономической литературе вопроса об эффективности государственной поддержки МСП, политика индустриально-инновационного развития экономики не дает желаемого результата, инновационная составляющая выпускаемой продукции по-прежнему остается на очень низком уровне, конкурентоспособность выпускаемой продукции также находится на низком уровне [13].

Результаты исследования K. J. Lee [14] эффективности механизмов и инструментов финансирования, реализуемых республикой через национальный институт развития малого и среднего предпринимательства Фонд развития предпринимательства, свидетельствуют о том, что "Даму" удалось снизить региональное неравенство в финансировании МСП, о чем свидетельствует количество профинансированных МСП и число созданных рабочих мест, а многие малые фирмы не могут перерасти в средние предприятия в условиях конкуренции.

Автор работы А. Кремина [15] отмечает неэффективность увеличения объема поддержки малого бизнеса на основе результатов социологических опросов предпринимателей.

В исследовании J. M. Cansino [16] была проведена экономическая оценка государственных программ поддержки экспорта для МСП в Испании. Оценка проводилась на основе таких показателей, как вид деятельности, географическое положение, объем продаж и количество сотрудников. Результаты

анализа показали, что компании, участвовавшие в программе, улучшили свои экспортные показатели в доле от общего объема продаж примерно на 10 процентных пунктов. Панельное исследование эффективности программ стимулирования экспорта [17] опирается на субъективные статистические методы: в нем оценивается влияние программы на компетенции, стратегии и производительность малых фирм на основе данных опроса.

Однако до сих пор остаются нерешенными вопросы, связанные с изучением анализа позиции государства по приоритетному стимулированию технологического развития экономики для понимания значимости инноваций и предпринимательства с точки зрения государственной политики.

Материалы и методы исследований. Объектом исследования является система государственных инициатив по поддержке предпринимательства в Республике Казахстан. Основная гипотеза данного исследования заключается в том, что эффективность государственных программ поддержки предпринимательства оказывает существенное влияние на рост технологического предпринимательства, инноваций и конкурентоспособности экономики Казахстана.

Основное предположение нашего исследования заключалось в том, что объем государственной финансовой поддержки (льготные кредиты, гарантии и субсидии), предоставляемой Фондом «Даму», оказывает влияние на следующие итоговые переменные: количество МСП, налоговые поступления, численность занятых в МСП работников, объем производства МСП и уровень инновационной активности предприятий.

В исследовании применялись различные методы, включая исторический анализ, диалектический подход, монографические и графические методы. В качестве исходных данных использовались показатели, предоставленные АО «Фонд развития предпринимательства «Даму»», Национальным Банком Республики Казахстан и Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан за период с 2011 по 2022 год.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Мировой опыт свидетельствует о том, что одним из главных двигателей технического прогресса являются малые и средние предприятия (МСП), которые проявляют значительную инновационную активность. Это подтверждается тем, что количество новых разработок на одного научного сотрудника в МСП в четыре раза выше, чем в крупных организациях. По оценкам экспертов, из 58 крупнейших изобретений XX века, сделанных в Северной Америке и Западной Европе, не менее 46 пришлось на долю индивидуальных изобретателей и малых фирм. В развитых технологически странах доля МСП среди компаний, ориентированных на научные исследования и разработки, составляет до 90 %. Например, в Китае МСП владеют 65 % патентов и приносят в жизнь 75 % всех технических новшеств, а также создают 80 % новых продуктов в стране. Важными элементами инновационной инфраструктуры являются технопарки, бизнес-инкубаторы, центры трансфера технологий, инкубаторы бизнеса и технологий, технополисы, виртуальные инкубаторы и др. В Казахстане с участием АО «Национальное агентство по технологическому развитию» был создан ряд технопарков [18].

В период с 2004 по 2016 годы было создано 10 региональных технопарков при участии государства, однако к 2017 году 5 из них были закрыты. Основным направлением деятельности этих технопарков является поддержка и развитие предприятий, включая бизнес-инкубацию, в различных сферах, таких как информационные технологии, горнодобывающая промышленность, геология, машиностроение, металлургия, нефтегазовая отрасль и другие области.

Кроме того, в Казахстане функционируют 13 специальных экономических зон (например, «Астана – новый город», «Астана-Технополис», «Turkistan», «Морпорт Актау», «Парк инновационных технологий», «Онтустик», «Национальный индустриальный нефтехимический технопарк», «Сарыарка», «Павлодар», «Хоргос – Восточные ворота», «Химический Парк Тараз», «Международный центр приграничного сотрудничества Хоргос», «Кызылжар»), а также 31 индустриальная зона.

Также существует возможность для стартапов, которые решают актуальные технологические задачи, получить инновационные гранты при условии обязательного совместного финанси-

рования со стороны предприятий. Этот случай является одним из успешных примеров участия казахстанского бизнеса в коммерциализации технологий и технологическом развитии отраслей и компаний [19].

Можно констатировать, что в Казахстане сформирована достаточно развитая экосистема технологического предпринимательства. Следует ожидать, что благодаря совместным усилиям государственного сектора, научного сообщества и предпринимательства уровень инновационной активности малых и средних предприятий Казахстана будет стабильно расти. Однако, можно сказать, что показатели инновационной деятельности малых и средних предприятий как основного критерия развития технологического предпринимательства не сильно коррелируют с масштабами государственной поддержки. Так, уровень инновационной активности предприятий в 2022 году в целом по стране оценивается на уровне 11 %. Несмотря на то, что в течение 2011-2022 годов доля инновационно-активных предприятий показала положительную динамику, текущий уровень не в состоянии обеспечить высокие темпы инновационного и технологического развития страны. Так, данные ОЭСР за 2020 год показывают, что среднее количество компаний, внедряющих новые инновационные продукты или бизнес-процессы в развитых странах составляет 53 % [20].

Наивысшие значения имеют предприятия крупного бизнеса – 33,1 %, среднего бизнеса – 20,6 %, у малых предприятий – 8,5 % (Рисунок 1).

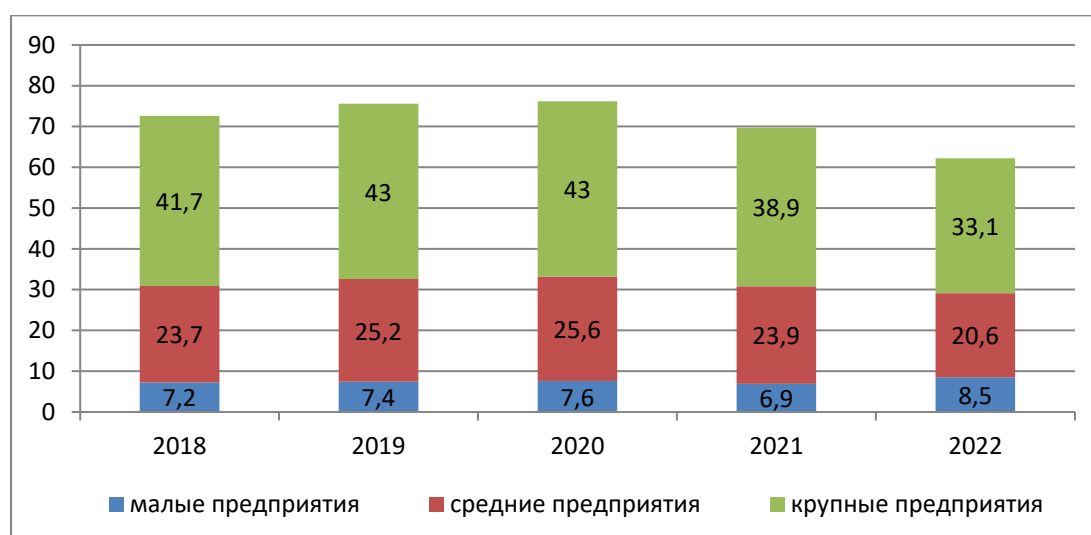

Рисунок 1 – Уровень инновационной активности предприятий в зависимости от размеров, %
Примечание – источник [21]

Крупные компании демонстрируют более высокую степень инновационной активности, не только по сравнению с малыми и средними предприятиями, но и в целом. Крупные предприятия обладают значительными собственными финансовыми ресурсами, обладают более высоким научно-техническим потенциалом и часто располагают собственными исследовательскими лабораториями и высококвалифицированным персоналом.

В отличие от крупных компаний, малым предприятиям чаще всего не хватает финансовых ресурсов, у них недостаток высококвалифицированного персонала, и они более уязвимы к воздействию факторов, таких как снижение платежеспособного спроса на рынке, так как они чаще ориентированы на предоставление потребительских услуг.

В Казахстане предприниматели предпочитают приобретать готовые технологии, программное обеспечение и оборудование, и на это направляют до 72 % всех своих инновационных инвестиций.

Объем производимой инновационной продукции за последние 5 лет вырос почти в 2 раза (Рисунок 2) и показывает хорошие темпы роста за последние 20 лет.

Несмотря на значительные усилия со стороны государства в регулировании технологического развития в реальных секторах экономики, за первые десять лет периода индустриализации доля инновационной продукции в отношении к ВВП страны увеличилась незначительно – с 1,27 до 1,83 %.

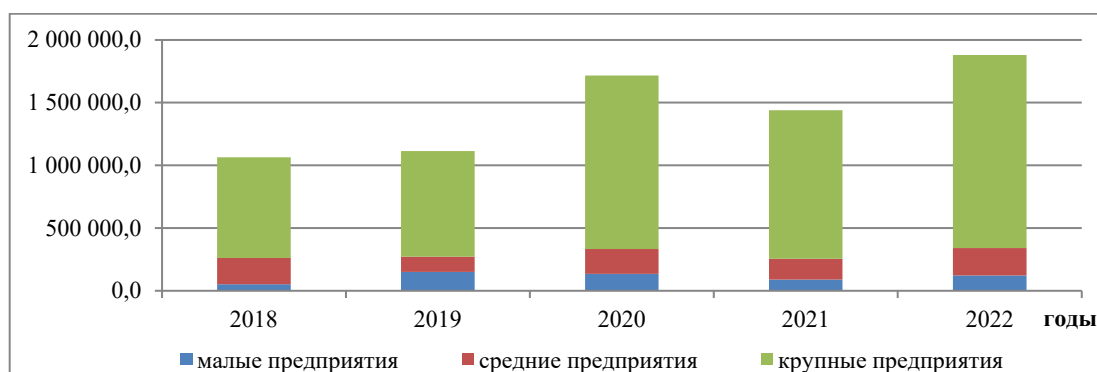

Рисунок 2 – Объем инновационной продукции в зависимости от размеров предприятий, млн. тенге

Примечание – из источника [21]

За 2022 год малый и средний бизнес в Казахстане формирует 37 % ВВП, количество действующих предприятий этого сектора составляет 99,5 %. Тогда как доля выпуска инновационной продукции, приходящейся на этот сектор – лишь 18,1 %. Однако, в целом, объем производства инновационной продукции в стране возрос показывает рост, хотя и нестабильный. Положительный тренд наблюдается по всем секторам бизнеса – как крупного, так и малого, и среднего.

Из проведенного опроса среди предпринимателей, проведенного Бюро национальной статистики, выяснилось, что главным фактором, который мешает развитию инновационной деятельности на предприятиях Республики Казахстан, является недостаток финансовых ресурсов, и это препятствие составляет около 83 % общего числа участников опроса. В основном, речь идет о нехватке собственных средств для финансирования инноваций. В то время как всего 2,5 % респондентов указали на недостаток финансирования из внешних источников как проблему.

Другие факторы, оказывающие влияние на инновационную деятельность, включают в себя высокие инновационные затраты (7,5 %), нехватку квалифицированного персонала (5,1 %) и отсутствие информации о доступных технологиях (2,0 %).

Отсутствие подробной статистической информации по различным показателям инновационной деятельности, таким как виды деятельности, формы собственности и размеры предприятий, ограничивает возможность более глубокого анализа инновационной активности субъектов предпринимательского сектора. Тем не менее, проведенный в данном исследовании анализ позволяет получить относительно объективное представление о роли предпринимательства в контексте инновационного развития экономики Казахстана. Очевидно, что уровень развития предпринимательства с точки зрения инновационной активности не соответствует требованиям современности и глобальным задачам, стоящим перед экономикой Казахстана.

В Казахстане существуют различные меры господдержки для малых и средних предприятий (МСБ), включая финансовую поддержку, такую как субсидирование процентных ставок, гарантирование кредитов и условия для размещения средств, предназначенных для финансирования МСБ. За последние пять лет Правительство сотрудничает с Фондом «Даму» для обеспечения объемов льготного финансирования, которые сравнимы с уровнем стран Организации экономического сотрудничества и развития

(ОЭСР). Общий бюджет программ поддержки МСБ за этот период составил 652,4 миллиарда тенге. Эти меры позволили финансировать 148,2 тысячи проектов МСБ на общую сумму 5,5 триллиона тенге (Таблица 1).

Таблица 1 – Показатели государственной поддержки МСБ в Казахстане

Показатели	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2021 г. в % к 2017 г.
Объем выделенных средств для МСБ, млн. тенге	73 658	95 855	109 772	142 889	230 180	312,5
Обусловленное размещение	40 098	51 140	67 554	56 460	63 310	157,9
Субсидии	30 609	40 793	35 725	64 667	128 400	419,5
Гарантии	2 951	3 922	6 493	21 762	38 470	1303,6
Количество поддержанных проектов	11 826	21 810	24 041	33 161	57 357	485,0
Доля проектов обрабатывающей промышленности, %	15,7	8,8	10,2	8,4	8,1	51,6
Примечание – таблица составлена по источникам [21]						

В качестве результативных факторов влияния мер государственной поддержки малого и среднего бизнеса были отобраны показатели, представленные в таблице 2. Важным ресурсом роста малого и среднего предпринимательства в Республике Казахстан являются привлеченные финансовые средства – кредиты, следовательно, основной акцент при реализации рамках госпрограмм был сделан на расширение доступа МСБ к кредитным ресурсам.

Увеличение количества участников в сегменте малого и среднего бизнеса и создание новых предприятий являются результатом активной инвестиционной деятельности предпринимателей. В свою очередь, новые предприятия способствуют генерации новых рабочих мест, что помогает снизить уровень безработицы в стране. Кроме того, увеличение налоговых поступлений от предпринимательства и рост объема производства продукции представляют собой непосредственные показатели положительного макроэкономического воздействия.

Таблица 2 – Показатели деятельности МСБ в Республике Казахстан за 2011-2020 гг.

Показатели	2017	2018	2019	2020	2021	2021 г. в % к 2017 г.
Количество субъектов МСБ (тыс.ед.)	1 146	1 241	1 330	1 357	1 432	125,0
Уплаченные налоги участников ГП "ДКБ 2025" (млрд.тг)	269	316	371	573	574	213,0
Численность занятых в МСБ (тыс.чел)	3 190	3 313	3 449	3 370	3 512	110,1
Выпуск продукции МСБ (млрд.тг)	23 241	26 473	32 387	32 725	41 953	180,5
Объем производства инновационной продукции (млн. тг)	844 735	1 064 067	1 113 567	1 715 500	1 438 709	170,3
Доля инновационной продукции в ВВП, (%)	1,6	1,7	1,6	2,4	1,7	110,3
Примечание – таблица составлена по источникам [22]						

За последние десять лет наблюдается стабильный рост показателей развития предпринимательской сферы в Республике Казахстан. Сектор малых и средних предприятий (МСБ) с 2019 года поддерживает высокие темпы роста, превосходя даже общие темпы роста валового внутреннего продукта (ВВП) по всей стране (+4,6 % год к году). Значительный рост активности в экономике сектора МСБ привел к увеличению его доли в общей экономике до 33,3 % в 2021 году, по сравнению с 32,8 % в 2020 году. Согласно стратегическому плану развития Республики Казахстан, к 2025 году доля МСБ в экономике страны должна составить 35 %. С учетом текущих показателей, существует высокая вероятность достижения этой цели даже раньше установленного срока.

В контексте восстановления экономики в 2021 году и ее дальнейшего роста в начале текущего года, количество предприятий в секторе МСП также увеличилось. К концу 2021 года общее количество МСП составило более 1,4 миллиона, что на 5,5 % превышает показатель 2020 года, в то время как за 2020 год их число выросло на 2 %.

Тем не менее, в 2020 году как в Республике Казахстан, так и во всем мире, был введен ряд ограничений, связанных с пандемией COVID-19. Эти ограничения негативно сказались на экономике, сократив темпы роста производства, создания новых предприятий, а также налоговые поступления в бюджет. В 2020 году количество занятых в предпринимательстве сократилось на 2,29 % по сравнению с 2019 годом, что также было обусловлено введением ограничений и мерами по сдерживанию пандемии, отразившихся на субъектах малого и среднего бизнеса.

На данный момент сектор малых и средних предприятий (МСБ) представляет около 40 % общей занятости населения в экономике страны. Структура занятости в МСП составляет около 43 % малых предприятий, 38 % индивидуальных предпринимателей (ИП), 10 % средних предприятий и 8 % – крестьянских (фермерских) хозяйств (КФХ).

ПОЛУЧЕННЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ (ВЫВОДЫ).

Таким образом, благодаря государственной поддержке бизнеса и доступности кредитных ресурсов малые и средние предприятия сумели справиться с вызовами кризиса в 2020 году и восстановить свой рост в 2021 году. Основные показатели деятельности малого бизнеса улучшились благодаря благоприятной ситуации на внешних рынках и нормализации эпидемиологической обстановки в стране.

В апреле 2022 года правительство одобрило Концепцию развития малых и средних предприятий (МСП) до 2030 года. По планам государственных органов, реализация этой Концепции должна способствовать увеличению доли МСП в валовом внутреннем продукте (ВВП) до 40 % к 2030 году, по сравнению с текущим уровнем в 33 %. Доля средних предприятий может увеличиться до 20 % от ВВП, в то время как она составляет всего 6 % на данный момент, что будет способствовать трансформации малых предприятий в средние. Планируется увеличить количество занятых в МСП с текущих 3,5 миллиона человек до 5 миллионов. Кроме того, планируется снизить долю теневой экономики с 20 % до 12 %.

Благодаря поддержке со стороны государства и доступу к кредитным ресурсам, малое и среднее предпринимательство смогли преодолеть вызовы, связанные с кризисом 2020 года, и восстановили свой рост в 2021 году. Основные показатели деятельности малого бизнеса улучшились благодаря благоприятной ситуации на внешних рынках и стабилизации эпидемиологической обстановки в стране.

В апреле 2022 года правительство утвердило Концепцию развития малых и средних предприятий (МСП) до 2030 года. Согласно планам государственных органов, выполнение этой Концепции должно способствовать увеличению доли МСП в валовом внутреннем продукте (ВВП) до 40 % к 2030 году, в сравнении с текущим уровнем в 33 %. Доля среднего предпринимательства может достичь 20 % от ВВП, в то время как сейчас составляет всего 6 %, что будет обусловлено трансформацией малых предприятий в средние. Также планируется увеличить количество занятых в МСП с текущих 3,5 миллиона человек до 5 миллионов. Кроме того, планируется сократить долю теневой экономики с 20 % до 12 %.

Анализируя действия институтов, занимающихся поддержкой предпринимательства в Казахстане, можно утверждать, что вложения в этот сектор оказали положительное воздействие. Показатели отдачи демонстрируют значительный рост, который в некоторых случаях превышает рост государственного финансирования. Основной целью данного исследования является предоставление количественной оценки макроэкономического влияния мер государственной поддержки в этом секторе экономики, на основе данных о деятельности Фонда поддержки предпринимательства «Даму» и статистических данных о функционировании предпринимательства в Республике Казахстан.

В целом, государство предпринимает все необходимые шаги для проведения политики по поддержке малого и среднего бизнеса, включая технологический. Эти меры включают в себя создание законодательных и организационных рамок, а также развитие соответствующей инфраструктуры. Однако, на наш взгляд, для обеспечения дальнейшего эффективного развития малого и среднего бизнеса можно использовать следующие инструменты:

1. Развитие государственно-частного партнерства, чтобы увеличить доверие предпринимателей к государству.
2. Поддержка и развитие малого инновационного предпринимательства, включая расширение сферы венчурных инвестиций и предоставление системы субсидий для малых инновационных компаний.
3. Увеличение уровня знаний предпринимателей в области создания и развития бизнеса, а также расширение предоставления системы государственных гарантий.
4. Стимулирование поддержки и развития конкурентной среды.
5. Особое внимание следует уделить накоплению и развитию человеческого капитала, поскольку, несмотря на благоприятные условия для ведения бизнеса, успех невозможен без компетентных кадров и соответствующих знаний и навыков.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Dutta S., Lanvin B., León Rivera L. and Wunsch-Vincent S. Global Innovation index. 2022. What is the future of innovation-driven growth? 15th Edition. – Geneva: WIPO, 2022. – 263 p. – DOI: 10.34667/tind.46596.
2. Полозков М. Г., Андреев Е. В., Жарницкий В. Я., Баяк О. А. Технологическое предпринимательство как инструмент перехода на инновационный тип развития экономики // Экономика. Налоги. Право. – 2022. – № 15(5). – С. 67-77.
3. Badzinska E. The concept of technological entrepreneurship: The example of business implementation // Entrepreneurial Business and Economics Review. – 2016. – № 4(3). – P. 57-72. – DOI: <https://doi.org/10.15678/EBER.2016.040305>
4. Global Entrepreneurship Research Association. Global Entrepreneurship Monitor. 2021/2022 Global Report. Opportunity Amid Disruption. – London: GEM, 2022. – 227 p.
5. Colovic A., Lamotte O. Technological environment and technology entrepreneurship: a cross-country analysis // Creativity and Innovation Management. – № 24(4). – P. 617-628. – DOI: <https://doi.org/10.1111/caim.12133>.
6. Luis de Moura R., Assis Cunha E., Lacruz A. J. Technology entrepreneurship: how do firms leverage data science as a basis of decision-making – a case study // Revista De Empreendedorismo E Gestão De Micro E Pequenas Empresas. – 2022. – № 7(01). – P. 48-72. – DOI: <https://doi.org/10.29327/237867.7.1-5>
7. Shan S., Jia Y., Zheng X., Xu X. Assessing relationship and contribution of China's technological entrepreneurship to socio-economic development // Technological Forecasting and Social Change. – 2018. – № 135. – P. 83-90.
8. Nurgaliyeva, A., Shulenbayeva F., Kapysheva S., Kunafina G., & Kulubekov M. Measures of state support for innovative entrepreneurship in the republic of Kazakhstan // Public Policy and Administration. – 2019. – № 21(5). – P. 665-676. – DOI: <https://doi.org/10.13165/VPA-22-21-5-12>.

10. Wu J., Si S., Liu Z. Entrepreneurship in Asia: Entrepreneurship knowledge when East meets West // Asian Business Management. – 2022. – № 21(3). – P. 317-342. – DOI: <http://dx.doi.org/10.1057/s41291-022-00187-1>.
11. Саханова Г. Б. Поддержка предпринимательства в Казахстане // Вестник университета «Туран». – 2020. – № 3. – P. 34-41. – DOI: <https://doi.org/10.46914/1562-2959-2020-1-3-34-41>.
12. Kurmaiev P., Bayramov E., Podzihun S. Creating a system of evaluation of efficiency of state support policy for innovative entrepreneurship // Scientific bulletin of Polissia. – 2017. – № 3. – P. 197-203. – DOI: [http://dx.doi.org/10.25140/2410-9576-2017-1-3\(11\)-197-203](http://dx.doi.org/10.25140/2410-9576-2017-1-3(11)-197-203).
13. Yelshibayev R. K. Current state and directions of small and medium-sized businesses development in the Republic of Kazakhstan // Bulletin of "Turan" University. – 2021. – № 1. – P. 84-90. – DOI: <http://dx.doi.org/10.46914/1562-2959-2021-1-1-84-90>.
14. Shokan R., Karipova A., Khoich A., Kabdullina G., Kudaibergenov N., Niyetalina G. Economic levers of regulation of entrepreneurship // Entrepreneurship and Sustainability. – 2019. – № 7(2). – P. 1567-1581. – DOI: [http://dx.doi.org/10.9770/jesi.2019.7.2\(54\)](http://dx.doi.org/10.9770/jesi.2019.7.2(54)).
15. Lee K. J. Introduction of Entrepreneurship Development Fund for Startups and Small and Medium-sized Enterprises: Case of Kazakhstan // Investment in Startups and Small Business Financing. Vol. 17. – 2021. – P. 233-261. – DOI: https://doi.org/10.1142/9789811235825_0008.
16. Кремин А. Е. Методика оценки эффективности государственной поддержки малого предпринимательства в регионе // Проблемы развития территории. – 2017. – № 3(89). – С. 46-61.
17. Cansino J. M., Lopez-Melendo J., Pablo-Romero M. D. P., Sánchez-Braza A. An economic evaluation of public programs for internationalization: The case of the Diagnostic program in Spain // Evaluation and Program Planning. – 2013. – № 41. – P. 38-46. – DOI: <https://doi.org/10.1016/j.evalprogplan.2013.07.002>.
18. Francis J., Collins-Dodd C. Impact of export promotion programs on firm competencies, strategies and performance: The case of Canadian high-technology SMEs // International Marketing Review. – 2019. – № 21(4-5). – P. 474-495.
19. Айбосынова Д. А., Урузбаева Н. А. Инновационная деятельность малого и среднего бизнеса в Казахстане: текущее состояние и факторы развития // Вестник университета «Туран». – 2019. – № 2. – С. 208-214.
20. Аубакирова Г. М., Исатаева Ф. М. Оценка инновационного развития транзитных экономик: пример Казахстана // Вестник университета «Туран». – 2022. – № 1. – P. 28-35.
21. Kurmanov N., Tolysbayev B., Aibossynova D., Parmanov N. Innovative activity of small and medium-sized enterprises in Kazakhstan and factors of its development // Economic Annals-XXI. – 2016. – № 158. – P. 57-61.
22. Наука и инновационная деятельность Казахстана: Статистический сборник: 2023 г. – Астана: Бюро национальной статистики, 2023. – 44 p.
23. Малое и среднее предпринимательство в Республике Казахстан: Статистический сборник: 2023. – Астана: Бюро национальной статистики, 2023. – 57 с.

REFERENCES

1. Dutta, S., Lanvin, B., León Rivera, L., & Wunsch-Vincent, S. (2022). Global Innovation Index 2022: What is the future of innovation-driven growth? 15th Edition. Geneva: WIPO. 263 p. DOI: 10.34667/tind.46596.
2. Polozkov, M. G., Andreev, E. V., Zharnickij, V. Ya., & Bayuk, O. A. (2022). Tekhnologicheskoe predprinimatel'stvo kak instrument perekhoda na innovacionnyj tip razvitiya ekonomiki. Ekonomika. Nalogi. Pravo, 15(5), 67-77 (In Russian).
3. Badzinska, E. (2016). The concept of technological entrepreneurship: The example of business implementation. Entrepreneurial Business and Economics Review, 4(3), 57-72. DOI: <https://doi.org/10.15678/EBER.2016.040305>

4. Global Entrepreneurship Research Association. (2022). Global Entrepreneurship Monitor 2021/2022 Global Report: Opportunity Amid Disruption. London: GEM. 227 p.
5. Colovic, A., & Lamotte, O. (2015). Technological environment and technology entrepreneurship: a cross-country analysis. *Creativity and Innovation Management*, 24(4), 617-628. DOI: <https://doi.org/10.1111/caim.12133>
6. Luis de Moura, R., Assis Cunha, E., & Lacruz, A. J. (2022). Technology entrepreneurship: how do firms leverage data science as a basis of decision-making – a case study. *Revista De Empreendedorismo E Gestão De Micro E Pequenas Empresas*, 7(01), 48-72. DOI: <https://doi.org/10.29327/237867.7.1-5>.
7. Shan, S., Jia, Y., Zheng, X., & Xu, X. (2018). Assessing relationship and contribution of China's technological entrepreneurship to socio-economic development. *Technological Forecasting and Social Change*, 135, 83-90.
8. Nurgaliyeva, A., Shulenbayeva, F., Kapysheva, S., Kunafina, G., & Kulubekov, M. (2019). Measures of state support for innovative entrepreneurship in the republic of Kazakhstan. *Public Policy and Administration*, 21(5), 665-676. DOI: <https://doi.org/10.13165/VPA-22-21-5-12>.
9. Wu, J., Si, S., & Liu, Z. (2022). Entrepreneurship in Asia: Entrepreneurship knowledge when East meets West. *Asian Business Management*, 21(3), 317-342. DOI: <http://dx.doi.org/10.1057/s41291-022-00187-1>.
10. Sahanova, G. B. (2020). Podderzhka predprinimatel'stva v Kazahstane. *Vestnik universiteta «Turan»*, 3, 34-41. DOI: <https://doi.org/10.46914/1562-2959-2020-1-3-34-41> (In Russian).
11. Kurmaiev, P., Bayramov, E., & Podzihun, S. (2017). Creating a system of evaluation of efficiency of state support policy for innovative entrepreneurship. *Scientific bulletin of Polissia*, 3, 197-203. DOI: [http://dx.doi.org/10.25140/2410-9576-2017-1-3\(11\)-197-203](http://dx.doi.org/10.25140/2410-9576-2017-1-3(11)-197-203).
12. Yelshibayev, R. K. (2021). Current state and directions of small and medium-sized businesses development in the Republic of Kazakhstan. *Bulletin of "Turan" University*, 1, 84-90. DOI: <http://dx.doi.org/10.46914/1562-2959-2021-1-1-84-90>.
13. Shokan, R., Karipova, A., Khoich, A., Kabdullina, G., Kudaibergenov, N., & Niyetalina, G. (2019). Economic levers of regulation of entrepreneurship. *Entrepreneurship and Sustainability*, 7(2), 1567-1581. DOI: [http://dx.doi.org/10.9770/jesi.2019.7.2\(54\)](http://dx.doi.org/10.9770/jesi.2019.7.2(54)).
14. Lee, K. J. (2021). Introduction of Entrepreneurship Development Fund for Startups and Small and Medium-sized Enterprises: Case of Kazakhstan. *Investment in Startups and Small Business Financing*, 17, 233-261. DOI: https://doi.org/10.1142/9789811235825_0008.
15. Kremin, A. E. (2017). Metodika ocenki effektivnosti gosudarstvennoj podderzhki malogo predprinimatel'stva v regione. *Problemy razvitiya territorii*, 3(89), 46-61 (In Russian).
16. Cansino, J. M., Lopez-Melendo, J., Pablo-Romero, M. D. P., & Sánchez-Braza, A. (2013). An economic evaluation of public programs for internationalization: The case of the Diagnostic program in Spain. *Evaluation and Program Planning*, 41, 38-46. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.evalprogplan.2013.07.002>.
17. Francis, J., & Collins-Dodd, C. (2019). Impact of export promotion programs on firm competencies, strategies and performance: The case of Canadian high-technology SMEs. *International Marketing Review*, 21(4-5), 474-495.
18. Ajbosynova, D. A., & Uruzbaeva, N. A. (2019). Innovacionnaya deyatel'nost' malogo i srednego biznesa v Kazahstane: tekushchee sostoyanie i faktory razvitiya. *Vestnik universiteta «Turan»*, 2, 208-214 (In Russian).
19. Aubakirova, G. M., & Isataeva, F. M. (2022). Ocenka innovacionnogo razvitiya tranzitnyh ekonomik: primer Kazahstana. *Vestnik universiteta «Turan»*, 1, 28-35 (In Russian).
20. Kurmanov, N., Tolysbayev, B., Aibossynova, D., & Parmanov, N. (2016). Innovative activity of small and medium-sized enterprises in Kazakhstan and factors of its development. *Economic Annals-XXI*, 158, 57-61.
21. Bureau of National Statistics. (2023). Nauka i innovacionnaya deyatel'nost' Kazahstana: Statisticheskij sbornik: 2023 g. Astana: Bureau of National Statistics. 44 p. (In Russian)
22. Bureau of National Statistics.. (2023). Maloe i srednee predprinimatel'stvo v Respublike Kazahstan: Statisticheskij sbornik: 2023. Astana: Bureau of National Statistics. 57 p. (In Russian)

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНДА ИННОВАЦИЯЛЫҚ КӘСІПкерлікті МЕМЛЕКЕТтік Қолдау тетіктерінің тиімділігі

А. Д. Ибыжанова¹, Э. А. Рустенова¹, Н. С. Нуркашева^{2*}

¹Жәңгір хан атындағы Батыс Қазақстан аграрлық-техникалық университеті, Орал,
Қазақстан Республикасы

²Нархоз Университеті, Алматы, Қазақстан Республикасы

АНДАТПА

Зерттеудің мақсаты қаржылық қолдауды, пайыздық мөлшерлемелерді субсидиялауды және кредиттерге кепілдік беруді қоса алғанда, Қазақстандағы ШОБ-ты мемлекеттік қолдау шараларының тиімділігін бағалау болып табылады. Зерттеу осы шаралардың елдегі ШОБ-тың дамуы мен инновациялық белсенділігіне әсерін талдауға бағытталған. Талдау сонымен қатар экономиканың қай секторлары мемлекеттік қолдауды неғұрлым белсенді пайдаланатынын және оның тиімділігіне қандай факторлар әсер етуі мүмкін екенін бағалауды қамтиды. Зерттеу нәтижесінде ағымдағы жағдайға баға беріледі және олардың дамуы мен инновациялық белсенділігін одан әрі ынталандыру мақсатында Қазақстанда ШОБ-ты мемлекеттік қолдау шараларын жақсарту үшін ұсыныстар жасалады.

Зерттеу әдістемесі. Зерттеуде әртүрлі әдістер қолданылды, соның ішінде тарихи талдау, диалектикалық тәсіл, монографиялық және графикалық әдістер. Бастапқы деректер ретінде "Даму "кәсіпкерлікті дамыту қоры" АҚ, Қазақстан Республикасының Ұлттық Банкі және ҚР АӘК Ұлттық статистика бюросы 2011 жылдан 2022 жылға дейінгі кезеңде ұсынған көрсеткіштер пайдаланылды.

Зерттеудің бірегейлігі/құндылығы. Зерттеу мемлекеттік қолдаудың нақты шараларын және олардың шағын және орта кәсіпорындардың дамуына әсерін бағалауға бағытталған. Бұл осы шаралардың өз мақсаттарына қаншалықты сәтті жететінін анықтауға мүмкіндік береді.

Зерттеудің нәтижелері (қорытынды). Зерттеу нәтижелері Қазақстан Республикасында технологиялық салада кәсіпкерлікті мемлекеттік қолдаудың табыстылығын көрсетті. Технологиялық стартаптар мен инновациялық жобаларды қолдау бойынша шаралар белсенді енгізіліп жатқан Қазақстанның мәнмәтініне ерекше назар аударылады.

Түйін сөздер: шағын және орта кәсіпкерлік, инновация, мемлекеттік қолдау, экономиканың тұрақтылығы, мемлекеттік бағдарлама.

EFFICIENCY OF MECHANISMS OF STATE SUPPORT OF INNOVATIVE ENTREPRENEURSHIP IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

A. D. Ibyzhanova¹, E. A. Rustenova¹, N. S. Nurkasheva^{2*}

¹Zhangir Khan West Kazakhstan Agrarian-Technica University, Uralsk, Republic of Kazakhstan

²Narxoz University, Almaty, Republic of Kazakhstan

ABSTRACT

The purpose of the study. The purpose of the study is to assess the effectiveness of measures of state support for SMEs in Kazakhstan, including financial support, subsidizing interest rates and guaranteeing loans. The study is aimed at analyzing the impact of these measures on the development and innovative activity of SMEs in the country. The analysis will also include an assessment of which sectors of the economy are most actively using state support and which factors may affect its effectiveness. As a result of the study, an assessment of the

current situation will be given and recommendations will be made to improve measures of state support for SMEs in Kazakhstan in order to further stimulate their development and innovation activity.

Research methodology. Various methods were used in the study, including historical analysis, dialectical approach, monographic and graphic methods. The indicators provided by the Damu Entrepreneurship Development Fund JSC, the National Bank of the Republic of Kazakhstan and the Bureau of National Statistics of the ASPR of the Republic of Kazakhstan for the period from 2011 to 2022 were used as initial data.

Originality / value of the research. The study focuses on the assessment of specific state support measures and their impact on the development of small and medium-sized enterprises. This allows you to determine how successfully these measures achieve their goals.

Findings. The results of the study showed the success of state support of entrepreneurship in the technological sphere in the Republic of Kazakhstan. Particular attention is paid to the context of Kazakhstan, where measures to support technological startups and innovative projects are being actively implemented.

Keywords: small and medium-sized enterprises, innovation, state support, economic stability, econometric analysis, state programme, regression equation, coefficient of determination, regression, correlatio

ОБ АВТОРАХ

Ибыжанова Айжан Джексенбаевна – кандидат экономических наук, Западно-Казахстанский аграрно-технический университет им. Жангир хана, Уральск, Казахстан, e-mail: iaizhan@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7552-8203>.

Рустенова Эльвира Амангельдыевна – кандидат экономических наук, Западно-Казахстанский аграрно-технический университет им. Жангир хана, Уральск, Казахстан, e-mail: Elvira02@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5542-4204>.

Нуркашева Нурсулу Султанияровна – кандидат экономических наук, асистент-профессор, Университет Нархоз, Алматы, Республика Казахстан, e-mail: nursulu.nurkasheva@narhoz.kz, ORCID: orcid.org/0000-0002-3798-3130*

МРНТИ 06.52.13

JEL Classification: E2

DOI: <https://doi.org/10.52821/2789-4401-2024-1-154-164>

ВЛИЯНИЕ ИНВЕСТИЦИЙ НА КОНКУРЕНТНОСТЬ ОБРАБАТЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ (НА ПРИМЕРЕ КАРАГАНДИНСКОЙ ОБЛАСТИ)

Е. П. Шин^{1*}, Т. Т. Мусабаев¹, М. Т. Жоламанова¹

¹НАО «Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева», Астана,
Республика Казахстан

АННОТАЦИЯ

Цель исследования – проведение сравнительного анализа и оценки влияния инвестиционной активности и ее воздействия на конкурентное развитие обрабатывающей промышленности на примере Карагандинской области.

Методология исследования – сравнительный анализ, комплексный и системный методы оценки исходных данных.

Оригинальность / ценность исследования – сравнительный анализ и оценка влияния инвестиционной деятельности на развитие обрабатывающей промышленности позволят выработать регулируемые сценарии и мониторинг устойчивого и конкурентоспособного развития региона при реализации комплексного плана социально-экономического развития и плана развития региона.

Результаты исследования – проведены анализ и оценка значимости инвестиций в развитие обрабатывающей промышленности и рост индекса экономической сложности товаров.

Ключевые слова: инвестиции, потребность в инвестициях, обрабатывающая промышленность, индекс экономической сложности, конкурентоспособность.

ВВЕДЕНИЕ

В своем обращении народу Казахстана от 1 сентября 2022 года Глава государства Касым-Жомарт Токаев в рамках второго направления «Развитие реального сектора» особо отметил вопрос необходимости проведения системной работы привлечения инвестиций [1].

Обзор литературы. С точки зрения социально-экономического развития территорий, согласно Е. С. Куликовой и О. В. Цициной, инвестиции представляют собой ключевой элемент общего организационно-экономического механизма. Они являются эффективным катализатором развития территории, создают благоприятные условия для ее существования и обеспечивают осуществление жизнедеятельности [2]. Аналогичного мнения придерживается и А. Юссуф – инвестиции играют решающую роль в модернизации производства и повышении уровня благосостояния населения [3].

Согласно Л. К. Агаевой, инвестиции представляют собой динамичный процесс смены форм капитала, приводящий к приросту капитальной стоимости ресурсов и обеспечивающий постоянное обновление изнашиваемых факторов производства [4].

Э. Годжаева, К. Пюрвеева, Е. Учурова подчеркивают, что инвестиционный капитал региона формируется из внутрирегиональных источников, таких как прибыль предприятий, активы региональных институциональных инвесторов (банки, страховые компании, паевые инвестиционные фонды, инвестиционные и пенсионные фонды), личные сбережения, а также государственные и региональные источники [5].

Исследование А. Юссуф выделяет девять составляющих инвестиционного потенциала, каждая из которых оценивается группой показателей. Эти составляющие включают природно-ресурсный, производственный, инновационный, трудовой, финансовый, институциональный, инфраструктурный, потребительский и туристический потенциал [3].

Необходимо также отметить актуальность положения А. Юссуф о положительном влиянии инвестиционного потенциала на инвестиционную привлекательность, особенно при реализации инновационных проектов и программ [3].

Инвестирование играет ключевую роль в экономике любой страны, определяя ее экономический рост, уровень занятости населения и служа существенным строительным блоком для экономического развития общества. Инвестиции являются одним из важнейших факторов развития социально-экономической системы страны, определяя ее масштабы, структуру и эффективность, и влияя на конкурентоспособность национальной экономики.

Изменения в объеме инвестиций влияют на общественное производство, занятость, структурные изменения в экономике, развитие отраслей и сфер. Динамика инвестиций является фундаментальным параметром воспроизводственного процесса, отражая распределение ресурсов между текущим потреблением и созданием основы для будущего роста.

Рост первоначальных инвестиций ведет к увеличению доходов на последующих этапах, что известно, как эффект мультипликатора. Инвестиции выполняют социальные функции, способствуя повышению занятости, воспроизводству «человеческого капитала», развитию социальной сферы и другим социальным эффектам. Целевые инвестиции в область «человеческого капитала», такие как наука, образование и здравоохранение, улучшают результаты экономической деятельности, расширяя знания, продлевая работоспособный период, укрепляя здоровье человека и т.д.

Таким образом, инвестиции представляют собой важный ресурс для развития социально-экономической системы страны [4].

Достижение высокого уровня экономического и социального развития общества выводит в число важнейших приоритетов необходимость активизации инвестиционной деятельности, осуществляемой субъектами экономики. Масштабная инновационная реконструкция предприятий всех отраслей экономики, в том числе рост экономической сложности, невозможна без активизации инвестиционных механизмов.

Проблема недостаточности инвестирования в отраслях экономики в Казахстане более чем очевидна и подтверждается статистическими данными за последние пять лет.

О недостаточности текущих объемов инвестиций в основной капитал регионов свидетельствует 46 %-ая изношенность основных фондов Казахстана; несмотря на рост объемов инвестиций в основной капитал, затраты на осуществление инноваций остаются на низком уровне; недостаточность инвестиций в основной капитал влияет и на производительность труда в обрабатывающей промышленности за последние три года – в 2020 году сложилась самая низкая производительность труда в обрабатывающей промышленности – 15 874 тыс. тенге на одного занятого [6].

Результаты расчетов показывают, что текущий объем инвестирования в основной капитал превышает необходимую потребность в инвестициях Казахстана.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

При определении фактической потребности в инвестиционных ресурсах по республике в соответствии с Национальным планом развития Казахстана до 2025 года (несмотря на то, что доля инвестиций в основной капитал (норма инвестирования) в валовой внутренний продукт (далее – ВВП) страны в 2018-2022 годах росли и составляли 18,1 %, 18,1 %, 17,4 %, 20,0 % и 21,3 %. соответственно (Таблица 1)) выявлено, что в 2018 году фактическая потребность в инвестициях в основной капитал по республике составила 11,2 трлн. тенге (недоинвестирование составило 10,3 млрд. тенге), в 2019 году – 12,6 трлн. тенге (8,6 млрд. тенге), в 2020 году – 12,3 трлн. тенге (22,8 млрд. тенге), в 2021 году – 16,8 трлн. тенге (3,5 трлн. тенге) и в 2022 году – 22,1 трлн. тенге (6,7 трлн. тенге).

Таблица 1 – Потребность Казахстана в инвестиционных ресурсах, млрд. тенге

№ п/п	Наименование	2018	2019	2020	2021	2022
1	ВВП страны	61 820	69 533	70 649	83 952	103 766
2	Норма инвестирования, %	18,1	18,1	17,4	20,0	21,3
3	Инвестиции в основной капитал	11 179	12 577	12 270	13 242	15 251
4	Необходимая потребность в инвестициях в основной капитал	11 189	12 585	12 293	16 790	22 102
Примечание – составлено авторами на основе источника [6]						

Отмечается, что пик недоинвестирования пришелся на 2020 год – недоинвестирование составило 22,8 млрд. тенге, что связано с мировым кризисом, связанным с пандемией COVID-19.

С 2021 по 2022 годы увеличивается разница между фактическим объемом инвестиций и потребностью во вливании финансовых средств. Аналогичная ситуация наблюдается и в Карагандинской области. Недоинвестирование по региону в 2018 году составило 367,9 млрд. тенге, в 2019 году – 163,8 млрд. тенге, в 2020 году – 369,0 млрд. тенге, в 2021 году – 692,4 млрд. тенге, в 2022 году – 850,5 млрд. тенге.

Для оценки влияния инвестиционной активности на развитие обрабатывающей промышленности Карагандинской области проведем анализ данных за пятилетний период.

Согласно данным Таблицы 2, отмечается рост следующих показателей за 2018-2022 годы: ВВП – в 1,6 раз или на 2 662 млрд. тенге, ВДС всей национальной экономики – в 1,5 раз, объем инвестиций в основной капитал обрабатывающей промышленности – в 2 раза. Существенный рост показал и реальный сектор: объем промышленного производства обрабатывающей промышленности увеличился в 1,5 раз в стоимостном выражении.

Таблица 2 – Макроэкономические показатели обрабатывающей промышленности Карагандинской области

№ п/п	Наименование показателя	2018	2019	2020	2021	2022
1	2	3	4	5	6	7
	ВВП, млрд. тенге	4 734	5 388	6 100	7 446	7 396
	Объем промышленного производства обрабатывающей промышленности, млрд. тенге	1 935	1 991	2 304	3 458	2 899
	ВДС обрабатывающей промышленности, млрд. тенге	1 438	1 613	1 988	2 668	2 664
	Объем инвестиций в основной капитал, млрд. тенге	489 030	811 433	692 348	796 866	724 918
	Объем инвестиций в основной капитал обрабатывающей промышленности, млрд. тенге	143 834	188 664	206 965	285 366	285 575
	Доля инвестиций в обрабатывающую промышленность от общего объема инвестиций, %	38,6	25,5	41,2	35,8	39,4
Примечание – составлено авторами на основе источника [6]						

Согласно ОКЭД, обрабатывающая промышленность региона включает 16 видов экономической деятельности (Таблица 3).

Таблица 3 – Объем производства промышленной продукции обрабатывающей промышленности Карагандинской области, млн. тенге

	2018	2019	2020	2021	2022	Удельный вес, %
Обрабатывающая промышленность	1 935 038	1 991 427	2 304 075	3 458 056	2 915 079	100
производство продуктов питания	105 544	106 679	126 676	139 106	166 037	5,7
производство напитков	16 267	20 426	21 461	25 131	30 630	1,1
легкая промышленность	5 399	5 449	7 038	6 858	7 471	0,3
производство одежды	4 149	4 292	5 792	5 358	5 520	0,2
производство деревянных и пробковых изделий	2 775	2 632	2 867	3 617	3 559	0,1
производство бумаги и бумажной продукции	4 394	4 520	3 326	4 778	5 609	0,2
полиграфическая деятельность	2 066	2 171	1 853	1 934	2 216	0,1

производство кокса и продуктов нефтепереработки	21 405	32 774	24 106	41 395	45 038	1,5
производство продуктов химической промышленности	55 639	59 136	52 154	63 515	71 865	2,5
производство основных фармацевтических продуктов	3 642	4 802	15 701	79 976	19 281	0,7
производство резиновых и пластмассовых изделий	24 205	24 849	27 910	28 095	31 857	1,1
производство прочей неметаллической минеральной продукции	56 548	66 292	71 850	84 339	100 384	3,4
металлургическое производство	1 456 491	1 450 444	1 764 431	2 724 661	2 168 838	74,4
черная металлургия, кроме литья металлов	652 522	593 512	686 230	1 396 268	1 243 631	42,7
производство основных благородных и цветных металлов	802 434	854 586	1 075 767	1 326 505	921 789	31,6
машиностроение	145 102	167 348	139 358	196 602	195 939	6,7
производство мебели	2 271	3 213	3 048	4 704	6 177	0,2
производство прочих готовых изделий	1 587	1 048	1 113	876	952	0,0
Примечание – составлено авторами на основе источника [6]						

Из всех отраслей обрабатывающей промышленности в 2022 году четыре отрасли обеспечивают более 90 % промышленного производства: производство продуктов питания, производство прочей неметаллической минеральной продукции, металлургическое производство, машиностроение. Их суммарный удельный вес в 2018-2022 годах составлял от 90,3 % до 94,0 % всего объема производства обрабатывающей промышленности.

Анализ распределения инвестиций в основной капитал обрабатывающей промышленности по различным ее сегментам позволяет выявить наиболее привлекательные для инвестора производства (Таблица 4) и таким образом определить потенциал их развития.

Так, в 2022 году наиболее привлекательными стали производство кокса и продуктов нефтепереработки, производство резиновых и пластмассовых изделий и металлургическое производство, которые в совокупности освоили 91 % всех инвестиций в обрабатывающую промышленность.

В разные годы в разные сегменты вливались наибольшие инвестиции (производство продуктов питания, производство продуктов химической промышленности, производство резиновых и пластмассовых изделий, производство прочей неметаллической минеральной продукции), но неизменным преимуществом в 2018-2022 годах отмечались инвестиции в основной капитал металлургической промышленности (2018 год – 79,1 %, 2019 год – 80,4 %, 2020 год – 91,6 %, 2021 год – 72,2%, 2022 год – 53,8 %).

Таблица 4 - Инвестиции в основной капитал по отраслям промышленности

	2018	2019	2020	2021	2022	Удельный вес, %
Обрабатывающая промышленность	143 834	188 664	206 965	285 366	285 575	100
производство продуктов питания	3 757	1 728	1 993	3 032	2 370	0,8

производство напитков	1 898	1 685	1 204	2 206	1 279	0,4
производство одежды	507	56	146	100	0	0,0
производство деревянных изделий	1	2	3	6	0	0,0
производство бумаги и бумажной продукции	132	135	76	30	3	0,0
производство кокса и продуктов нефтепереработки	817	2 583	274	1 673	20 788	7,3
производство продуктов химической промышленности	12 454	24 032	5 949	2 807	5 211	1,8
производство основных фармацевтических продуктов	58	126	467	237	240	0,1
производство резиновых и пластмассовых изделий	351	468	441	44 364	84 542	29,6
производство прочей неметаллической минеральной продукции	1 466	819	668	9 789	9 965	3,5
металлургическое производство	113 785	151 762	189 623	205 894	153 560	53,8
машиностроение	118	191	599	635	1252	0,4
производство мебели	19	10	3	4	8	0,0
производство прочих готовых изделий	21	2	4	11	14	0,0
ремонт и установка машин и оборудования	703	1 442	1 945	2 015	1 858	0,7
Примечание – составлено авторами на основе источника [6]						

Данные Таблицы 4 свидетельствуют о том, что инвестиционная привлекательность металлургического производства полностью коррелирует с позицией этой отрасли по выпуску промышленной продукции.

За этот период наибольший рост инвестиций показали такие отрасли, как производство кокса и продуктов нефтепереработки, производство резиновых и пластмассовых изделий, производство прочей неметаллической минеральной продукции, металлургическое производство, машиностроение.

Также инвестиции имеют большое влияние на индекс экономической сложности (Economic Complexity Index, ECI), учитывающий разнообразие и качество экспортных товаров и услуг [7-9].

Страны с более высоким ECI могут быть более привлекательными для иностранных инвестиций и национальных инвесторов. Это связано с тем, что более сложные экономики часто имеют более разнообразные и перспективные отрасли, что может предоставлять больше возможностей для инвесторов.

В то же время, страны с более низким ECI могут использовать инвестиции, чтобы развивать свои производственные способности и расширять ассортимент экспортируемых товаров и услуг. Это может способствовать повышению ECI, так как более разнообразные и качественные экспортные продукты могут улучшить экономическую сложность страны. Разнообразие инвестиционных потоков и развитие различных отраслей могут сгладить колебания в экономике.

Для расчета экономической сложности Карагандинской области простым способом нами собрана информация о том, какие товары экспортируются и их объемы, какие товары составляют основу экспорта региона, сколько различных видов товаров экспортируется из региона; на основе этих сведений произведен расчет индекса.

Определение экономической сложности региона более сложным методом произведено через индекс относительной конкурентоспособности (Relative Competitiveness Index, RCI) [10; 11]. Для расчета собраны исходные данные: экспортные данные области по секторам, информация о доле мирового рынка и ВВП для каждого из секторов и другие необходимые данные за последние 3 года.

Исходя из данных об экспорте товаров Карагандинской области, выявлено, что наибольший удельный вес в экспорте за последние три года занимают руды и концентраты медные, серебро необработанное или полуобработанное, медь рафинированная и сплавы медные необработанные, уголь каменный.

Таблица 5 – Данные расчета ECI и RCI для Карагандинской области

№ п/п	Показатель	2019	2020	2021
1	Стоимость экспорта региона, тыс. долларов США	3 141 551	3 433 346	4 222 477
	Руды и концентраты медные	-	-	160 676
	Серебро необработанное или полуобработанное	147 713	215 853	235 203
	Медь рафинированная и сплавы медные необработанные	2 097 939	2 200 661	2 619 934
	Уголь каменный	121 747	104 625	-
2	Стоимость мирового экспорта, тыс. долларов США	18 300 000 000	16 800 000 000	21 000 000 000
	Руды и концентраты медные	-	-	8 859
	Серебро необработанное или полуобработанное	14 730 085	22 974 281	27 263 577
	Медь рафинированная и сплавы медные необработанные	49 652 702	60 664 586	55 298 381
	Уголь каменный	92 640 950	62 701 196	49 652 702
3	ВВП региона, млн. тенге	5 388 261	6 099 856	7 446 273
4	ВВП сегмента, млн. тенге			
	Руды и концентраты медные	-	-	2 903 052
	Серебро необработанное или полуобработанное	73 170	130 049	101 972
	Медь рафинированная и сплавы медные необработанные	888 859	1 272 052	1 365 456
	Уголь каменный	1 001 554	1 272 916	-
5	ECI			
	Руды и концентраты медные	-	-	90 201
	Серебро необработанное или полуобработанное	58,4	46,0	42,9
	Медь рафинированная и сплавы медные необработанные	246,1	177,5	235,6
	Уголь каменный	7,7	8,2	-
6	RCI	0,0	0,0	6,3*10 ⁻¹⁷
Примечание – составлено авторами на основе источников [6; 12-16]				

ПОЛУЧЕННЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ (ВЫВОДЫ)

Анализ результатов расчета показал, что все вышеуказанные товары имеют положительное значение индекса экономической сложности ECI, то есть регион специализируется в более сложных и высокотехнологичных товарах.

Индекс относительной конкурентоспособности RCI в 2019-2020 годах равен 0, то есть за указанный период компаративные преимущества Карагандинской области практически отсутствуют по экспорту серебра необработанного или полуобработанного, меди рафинированной и каменного угля на мировом рынке. В 2021 году, увеличив объемы экспорта руды и концентратов медных, регион получил более высокую конкурентоспособность на мировом рынке.

Очевидно, что опережающий рост экономики базируется на росте инвестиций. Так, инвестиции в основной капитал в Казахстане находятся на уровне около 19 % ВВП. Опыт развитых стран показывает, что для энергичного экономического роста необходима норма инвестирования в 30-40 %.

Таким образом, Казахстану для конкурентного развития необходимо ежегодно не менее 22,0 трлн. тенге инвестиций, а Карагандинской области – 1,5 трлн. тенге. При этом, в структуре данных инвестиций должны преобладать частные инвестиции (прямые иностранные и отечественные инвестиции) с привлечением средств международных институтов развития (Азиатского банка развития, Европейского банка реконструкции и развития, Всемирного банка).

Для достижения необходимых значений необходимо обеспечить рост эффективности инвестиций в основной капитал и довести его уровень к внутреннему региональному продукту до 30 % за счет технологической модернизации и перевооружения предприятий обрабатывающей промышленности Казахстана, в том числе Карагандинской области, и увеличить производство более сложных и высокотехнологичных товаров для привлечения иностранных инвестиций и национальных инвесторов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана от 1 сентября 2022 года «Справедливое государство. Единая нация. Благополучное общество» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Республики Казахстан [web-сайт]. – URL: <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-181130> (Дата обращения: 05.01.2024).
2. Куликова Е. С., Цицина О. В. Инвестиционная активность, как основной элемент организационно-экономического механизма маркетинга территории // Фундаментальные исследования. – 2015. – № 2-3. – С. 554-557.
3. Юссуф А. А. Повышение инвестиционной привлекательности региональной хозяйственной системы в условиях инновационной экономики. Диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук. – Москва, 2014. – 166 с.
4. Агаева Л. К., Анисимова В. Ю. Инвестиционная привлекательность региона: учеб. пособие. – Самара: Издательство Самарского университета, 2018. – 72 с.
5. Khulkhachieva G., Markov A. V., Uchurova E., Pyurveeva K., Godzhaeva E. Investment Activity of the Region: Analysis, Problems, Prospects // In The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS. – 2019. – P. 1660-1667.
6. Статистика инвестиций [Электронный ресурс] // Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан [web-сайт]. – 2023. – URL: <https://stat.gov.kz/ru/industries/business-statistics/stat-invest/> (Дата обращения: 25.01.2024).
7. Sabiou I. A simple measure of economic complexity // Research Policy. – 2023. – № 52(7). – Article 104793. – DOI: <https://doi.org/10.1016/j.respol.2023.104793>.
8. Mealy P., Farmer J. D., Teytelboym A. A new interpretation of the economic complexity index. Economics of Sustainability & Complexity Economics Programmes, INET Oxford Working Paper, No. 2018-04. – 2018. – 36 p.

9. Tiennot C. V. Measuring economic complexity in small economies. – 2022. – 118 p. – DOI: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3591150>.
10. Dijkstra L., Papadimitriou E., Martinez B. C., Dominicis L., Kovacic M. EU regional competitiveness index 2.0. // Luxembourg: Publications Office of the European Union. – 2023. – 42
11. Notta O., Vlachvei A. Competitiveness index // *Advances in Panel Data Analysis in Applied Economic Research: 2017 International Conference on Applied Economics (ICOAE)*. – Springer International Publishing, 2018. – P. 693-705.
12. Ценовая информация по товарам [Электронный ресурс] // Официальный интернет-ресурс Комитета государственных доходов МФ РК [web-сайт]. – 2023. – URL: <https://kgd.gov.kz/ru> (Дата обращения: 25.01.2024).
13. База данных «Статистика мирового экспорта» [Электронный ресурс] // База данных "Таможенная статистика внешней торговли Российской Федерации" [web-сайт]. – 2023. – URL: https://customsonline.ru/world_export_statistics.html (Дата обращения: 25.01.2024).
14. Мировой экспорт / импорт товаров за 2019 год [Электронный ресурс] // Trend Economy [web-сайт]. – 2023. – URL: https://trendeconomy.ru/data/commodity_h2?commodity=TOTAL&indicator=TV, tv_wrld_share&trade_flow=Export,Import&time_period=2019 (Дата обращения: 25.01.2024)
15. Мировой экспорт / импорт товаров за 2020 год [Электронный ресурс] // Trend Economy [web-сайт]. – 2023. – URL: https://trendeconomy.ru/data/commodity_h2?commodity=TOTAL&indicator=TV, tv_wrld_share&trade_flow=Export,Import&time_period=2020 (Дата обращения: 25.01.2024)
16. Мировой экспорт / импорт товаров за 2021 год [Электронный ресурс] // Trend Economy [web-сайт]. – 2023. – URL: https://trendeconomy.ru/data/commodity_h2?commodity=TOTAL&indicator=TV, tv_wrld_share&trade_flow=Export,Import&time_period=2021 (Дата обращения: 25.01.2024)

REFERENCES

1. Tokayev, K. Zh. (2022). Poslanie Glavy gosudarstva Kasym-Zhomarta Tokayeva narodu Kazakhstana ot 1 sentyabrya 2022 goda «Spravedlivoe gosudarstvo. Edinaya naciya. Blagopoluchnoe obshchestvo». *Official website of the President of the Republic of Kazakhstan*. Retrieved January 5, 2024, from <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokayeva-narodu-kazakhstan-181130> (In Russian).
2. Kulikova, E. S., & Cicina, O. V. (2015). Investicionnaya aktivnost', kak osnovnoj element organizacionno-ekonomicheskogo mekhanizma marketinga territorii. *Fundamental'nye issledovaniya*, 2-3, 554-557 (In Russian).
3. YUssuf, A. A. (2014). *Povyshenie investicionnoj privlekatel'nosti regional'noj hozyajstvennoj sistemy v usloviyah innovacionnoj ekonomiki (Doctoral thesis)*. Moskva. 166 p. (In Russian).
4. Agaeva, L. K., & Anisimova, V. Yu. (2018). *Investicionnaya privlekatel'nost' regiona: textbook*. Samara: Samara university publishing house. 72 p. (In Russian).
5. Khulkhachieva, G., Markov, A. V., Uchurova, E., Pyurveeva, K., & Godzhaeva, E. (2019). Investment Activity of the Region: Analysis, Problems, Prospects. *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS*, 1660-1667.
6. Investment statistics. (2023). Bureau of National Statistics of the Agency for Strategic Planning and Reforms of the Republic of Kazakhstan. Retrieved January 25, 2024, from <https://stat.gov.kz/ru/industries/business-statistics/stat-invest/> (In Russian).
7. Sabiou, I. (2023). A simple measure of economic complexity. *Research Policy*, 52(7), Article 104793. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.respol.2023.104793>.
8. Mealy, P., Farmer, J. D., & Teytelboym, A. (2018). *A new interpretation of the economic complexity index. Economics of Sustainability & Complexity Economics Programmes, INET Oxford Working Paper, No. 2018-04*. 36 p.
9. Tiennot, C. V. (2022). *Measuring economic complexity in small economies*. 118 p. DOI: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3591150>.

10. Dijkstra, L., Papadimitriou, E., Martinez, B. C., Dominicis, L., & Kovacic, M. (2023). *EU regional competitiveness index 2.0*. Luxembourg: Publications Office of the European Union. 42
11. Notta, O., & Vlachvei, A. (2018). Competitiveness index. In *Advances in Panel Data Analysis in Applied Economic Research: 2017 International Conference on Applied Economics (ICOAE)* (pp. 693-705). Springer International Publishing.
12. Cenovaya informaciya po tovaram. (2023). *Official Internet resource of the State Revenue Committee of the Ministry of Finance of the Republic of Kazakhstan*. Retrieved January 5, 2024, from <https://kgd.gov.kz/ru> (In Russian).
13. Baza dannyh "Tamozhennaya statistika vneshnej trgovli Rossijskoj Federacii". (2023). *Baza dannyh «Statistika mirovogo eksporta»*. Retrieved January 5, 2024, from https://customsonline.ru/world_export_statistics.html (In Russian).
14. Trend Economy. (2023). *Mirovoj eksport / import tovarov za 2019 god*. Retrieved January 5, 2024, from https://trendeconomy.ru/data/commodity_h2?commodity=TOTAL&indicator=TV,tv_wrld_share&trade_flow=Export,Import&time_period=2019 (In Russian)
15. Trend Economy. (2023). *Mirovoj eksport / import tovarov za 2020 god*. Retrieved January 5, 2024, from https://trendeconomy.ru/data/commodity_h2?commodity=TOTAL&indicator=TV,tv_wrld_share&trade_flow=Export,Import&time_period=2020 (In Russian)
16. Trend Economy. (2023). *Mirovoj eksport / import tovarov za 2021 god*. URL: https://trendeconomy.ru/data/commodity_h2?commodity=TOTAL&indicator=TV,tv_wrld_share&trade_flow=Export,Import&time_period=2021 (In Russian).

THE IMPACT OF INVESTMENTS ON THE COMPETITIVENESS OF THE MANUFACTURING INDUSTRY (USING THE EXAMPLE OF THE KARAGANDA REGION)

Ye. P. Shin^{1*}, T. T. Mussabayev¹, M. T. Zholamanova¹

¹NJSC «L.N. Gumilyov Eurasian National University», Astana, Republic of Kazakhstan

ABSTRACT

The purpose of the study is to conduct a comparative analysis and assessment of the impact of investment activity and its impact on the competitive development of the manufacturing industry using the example of the Karaganda region.

The research methodology is comparative analysis, comprehensive and systematic methods for assessing initial data.

Originality / value of the research – comparative analysis and assessment of the impact of investment activities on the development of the manufacturing industry will allow us to develop regulated scenarios and monitor the sustainable and competitive development of the region in the implementation of a comprehensive plan for socio-economic development and a regional development plan.

The results of the study are an analysis and assessment of the significance of investments in the development of the manufacturing industry and the growth of the index of economic complexity of goods.

Keywords – Investment, Need for Investment, Manufacturing Industry, Economic Complexity Index, Competitiveness.

**ӨНДЕУ ӨНЕРКӘСІБІНІҢ БӘСЕКЕЛЕСТІГІНЕ ИНВЕСТИЦИЯЛАРДЫҢ ӘСЕРІ
(ҚАРАҒАНДЫ ОБЛЫСЫНЫҢ МЫСАЛЫНДА)**

Е. П. Шин^{1*}, Т. Т. Мусабаев¹, М. Т. Жоламанова¹

¹«Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті» ҚеАҚ, Астана, Қазақстан Республикасы

АНДАТПА

Зерттеудің мақсаты – Қарағанды облысының мысалында инвестициялық қызметтің ықпалы мен оның өңдеуші өнеркәсіптің бәсекеге қабілетті дамуына әсерін салыстырмалы талдау және бағалау болып табылады.

Зерттеу әдістемесі – салыстырмалы талдау, бастапқы мәліметтерді бағалаудың кешенді және жүйелі әдістері.

Зерттеудің бірегейлігі / құндылығы – инвестициялық қызметтің өңдеу өнеркәсібін дамытуға әсерін салыстырмалы талдау және бағалау әлеуметтік-экономикалық дамудың Кешенді жоспары мен өңірдің даму жоспарын іске асыру кезінде реттелетін сценарийлерді және өңірдің тұрақты және бәсекеге қабілетті дамуының мониторингін әзірлеуге мүмкіндік береді.

Зерттеудің нәтижелері өңдеуші өнеркәсіпті дамытуға және тауарлардың экономикалық күрделілік индексінің өсуіне инвестициялардың маңыздылығын талдау және бағалау болып табылады.

Түйін сөздер: инвестиция, инвестиция қажеттілігі, өңдеуші өнеркәсіп, экономикалық күрделілік индексі, бәсекеге қабілеттілік.

ОБ АВТОРАХ

Шин Елена Петровна – докторант PhD, Евразийский национальный университет имени Л. Н. Гумилева, Астана, Республика Казахстан, e-mail: lenashin84@mail.ru, ORCID ID: 0000-0002-7681-0419*.

Мусабаев Турлыбек Туркпенович – доктор технических наук, профессор, академик Национальной инженерной академии Республики Казахстан, Евразийский национальный университет имени Л. Н. Гумилева, Астана, Республика Казахстан, e-mail: eti.enu@mail.ru, ORCID ID: 0000-0002-7630-6466.

Жоламанова Макпал Токановна – кандидат экономических наук, профессор, Евразийский национальный университет имени Л. Н. Гумилева (Экономический факультет, кафедра «Финансы»), Астана, Республика Казахстан, e-mail: makpalzh@mail.ru, ORCID ID: 0000-0003-1111-0726.

Central Asian Economic Review №1 (154) 2024

Жазылатын индекс / – 74002

Редакторлары / Редакторы – **А.Ж. Сарсембаева**
Компьютерде беттеген / Компьютерная верстка – **А.Т. Акылова**

Басуға / Подписано к печати 23.02.2024

Пішімі / Формат 70×100¹/₈.

Көлемі б.т./ Объем 20,6 п.л. / Есептік б.т. / Уч-изд. 19,18 п.л. / Шартты б.т./ Усл. 15,6 п.л.

Таралымы / Тираж 300 дана /экз.

«Фортуна полиграф» баспасы» ЖШС / ТОО «Издательство «Фортуна полиграф»
050063, Алматы қаласы, 1-ықшам ауданы, 81-үй / 050063, г. Алматы, 1-микрорайон, д. 81.
akikat@mail.ru

Тел: + 7 707 463 13 22, +7 701 787 32 92,
+7 771 574 57 05

